

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра международных отношений

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

**Сборник научных статей магистрантов,
обучающихся по специальности
«международные отношения»**

Основан в 2023 году

Выпуск 1

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2023

ISBN 978-985-881-516-5

© БГУ, 2023

УДК 327(082)
ББК 66.4я431

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, доцент *А. В. Селиванов* (гл. ред.);
кандидат исторических наук, доцент *И. М. Авласенко*;
кандидат исторических наук, доцент *Е. В. Демидович*;
кандидат политических наук, доцент *Е. А. Достанко*;
кандидат филологических наук, доцент *Н. И. Дрозд*;
кандидат исторических наук, доцент *И. И. Ковяко*;
кандидат исторических наук, доцент *С. А. Лашкевич*;
кандидат политических наук, доцент *Ю. И. Малевич*;
кандидат исторических наук, доцент *О. П. Рубо*;
кандидат исторических наук, доцент *Ф. С. Саллум*;
кандидат исторических наук, доцент *С. Ф. Свилас*;
доктор исторических наук, профессор *В. Е. Снапковский*;
кандидат исторических наук, доцент *А. В. Тихомиров*;
доктор исторических наук, профессор *В. В. Фрольцов*;
кандидат исторических наук, доцент *Д. Л. Шевелёв*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент *А. В. Гурин*;
кандидат исторических наук, доцент *И. В. Жилинская*;
кандидат исторических наук, доцент *Л. М. Хухлындина*

Международные процессы и глобальная политика : сб. науч. ст. магистрантов, обуч. по специальности «междунар. отношения». Вып. 1 [Электронный ресурс] / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Селиванов (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2023. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). — ISBN 978-985-881-516-5.

Рассматриваются проблемы международных отношений и внешней политики, историография отдельных направлений мировой политики, участие Республики Беларусь в международных процессах.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10; Adobe Acrobat

Оригинал-макет подготовлен в программе Adobe InDesign

На русском и английском языках

Ответственный за выпуск *А. В. Селиванов*. Корректор *И. В. Сазонова*.

Подписано к использованию 20.12.2023. Объем 1,8 МБ.

Белорусский государственный университет.

Управление редакционно-издательской работы.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Телефон: (017) 259-70-70

E-mail: urir@bsu.by

<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Ань Цянь</i> . Вызовы торгового конфликта между США и Китаем в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и возможности их преодоления	6
<i>Гапеева В. С.</i> О влиянии войны за независимость Алжира на алжирско-французские отношения	12
<i>Гергелев Г. А.</i> Внешняя политика Китая в Центральной Азии: обзор историографии	16
<i>Головнева Н. А.</i> Интересы Китайской Народной Республики в Арктическом регионе.....	23
<i>Гукасян М. Ж.</i> Фактор Тайваня в русскоязычных исследованиях	28
<i>Гуринович А. В.</i> Геополитические интересы Китая в Восточной Европе на примере Беларуси и Украины: обзор историографии	35
<i>Иванова А. М.</i> Дипломатический протокол и этикет Китайской Народной Республики и Российской Федерации: обзор историографии.....	40
<i>Иртюк С.</i> Китай во внешней политике Турции в конце XX – начале XXI в....	46
<i>Квернадзе Н. Б.</i> Тайный канал палестино-израильских переговоров в Норвегии в исследованиях Хильде Вааге	52
<i>Ливиндюк О. В.</i> Личная дипломатия Нарендры Моди в индийских публикациях.....	65
<i>Ли Гоцин.</i> Освещение проблем китайско-японских отношений 1989–2022 гг. в китайской, японской и российской историографии	72
<i>Люй Шуя.</i> Проблемы в развитии сотрудничества между Китаем и Турцией в начале XXI в.	79
<i>Подгорный Д. А.</i> Внешняя политика Китайской Народной Республики в регионе Черного моря: обзор русскоязычной историографии	83
<i>Со Мэн.</i> Китайско-белорусские культурные связи в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: обзор историографии	89
<i>Федорович А. И.</i> Антитеррористическая деятельность в рамках Шанхайской организации сотрудничества: обзор историографии	94
<i>Хуан Шэнсян.</i> Оценки политики Китая в ООН в российской, американской и китайской историографии	100
<i>Хэ Бицзюань.</i> Участие Шанхайской организации сотрудничества в урегулировании афганской проблемы (2001–2021 гг.)	107
<i>Цуй Синьюань.</i> О развитии китайско-пакистанских отношений в 2010-х – начале 2020-х гг.	112
<i>Чжао Лу.</i> Китайско-сербские отношения в культурной и гуманитарной сферах	118
<i>Шэнь Тяньтянь.</i> Проблема стратегического партнерства Китая и Ирана на современном этапе: обзор историографии	124

ПРЕДИСЛОВИЕ

Магистратура — явление в образовательном процессе не новое. Она уже прошла определенные стадии трансформации.

Согласно обновленному Кодексу Республики Беларусь об образовании «магистр — степень, присваиваемая лицам, освоившим содержание образовательной программы магистратуры или непрерывной образовательной программы высшего образования и получившим соответственно углубленное высшее или специальное высшее образование».

Кроме того, магистратура, согласно указанному документу, — это «углубленное высшее образование при реализации образовательной программы магистратуры, направленное на подготовку специалистов с присвоением степени “магистр”».

В Кодексе отмечается: «научные исследования являются неотъемлемой частью содержания образовательной программы магистратуры, непрерывной образовательной программы высшего образования».

Студентами магистратуры становятся люди, которым небезразлично собственное будущее. Важно, чтобы они непрерывно получали знания, формировали умения и совершенствовали навыки. И одним из навыков, который надо укрепить в магистратуре, является научно-исследовательская работа в целом и подготовка научных публикаций в частности.

Продолжат ли наши магистранты обучение в аспирантуре, пойдут ли на преподавательскую работу, займутся ли практической деятельностью — процесс получения, обработки, анализа информации и подготовка выводов будут присутствовать в любой работе.

Ориентируясь на сказанное, кафедра международных отношений Белорусского государственного университета ставит научно-исследовательскую работу во главу образовательного процесса. Студенты магистратуры всегда участвуют в научно-исследовательских семинарах, которые организуются для аспирантов, а также в научных и научно-практических семинарах и конференциях. В рамках учебного процесса определяется задача активно публиковаться по теме магистерской диссертации.

Магистратура на кафедре уже прошла путь становления, и новым ее этапом станет создание ежегодного сборника научных статей наших магистрантов. Задача научных руководителей, редколлегии — помочь им в написании магистерских диссертаций. Это издание послужит началом публикационной деятельности магистрантов первого года обучения. Им необходимо будет проанализировать историографию по теме своего научного исследования. Второкурсники смогут быть более свободными в выборе темы статьи.

Редколлегия сборника благодарит магистрантов, которые включились в процесс подготовки статей. Важно, что они сами отмечают необходи-

мость подобных публикаций. Особенно значимым это издание будет для иностранных граждан, для которых русский язык не является родным.

Кроме того, кафедра развивает англоязычную магистратуру по специальности «международные отношения», что предполагает в дальнейшем англоязычные публикации.

Сборник научных статей «Международные процессы и глобальная политика» — ежегодное электронное издание, которое размещается в Электронной библиотеке Белорусского государственного университета.

Данный сборник – очередной шаг в развитии магистратуры факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Е. А. Достанко, декан факультета
международных отношений БГУ

Ю. И. Малевич, заведующий кафедрой
международных отношений БГУ

А. В. Селиванов, руководитель
магистратуры факультета
международных отношений БГУ

ВЫЗОВЫ ТОРГОВОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ США И КИТАЕМ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ань Цянь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1358232936@qq.com*

Представлены основные вызовы для инициативы «Один пояс, один путь» в связи с введением США в нарушение принципов ВТО тарифов на импорт из Китая. Для преодоления торговых барьеров и реализации инициативы предложено использовать экономический коридор многостороннего сотрудничества «Китай – Монголия – Россия» и маршрут «Китай – Европа». В качестве единственного способа для Китая и США достичь взаимовыгодного сотрудничества определен диалог и переговоры.

Ключевые слова: торговый конфликт США и Китая; инициатива «Один пояс, один путь»; вызовы.

CHALLENGES TO THE US – CHINA TRADE CONFLICT FOR THE BELT AND ROAD INITIATIVE AND WAYS TO AVOID THEM

An Qian

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, 1358232936@qq.com*

Since the D. Trump administration took office, the US has imposed tariffs on imports from China in violation of WTO principles. These actions have not only affected the US economy negatively, but has also posed a series of challenges to China's Belt and Road Initiative. This article focuses on the five major challenges that the US trade conflict poses to the Belt and Road Initiative and how China should circumvent the trade conflict. China should use the China – Mongolia – Russia Multilateral Economic Corridor as a breakthrough and give full play to the role of China – Europe rail to avoid the trade conflict. The author concludes that the only way for China and the United States to achieve mutually beneficial cooperation is through dialogue and negotiation.

Keywords: trade conflict; Belt and Road initiative; challenges.

Китайская Народная Республика и Соединенные Штаты Америки являются двумя ведущими экономиками мира. Торгово-экономические отношения между ними влияют на развитие не только двух стран, но и мировой экономики. С момента вступления президента Д. Трампа в должность в 2017 г. он проводил политику «США прежде всего», игнорируя нормы международного права, даже выходя из международных

соглашений. Это привело к волне контрглобализации по всему миру, сделало ситуацию непредсказуемой.

В 2018 г. правительство США ввело тарифы на импорт из Китая в соответствии с внутренним законодательством США и в нарушение правил ВТО. Затем США публично заявили, что торговая война была направлена против программ *Made in China 2025* – промышленной политики китайского правительства. В рамках современной международной дипломатии правительство Китая достигало соглашения с правительством США по торговым трениям, но оно было быстро разорвано Д. Трампом. В то же время США ввели штрафы и санкции против китайских компаний *ZTE* и *Huawei* соответственно. Министерство торговли США наложило на *ZTE* штрафы на общую сумму 2,29 млрд долл. США, а международные операции компании подвергаются жесткому регулированию со стороны США. В отношении *Huawei* США и их союзниками были введены санкции, исключена технология *5G* и ограничены поставки американских компаний в адрес *Huawei*. Причина, по которой США вводят тарифы против Китая, развязывают торговые и даже экономические, технологические и финансовые войны, заключается в том, что, согласно их логике, единственной страной, которая может представлять угрозу «новому величию» Америки в развитии современного мира, является Китай.

Для сказанного есть следующие причины. Во-первых, с 2010 г. Китай является второй по величине экономикой мира, и никакая другая страна не может сравниться с США по объему экономики. Во-вторых, быстрое экономическое развитие Китая, его амбиции и действия по превращению в мировую державу усилили чувство «подавленности» США. И наконец, реализация инициативы «Один пояс, один путь» может оказать значительное влияние на международный геополитический ландшафт, и США опасаются, что это влияние скажется на их международном положении. По указанным причинам администрация Д. Трампа считала, что реализация мечты Китая стать могущественной державой неизбежно будет воздействовать на стратегию США «снова стать великими», на абсолютное политическое, экономическое и военное превосходство США и их контроль над международным сообществом. В связи с этим Соединенные Штаты, чтобы стать «снова великими», начали торговый конфликт с Китаем, полностью игнорируя международное право, правила и механизм разрешения споров ВТО.

Как видно из практики последних лет, ряд мер по защите торговли, принятых Соединенными Штатами, с их позицией и тактикой крайнего давления, подорвали мировую многостороннюю торговую систему вопреки правилам ВТО, нарушили глобальные промышленные цепочки поставок и создали серьезные проблемы для восстановления мировой экономики и экономической глобализации. Однако торговый конфликт

с Китаем не сделал США «снова великими» и не только не способствовал их экономическому росту, но и принес серьезный вред им самим. Согласно докладу, опубликованному Американской торговой палатой совместно с *Rongding Group* в марте 2019 г., в результате экономических и торговых трений между США и Китаем с 2019 г. валовой внутренний продукт (ВВП) США сократился на 64–91 млрд долл. США [1]. Американские предприятия столкнулись со значительным увеличением производственных затрат и цен, что отразилось на экономическом росте и улучшении условий жизни.

В свете последних событий торговый конфликт между США и Китаем может создать несколько проблем для инициативы «Один пояс, один путь», которые должно решить китайское правительство:

1) массовое замещение отраслей промышленности. С одной стороны, торговый конфликт между США и Китаем может ускорить отток иностранных предприятий и перемещение промышленности из Китая, с другой стороны, политика Китая по дальнейшему развитию промышленного сотрудничества в рамках инициативы может способствовать быстрому перемещению китайской национальной промышленности;

2) разъединение или разрыв некоторых промышленных цепей. Эскалация торгового конфликта между США и КНР проявляется в виде ограничений, эмбарго и санкций, введенных США в отношении некоторых ключевых отраслей промышленности или товаров в Китае, что может даже привести к нарушению или разрыву некоторых глобальных промышленных цепочек;

3) статус КНР как развивающейся страны. Президент США Д. Трамп 26 июля 2019 г. подписал меморандум, согласно которому торговому представителю США следует «использовать все средства» для обеспечения того, чтобы Всемирная торговая организация изменила статус Китая как развивающейся страны. Если в течение 90 дней не будет замечено существенного прогресса, Соединенные Штаты «предпримут односторонние действия»;

4) положительное сальдо текущего счета Китая вынуждено корректироваться, а источник валютных средств для строительства инициативы «Один пояс, один путь» сталкивается с ограничениями. Из-за торгового конфликта двусторонний профицит между Китаем и Соединенными Штатами может столкнуться с большим давлением. Это окажет важное влияние на общий профицит счета текущих операций КНР и накопление валютных резервов и, в свою очередь, создаст дополнительные ограничения для собственных источников валютных средств Китая, инвестируемых в развитие инициативы;

5) давление девальвации обменного курса юаня. Из-за торговых конфликтов и тарифной эскалации давление на девальвацию юаня с каж-

дым днем растет. В 2008 г. обменный курс впервые превысил 7 юаней за 1 доллар. Министерство финансов США немедленно обвинило Китай в том, что он манипулирует валютой в связи с внутривалютными потребностями и национальными интересами, когда так называемые стандарты, которые оно установило, не были соблюдены.

Основные проблемы, вызванные торговым конфликтом, уже поставлены перед Китаем. Ему следует углублять реформы экономической инфраструктуры и ориентироваться на рынок, а также поощрять и поддерживать компании в расширении рынков за пределами Соединенных Штатов. Реализация же стратегии «Один пояс, один путь» может обеспечить пространственную, политическую и финансовую поддержку китайских предприятий для выхода на рынки других стран. Китай постоянно сталкивается с торговыми трениями со стороны США и торговыми санкциями со стороны своих союзников, и вместо того, чтобы противостоять им, лучше открыть еще один рынок и активно развивать торговлю инициативы. Китаю необходимо скорректировать структуры экспортной продукции и экспортного рынка, а также уменьшить зависимость от торгового рынка США, продолжать развивать связи с торговыми партнерами «Пояса и пути», чтобы уменьшить влияние торговых трений между Китаем и США.

В сложившейся ситуации целесообразно рассмотреть следующие пути. Во-первых, необходимо воспользоваться экономическим коридором многостороннего сотрудничества «Китай – Монголия – Россия», чтобы эффективно совместить предложение внутренней и международной торговли КНР и рыночный спрос. Стратегическая ценность указанного коридора в последние годы становится все более очевидной, поскольку он проходит через Монголию, Россию и другие страны и соединяется с европейскими государствами. Товарам, предназначенным для Европы, больше не нужно преодолевать Индийский океан и Средиземное море, чтобы достичь потребителей. Это обеспечивает удобную доставку товаров и экономит транспортные расходы, а также значительно продвигает торговлю между Востоком и Западом. В то же время экономический коридор «Китай – Монголия – Россия» способствует развитию региональной экономики, стимулирует северо-западный (например, Синьцзян) и северо-восточный (восточная часть Внутренней Монголии и Хэйцзи-Ляо) Китай. Поднебесная экспортирует в Монголию и Россию высококачественные и недорогие товары повседневного спроса, продукты питания, овощи и технику, которые находятся в дефиците, а Монголия и Россия экспортируют в КНР свои энергетические ресурсы, что еще больше связывает страны. Тесное торговое сотрудничество между тремя странами создает больше рабочих мест для местного населения, повышает уровень его доходов и способствует

дальнейшему развитию местной экономики. Исходя из этого, можно эффективно соединить спрос и предложение инициативы «Один пояс, один путь», используя многостороннее экономическое сотрудничество между Китаем, Монголией и Россией в качестве отправной точки и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций в качестве канала финансирования и доступа к средствам, необходимым для сотрудничества по инфраструктурным проектам. В странах, расположенных вдоль «Одного пояса, одного пути» схема планирования строительства экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» может быть использована в качестве руководства для строительства трансграничных промышленных парков и продвижения взаимосвязи экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» [2].

Во-вторых, в полной мере следует реализовать функцию китайско-европейского маршрута. По состоянию на июль 2019 г. он включал 65 направлений, по которым курсировали почти 8 тыс. поездов в более чем 130 городов в 30 странах [3]. Это привлекло пристальное внимание зарубежных СМИ, особенно из стран, расположенных вдоль движения поездов (Россия, Германия, Франция, Испания и т. д.). Являясь важным элементом проекта «Один пояс, один путь», маршрут «Китай – Европа» все больше становится новой точкой роста торговли с Европой. С точки зрения категорий торговой продукции наибольшая доля экспорта Китая приходится на электромеханические изделия (за ними следуют изделия легкой промышленности, такие как обувь и головные уборы), в то время как наибольшая доля импорта Китая приходится на самолеты, механические приборы и минеральное топливо. Соответственно, целесообразно использовать коридор «Китай – Европа» для укрепления двустороннего взаимодействия и торговли в целях достижения взаимной выгоды. Таким образом, необходимо сосредоточиться на том, чтобы использовать его для экспорта электромеханической и легкой текстильной продукции, нужной странам, расположенным вдоль маршрута, и в то же время ввозить обратно важные для Китая товары – самолеты, космические аппараты и их части. Кроме того, необходимо создать комплексную международную платформу информационного обслуживания для маршрута «Китай – Европа» и повысить уровень информационных технологий в эксплуатации и управлении, чтобы можно было эффективно изучать спрос и предложение на европейском рынке в режиме реального времени.

Усиление торговых противоречий между США и Китаем не только повлияет на экономику обеих стран, но и пошатнет нынешний международный экономический порядок и окажет огромное влияние на структуру мировой торговли. Исходя из сказанного, КНР и США должны укреплять диалог и консультации, а также искать другие пути, чтобы избежать расширения торговой войны.

Список источников

1. Позиция Китая в отношении консультаций между США и Китаем по вопросам экономики и торговли [Электронный ресурс] // Государственный совет КНР. – 02.06.2019. – Режим доступа: <http://www.gov.cn/zhengce/2019-06/02/content_5396858.htm>. – Дата доступа: 02.10.2022 (на кит. яз.).

2. Лю, Шуан. Создание новой платформы для международного сотрудничества в целях ускорения строительства экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» / Шуан Лю // Акад. обмен. – 2017. – № 11. – С. 137–141 (на кит. яз.).

3. Чжан, Фань. Целесообразность и конкретный путь опоры на инициативу «Один пояс, один путь» для избежания позитивного торгового конфликта между Китаем и США / Фань Чжан // Внешнеторговая практика. – 2019. – № 6. – С. 23–26 (на кит. яз.).

*Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор
В. В. Фрольцов*

О ВЛИЯНИИ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ АЛЖИРА НА АЛЖИРСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В. С. Гапеева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gapeeva99@yandex.ru.*

Проанализировано влияние исторического прошлого Алжира и Франции на формирование отношений двух государств. Особая значимость в складывании отношений отведена войне за независимость Алжира 1954–1962 гг., одному из самых жестоких конфликтов в истории деколонизации. Отмечена важность оси «Алжир – Франция», влияние двусторонних отношений на глобальную картину мира.

Ключевые слова: независимость Алжира; алжирско-французские отношения.

THE IMPACT OF THE ALGERIAN WAR OF INDEPENDENCE ON ALGERIAN-FRENCH RELATIONS

Victoria Gapeeva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, gapeeva99@yandex.ru*

The Algerian war of 1954–1962 was one of the most violent conflicts in the history of decolonisation. Thousands of Algerians and French soldiers lost their lives. The event became a violent insurgency in which the French military resorted to different methods to suppress it. The colonial past and the contradictions in contemporary relations are still an important topic of the research. The author concludes that within the many predictions of how the view of the global world will change, it is very important to consider the importance of the Algeria – France axis, because Algeria is part of the Arab world with its independent views.

Keywords: Algerian independence; Algerian-French relations.

Отношения между Францией и Алжиром сами по себе актуальны. Путь, который прошли оба государства (их прошлое, нынешние вызовы, с которыми сталкивается как Алжир после обретения независимости, так и Франция с грузом своего неоднозначного исторического отношения, на результат которого сегодня стране приходится смотреть и усваивать ошибки), влияет на международную обстановку. Франция – одна из ведущих стран Европейского союза, в связи с чем для нее важно выстроить правильную внешнюю политику.

Целью статьи является рассмотрение влияния исторического прошлого двух государств на формирование их отношений.

У алжирской революции не было сильного лидера, но было мощное руководство, многие из которого принадлежали к новому поколению с другими взглядами и перспективами. Молодым лидерам было от двадцати до тридцати пяти лет. Все они понимали, что партизанская война и саботаж были единственными средствами, с помощью которых можно было заставить французское правительство изменить обстановку в стране [1, р. 58]. Франция объявила чрезвычайное положение в 1955 г., который стал годом первых дебатов в Организации Объединенных Наций по этому вопросу. Франция как член Совета Безопасности требовала от ООН принятия не имеющих силу деклараций. Последние поддержали мир в Алжире, но не пошли дальше: вопрос о праве алжирского народа на самоопределение не рассматривался [1, р. 54]. Понятие «самоопределение» пугало французов, стремящихся поддерживать отношения господства-подчинения между группами с высоким и низким статусом. Фактически насилие было нормой и даже стало культурной ценностью. Война закончилась только тогда, когда французский президент Ш. де Голль, поначалу являвшийся надеждой французских сторонников жесткой линии, в 1962 г. подписал мирное соглашение с повстанцами [2]. Далее было предпринято много усилий для построения мира после такого разрушительного конфликта. К сожалению, раньше концепций разрешения конфликтов было меньше, чем сегодня. В то время невозможно было думать о моральных принципах и подходах. Примирение подразумевает охват значительного числа составляющих. Сегодня теории примирения рассматривают такие фундаментальные элементы, как истина, справедливость и безопасность [1, р. 59].

В 1962 г. Алжир твердо заявил о неприемлемости любого вмешательства Франции в его внутренние дела, несмотря на сохранение отношений со своим бывшим колонизатором. После обретения независимости Алжир пережил гражданскую войну (1991–2002), которая вывела отношения с Францией на новый уровень [3]. Изначально Франция не реагировала на происходящее, однако позже начала проявлять свое влияние в алжирской политике, которое основывалось на собственных интересах, так как приход к власти исламской партии полностью противоречил интересам страны.

Ожидалось, что после гражданской войны отношения между двумя странами снова обострятся. Президент Алжира А. А. Бутефлика (1999–2019) придавал большое значение сотрудничеству с Францией, но не позиционировал ее как единственное внешнеполитическое направление. В подтверждение сказанного можно привести тесные отношения Алжира с Европейским союзом [5].

На ухудшение отношений двух стран повлиял закон, принятый Национальной ассамблеей Франции в 2005 г., который подтверждал положительную роль французского присутствия за границей. Этот закон вызвал серьезные споры как во Франции, так и в Алжире. Французские историки отреагировали на закон, подписав петицию с требованием его отмены [4]. В январе 2006 г. французский президент Ж. Ширак отдал распоряжение Конституционному совету отменить статью 4 данного закона, однако имидж Франции в международном сообществе уже был подорван. Игнорирование и отрицание Францией того, что произошло в Алжире, вызвало серьезную критику общественности страны. В итоге данные дебаты привели к пересмотру колониальной истории Франции и школьной программы.

Длительное время Алжир требовал от Франции официальных извинений за преступления, совершенные во время колонизации, в качестве предварительного условия устойчивости двусторонних отношений. Однако Франция многие годы избегала официальных соболезнований. Это породило проблематичность в дальнейших отношениях двух стран. Попытка их наладить была предпринята в июле 2020 г.: Франция передала Алжиру черепа 24 бойцов сопротивления, обезглавленных во время колониальной оккупации Алжира и десятилетиями хранившихся в парижском музее. Данный жест показал, что Франция хотела завоевать доверие Алжира [5]. Однако важно отметить существование споров: действительно ли эти черепа принадлежат бойцам сопротивления.

Таким образом, отношения Алжира и Франции переживали успехи и неудачи, но никогда не прерывались. Колониальное прошлое останется в памяти двух государств и будет играть роль в политических отношениях. Со стороны Франции можно заметить важное продвижение к признанию своей неправоты в то далекое время. Французам необходимо показать эти намерения, чтобы способствовать примирению двух государств и не осложнять своего положения на международной арене. Очень важно пересмотреть прошлое. Государство медленно, но движется в сторону потепления политических отношений с Алжиром. То, как будут складываться двусторонние отношения рассматриваемых государств, определенно скажется на глобальной картине мира.

Список источников

1. Calçada, M. Analysis of the Algerian War of Independence: Les Événements, a Lost Opportunity for Peace / M. Calçada // J. of Conflictology. – 2012. – Vol. 3, N 2. – P. 52–61.
2. Barbeto, M. France still struggles with the shadow of the ‘War without a name’ [Electronic resource] / M. Barbeto // Foreign Policy. – 13.02.2021. – Mode of access: <<https://foreignpolicy.com/2021/02/13/france-algerian-war-legacy-politics-colonialism/>>. – Date of access: 07.11.2022.

3. Civil war: the Islamists versus the army [Electronic resource] // Britannica. – Mode of access: <<https://www.britannica.com/place/Algeria/Civil-war-the-Islamists-versus-the-army>>. – Date of access: 07.11.2022.

4. Henly, J. French angry at law to teach glory of colonialism [Electronic resource] / J. Henly // The Guardian. – 15.04.2005. – Mode of access: <<https://www.theguardian.com/world/2005/apr/15/highereducation.artsandhumanities>>. – Date of access: 08.11.2022.

5. Halil, A. R. The relations between Algeria and France in the shadow of colonial legacy: a new page possible? / A. R. Halil // Aralık. – 2021. – Vol. 5, N 2. – P. 701–725.

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
Ф. С. Саллум*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

Г. А. Гергелев

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gerggera@gmail.com*

Проанализированы научные работы по вопросам внешней политики Китайской Народной Республики в Центральной Азии. Показан ряд исследований по рассматриваемой проблематике российских, белорусских, центрально-азиатских и западных ученых. Отмечена серьезная изученность данной темы в русско- и англоязычном научном сегментах. Выявлены предпосылки для расширения белорусских исследований по указанной проблематике, особенно учитывая перспективы вступления Республики Беларусь в Шанхайскую организацию сотрудничества.

Ключевые слова: международные отношения Китая; внешняя политика Центральной Азии.

HISTORIOGRAPHY OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN CENTRAL ASIA

German Gergelev

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, gerggera@gmail.com*

Scientific papers on the foreign policy of the People's Republic of China in Central Asia are analysed. A set of scientific researches on this issue by Russian, Belarusian, Central Asian and Western scientists is illustrated. It is concluded that this topic has been studied seriously enough in Russian- and English-language scientific segments. At the same time, there are all prerequisites for expanding Belarusian research on this issue, especially given the prospects of Belarus' joining the Shanghai Cooperation Organisation.

Keywords: international relations People's Republic of China; foreign policy of Central Asia.

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что Китайская Народная Республика является быстроразвивающимся государством, которое меняет свое место и роль в международных отношениях. Благодаря масштабному росту экономики за последние несколько десятилетий Китай имеет влияние не только среди стран Центральной Азии, но и на мировой арене.

С точки зрения геополитики основную роль для Китая на международном уровне играет его окружение. Важным регионом сотрудничества для Китайской Народной Республики является Центральная Азия – один из шести регионов периферийной дипломатии. Во внешнеполитической стратегии Китая политика в Центральной Азии определяется особыми интересами в данном регионе – создание дружественных двусторонних отношений, установление границ и обеспечение безопасности. Китай для стран Центральной Азии играет значительную роль в торгово-экономических отношениях.

В XXI в. связующим звеном между Китаем и Центральной Азией является Шанхайская организация сотрудничества. В рамках этой организации развивается сотрудничество в политической, экономической, культурной и других сферах, обсуждаются глобальные и региональные проблемы.

Таким образом, процессы сотрудничества между указанными регионами подтверждают теоретическую и практическую актуальность статьи.

Все изложенное объясняет внимание исследователей к данной теме. Можно сказать, что вопрос отношений Китая со странами Центральной Азии начал набирать популярность с 1991 г., когда центрально-азиатские государства (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан) стали независимыми после распада СССР.

Целью статьи является обзор публикаций экспертов и аналитиков по вопросам внешней политики Китая в странах Центральной Азии.

Большинство работ по проблематике данного исследования показывают роль Китая в инициативе «Экономического пояса Шелкового пути». Мы не обошли стороной исследования авторов до 2013 г., когда данная инициатива лишь начинала зарождаться.

В статье Тянь Е отмечено, что история отношений Пекина и Центрально-Азиатского региона насчитывает более 2000 лет. Автор сообщает, что в Древнем Китае (как в современных исторических источниках) не существует понятия «Центральная Азия»: пять государств Центральной Азии определялись как «Западный регион». Географически он менялся с приходом новой династии. Тянь Е утверждает, что сегодня этот термин ассоциируется у китайцев с древним Центрально-Азиатским регионом. Автор указывает на рост исследований по вопросам Центрально-Азиатского региона, что необходимо для «реализации государственных стратегических курсов и инициатив» [1].

В. В. Парамонов, А. В. Строков и О. А. Столповский в статье «Внешняя политика Китая в Центральной Азии» четко обозначили три этапа становления и развития рассматриваемых отношений. На первом этапе (1992–1995 гг.) Китай первый признал суверенитет, стал расширять дипломатические отношения и договорно-правовую базу, а также изучать

накопившиеся проблемы в сфере безопасности. На тот момент основной целью внешней политики страны было формирование комфортной международной среды и создание «пояса стабильности» вдоль границ КНР. Стоит отметить, что тогда Пекин придерживался осторожности и в основу его поведения легла тактика Дэн Сяопина «24 иероглифа». Иными словами, у Китая была «стратегия выжидания» [2].

На втором этапе (1996–2001 гг.) развития отношений прослеживается изменение внешнеполитического курса, связанное с третьим кризисом в Тайваньском проливе (1995–1996 гг.) и финансовым кризисом Юго-Восточной Азии (1997–1998 гг.). Руководство Китая пришло к выводу, что без «наступательной» внешней политики страна не совершит большого толчка в экономическом развитии [2].

Авторы обозначили, что в 1996 г. Китай инициировал создание «Шанхайской пятерки», позже (в 2001 г.) на базе этого института была создана Шанхайская организация сотрудничества [2].

В. В. Парамонов, А. В. Строков и О. А. Столповский отметили сближение Китая с Центральной Азией, которое не было активным. Однако в 1999 и 2000 гг. были попытки вооруженного проникновения на территорию Кыргызстана и Узбекистана. Китай стал оказывать странам Центральной Азии военно-техническую помощь. В итоге Пекин смог выступить неким гарантом безопасности в Центрально-Азиатском регионе [2].

Третий этап развития рассматриваемых отношений авторы обозначили переломным. Возникли новые корректировки внешней политики Пекина, которые предусматривали более активный курс, направленный на отстаивание своих интересов. Определенную роль в этом сыграло 11 сентября 2001 г. и укрепление военного, политического и экономического влияния США [2].

Первый этап зарождения новых отношений в различных сферах анализирует В. Р. Боровой. В первой части своей статьи он рассматривает возможности, которые открываются для страны и региона: во-первых, борьба за геополитическое влияние в регионе; во-вторых, новые транзитные возможности и энергетический потенциал; в-третьих, соседство со странами, страдающими после распада Советского Союза от внутренней нестабильности. Автор считает, что Китай поторопился воспользоваться сложившейся после распада СССР ситуацией для утверждения себя в качестве полноправного партнера центрально-азиатских стран. Во второй части статьи В. Р. Боровой затрагивает фактор неопределенности Китая, который замедлил проработку четкой стратегии в регионе. Пекин предпочел наладить многостороннее сотрудничество со странами Центральной Азии в форме «Шанхайской пятерки» и тем самым застраховать себя от возможных рисков, связанных с развитием исключительно двусторонних отношений в данном регионе [3].

Статья Н. А. Миловановой посвящена анализу сотрудничества Китая и Казахстана (за 29 лет) после обретения бывшей советской республикой независимости. Автор отмечает, что «взаимодействие Казахстана и Китая не ограничивается двусторонним форматом, наши страны поддерживают хорошую координацию и согласование в рамках международных организаций: ООН, ШОС, СВМДА. Китайская сторона придает большое значение и оказывает всестороннюю поддержку инициированной Главой Казахстана СВМДА и принимает активное участие во всех заседаниях, проходящих в рамках данной организации» [4].

Вопросы сотрудничества Китая с Кыргызстаном как важнейший аспект внешнеполитического курса Кыргызстана рассматриваются в статье Г. А. Конгайтиевой. Кроме того, уделяется внимание дипломатическим отношениям, сотрудничеству в политической, экономической и культурной сферах. В 1991 г. Пекин признал независимость Кыргызстана, вскоре были установлены первые дипломатические отношения. В мае 1992 г. Китай первым открыл посольство в Бишкеке. Зарождение торговых отношений между странами положительно сказалось на внутриэкономической ситуации Республики Кыргызстан. Автор, ссылаясь на исследование А. Л. Салиева «Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток», утверждает, что в будущем Китай станет главным торгово-экономическим партнером Кыргызстана [5].

Перспективы и краткую историю формирования отношений Китая и Узбекистана анализирует в своей статье Д. К. Юсупалиева. Дружеские отношения были установлены в 1992 г. Автор отмечает, что партнерская дружба зарождалась еще в эпоху Великого шелкового пути. Китай, как и Кыргызстан, одним из первых признал суверенитет Узбекистана. Четко прослеживается развитие связей в экономической, культурной и политической сферах. В 1994 г. был подписан Протокол об основных принципах взаимоотношений и о развитии взаимовыгодного сотрудничества между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой, в 2004 г. – декларация о партнерских отношениях. Можно проследить, что конец XX – начало XXI в. является периодом создания договорно-правовой базы. Автор подчеркивает, что основа развития отношений между странами – Совместная декларация об установлении стратегического партнерства от 6 июня 2012 г. Сегодня китайско-узбекские отношения находятся на высоком уровне, что подтверждается сотрудничеством в рамках «Экономического пояса Шелкового пути», высоким уровнем инвестиций в различные сферы экономики Узбекистана [6].

Роль и место Китая во внешней политике Таджикистана, а также двусторонние взаимоотношения между странами рассматривает Х. Г. Комилова. Как отмечает автор, партнерские отношения развиваются про-

дуктивно. Это связано с укреплением экономической базы со стороны Китая. Зарегистрировано более 300 таджикско-китайских предприятий. Инвестиционный поток направлен на инфраструктуру различного характера. Х. Г. Комилова выделяет основные сферы сотрудничества:

1) безопасность (Китай поддерживает внутреннюю стабильность Таджикистана для подавления роста терроризма и сепаратизма);

2) транспортно-коммуникационная (в 2004 г. Китай инвестировал в автомагистраль, которая связывает КНР и Таджикистан);

3) экономическая (ввиду того что экономика Поднебесной стала расти, ей понадобились различного рода ресурсы, торговые отношения двух стран являются приоритетной сферой стратегического партнерства);

4) гуманитарная (как с Кыргызстаном, так и с Таджикистаном Китай сотрудничает в сфере образования).

Была подписана Декларация об основных принципах взаимоотношений между странами. Сотрудничество между ними дает большую выгоду, но автор выделяет и отрицательный фактор, связанный с зависимостью Таджикистана от Китая [7].

Суть особой заинтересованности Китая в Туркменистане раскрывают В. С. Мирзеханова и М. В. Тюлпакова. Авторы смело присваивают Кыргызстану и Таджикистану роли транзитного участника и посредника, чего нельзя сказать о Туркменистане, который имеет свои особенности, связанные с газовым потенциалом. Во-первых, Туркменистан находится в сфере влияния Китая в регионе. Во-вторых, существует огромный запас энергоресурсов, которые поставляются в Поднебесную через Центральную Азию [8].

Авторы отмечают сотрудничество в газовой сфере, в частности газопровод «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай». Руководство Туркменистана назвало это событие «Проектом века». Впоследствии оно придало нарастающую динамику двусторонним отношениям. Исследователи отмечают высокие экспортные возможности Туркменистана и делают вывод, что ни одна страна не способна в таком объеме принять экспорт дорогого газа и брать на себя расходы касательно транзита [8].

Из англоязычных исследований выделим работу экспертов «фабрики мысли» *RAND Corporation* А. Скобелля, Е. Ратнера и М. Беклея. В ней анализируются движущие силы политики Китая в отношении Центральной Азии, определяется его стратегия, исследуются масштабы деятельности государства в регионе и оцениваются их последствия для Соединенных Штатов. Авторы утверждают, что ответ Китая на сложные проблемы на его западных границах в течение последних двух десятилетий заключался в принятии стратегии «Пустой крепости», согласно которой Китай смело создает образ значительной силы в Центральной и Южной Азии, чтобы замаскировать серьезную слабость. Исследова-

тели пришли к выводу, что «Китай не представляет серьезной угрозы интересам США в Центральной Азии и вряд ли будет представлять ее в ближайшем будущем» [9, р. 82].

Различные подходы Китая, России и США в отношении Центральной Азии показывает М. Олкотт. Китай стремится расположить к себе страны Центральной Азии, взамен предлагая им уважение, хорошие условия для торговли и кредита. В отличие от России, Китайская Народная Республика не ограничивает торговую политику стран Центральной Азии, не пытается каким-либо образом повлиять на их политические результаты. Также в отличие от США, Китай не требует от лидеров государств Центральной Азии согласовывать график и программы их внутренних реформ [10].

Проанализировав работы по указанной теме, можно сделать вывод, что белорусских исследований по данному вопросу немного. Однако даже небольшой анализ русско- и англоязычной историографии показывает достаточно большой спектр исследований.

Список источников

1. Тянь, Е. Изучение Центральной Азии в Китае: История, современное состояние, основные исследовательские центры [Электронный ресурс] / Е Тянь // Международный отношения. – 2019. – № 1. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29049. – Дата доступа: 15.11.2022. (<https://doi.org/10.7256/2454-0641.2019.1.29049>)
2. Парамонов, В. Внешняя политика Китая в Центральной Азии / В. Парамонов, А. Строков, О. Столпковский // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – Т. 13, № 4. – С. 74–89.
3. Боровой, В. Политика КНР в Центральной Азии в первой половине 1990-х гг. / В. Боровой // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2007. – № 1. – С. 54–57.
4. Милованова, Н. А. Концептуальные основы отношений КНР и Республики Казахстан / Н. А. Милованова // Постсовет. исслед. – 2020. – Т. 3, № 7. – С. 593–600.
5. Конгайтиева, Г. А. Сотрудничество Кыргызстана с КНР как стратегический приоритет внешней политики / Г. А. Конгайтиева // Наука, техника и образование. – 2016. – № 1 (19). – С. 164–167.
6. Юсупалиева, Д. К. Сотрудничество между Китаем и Узбекистаном / Д. К. Юсупалиева // Проблемы науки. – 2021. – № 1 (60). – С. 21–23.
7. Комилова, Х. Китай во внешнеполитическом процессе Таджикистана в начале XXI в. / Х. Комилова // Постсовет. исслед. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 265–273.
8. Мирзеханов, В. С. Потенциал и перспективы современных туркмено-китайских отношений / В. С. Мирзеханов, М. В. Тюльпаков // Социал. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 9, Востоковедение и африанистика. – 2018. – № 3. – С. 30–36.

9. Scobell, A. China's Strategy Toward South and Central Asia, An Empty Fortress [Electronic resource] / A. Scobell, E. Ratner, M. Beckley. – Santa Monica : RAND Corporation, 2014. – Mode of access: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR500/RR525/RAND_RR525.pdf. – Date of access: 15.11.2022.

10. Olcott, M. B. China's Unmatched Influence in Central Asia [Electronic recourse] / M. B. Olcott // Carnegie Endowment for International. – Mode of access: <http://carnegieendowment.org/2013/09/18/china-s-unmatched-influence-in-centralasia/gzw2>. – Date of access: 15.11.2022.

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
А. В. Селиванов*

ИНТЕРЕСЫ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Н. А. Головнева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, golovneva-1999@mail.ru*

Проанализирована деятельность Китая с конца XX в. по укреплению своей значимости в Арктическом регионе, а также причины заинтересованности территорией Севера, обладающей значительными мировыми запасами залежей угля, нефти, газа, иных полезных ископаемых и привлекающей все больше стран мира. Отмечена важность Китая в 2020 г. как активного игрока, имеющего значительное количество партнеров и реализующего различные инвестиционные проекты в регионе.

Ключевые слова: Арктический регион; внешняя политика Китая; ресурсы; транспортировка.

ANALYSIS OF CHINA'S INTERESTS IN THE ARCTIC REGION

Natalia Golovneva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, golovneva-1999@mail.ru*

The article analyses China's activities to strengthen its importance in the Arctic region, as well as the reasons for Chinese interest in the North. The Arctic, being a territory containing significant reserves of global deposits of coal, oil and gas, as well as other minerals, attracts more and more countries of the world. The People's Republic of China began its activity in this direction at the end of the XX century. The author concludes that in 2020 China has become the most important and active player with a significant number of partners and various investment projects in the region.

Keywords: The Arctic; People's Republic of China; foreign policy; resources, shipping.

Арктическими державами в классическом понимании этого слова признаются государства, территории которых расположены в Арктическом регионе (Россия, США, Канада, Дания, Швеция). Кроме того, выделяют приарктические страны, в число которых входят Финляндия и Исландия. Однако сегодня растущий интерес к Арктике наблюдается у стран, которые географически с ней никак не связаны. Данный интерес вполне понятен и объясним, ведь Арктический регион скрывает в себе массу природных ресурсов: уголь, нефть, природный газ (30 % от всех мировых запасов), металлы и минералы. Одной из стран, проявляющих интерес, является Китайская Народная Республика.

Цель настоящей статьи – выявить сущность и особенности арктической политики Китая, проанализировать шаги, которые предпринимаются китайским правительством для продвижения своих интересов в Арктическом регионе, а также оценить текущие результаты этой политики.

Арктические амбиции Китая уходят корнями в XV в., однако официальной датой начала арктической деятельности страны ученые считают 1925 г., когда был подписан договор о Шпицбергене [1, с. 76].

С 1980-х гг. Китай начал активную работу по продвижению своих интересов в Арктике. Подписание договора о Шпицбергене открыло Китаю доступ в Арктический регион и позволило проводить исследования в Арктике. В 2004 г. на Шпицбергене начала работу первая китайская арктическая станция «Хуанхэ» [1, с. 76].

Стоит отметить, что повышение интереса Китая к Арктике не осталось незамеченным арктическими державами, особенно Норвегией, которая уже давно стремится установить единоличный суверенитет над архипелагом. Так, министр иностранных дел королевства считает, что участие азиатских стран в полярных исследованиях является демонстрацией намерений осваивать ресурсы Арктики [1, с. 79].

В 1997–2017 гг. Китай организовал восемь исследовательских экспедиций в Арктику и, помимо станции «Хуанхэ», открыл станцию в Исландии [3, с. 517].

В 1999 г. Китай присоединился к работе Международного арктического научного комитета, основная цель которого – проведение научных исследований в Арктике. В 2009 г. в городе Кай (Китай) был открыт Полярный научно-исследовательский институт, специализирующийся на изучении полярных областей Земли. Центр контролирует работу всех китайских полярных станций в Арктике и Антарктике. В 2013 г. Китай получил статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете [1, с. 77]. Согласно Оттавской декларации, данный статус предоставляет право участвовать в работе Арктического совета, также может быть предоставлена возможность сделать устное или письменное заявление. В то же время существуют требования, которые предъявляются к претенденту на статус наблюдателя: признание суверенитета прав и юрисдикции арктических государств, признание действующих норм международного права, признание ценностей и культуры коренного населения Арктики и т. д. [4].

В 2018 г. арктическая политика Китая была закреплена в специальной стратегии [5]. Соответствующий политико-правовой документ ориентирует Китай на решение следующих задач: углубленное изучение Арктики, защита ее экологической среды и решение проблем изменения климата, использование арктических ресурсов законным и рациональным способом, активное участие в управлении Арктикой и международном сотрудничестве.

Несмотря на то что Китай не является арктической страной, он обладает двумя ледоколами собственной постройки («Сюэлун», или «Снежный дракон», и «Сюэлун-2»). Более того, китайское правительство выразило намерение построить собственный атомный флот, что позволит Китаю обрести статус арктической державы.

Возникает вопрос, чем обусловлен интерес Китая к Арктике. Безусловно, главной причиной являются значительные природные ресурсы, которые скрыты под толстым слоем льда. В 2018 г. Китаю пришлось столкнуться с кризисом, вызванным решением руководства отказаться от использования угля в пользу природного газа. Сделано это было из благих побуждений, так как использование угля сильно влияло на экологическую обстановку в регионе, но страна была не готова к резкому повышению спроса на газ (вместо традиционных 7–7,5 % до 16–18 % в год [6]). Как следствие, возникли проблемы с теплоснабжением, резко выросли цены на электроэнергию, был введен ряд ограничений на ее использование. В итоге руководство страны было вынуждено снять ограничения на использование угля. Таким образом, экологическая проблема, связанная с отказом от использования угля, не была решена, но и от курса на его использование руководство КНР не отказалось. В 2021 г. Национальная комиссия по развитию и реформам КНР представила план действий по достижению пика выбросов CO₂ к 2030 г. [6]. В документе было закреплено стремление Китая уменьшить процент использования природного газа и сфокусироваться на нетопливной энергетике.

Помимо ресурсов, Арктика привлекательна для Китая с точки зрения транспортного сообщения. Здесь проходит Северный морской путь, который связывает Азию с Европой. В отличие от альтернативного маршрута, пролегающего через Суэцкий канал, путь через Арктику требует в два раза меньше времени, что экономически существенно выгоднее. К примеру, доставка грузов из Китая в Европу через Суэцкий канал занимает в среднем 35 дней, а доставка по Северному морскому пути – 21 день. В настоящее время такой вариант доставки грузов приобретает все большую привлекательность в связи с глобальным потеплением. Из-за таянья льдов отпадает необходимость в использовании ледоколов, что делает Северный морской путь еще более доступным и экономически выгодным.

Здесь необходимо упомянуть и о Полярном шелковом пути – китайско-российской инициативе, возникшей в 2018 г. Маршрут от китайского Даляня до голландского Роттердама выглядит более привлекательным, поскольку он короче и маршрута через Суэцкий канал, и Северного морского пути. В условиях западных санкций, введенных в отношении России, в октябре 2022 г. в Китай из России был направлен танкер с нефтью по Полярному шелковому пути [7].

Китай лоббирует свои интересы в Арктике разными способами. Наиболее эффективным инструментом продвижения его влияния является сотрудничество в форме инвестиционной деятельности.

После введения санкций в отношении России в 2014 г. Китай стал главным партнером этой страны в Арктике. Как отмечалось выше, самым крупным совместным проектом на современном этапе является Полярный шелковый путь.

Еще один важный проект – проект Ямальского СПГ в Сабетте. Морской порт «Сабетта» расположен на полуострове Ямал и используется для перевалки сжиженного природного газа при транспортировке его по Северному морскому пути. Два китайских банка и китайский фонд Шелкового пути подписали кредитные линии для данного проекта. Взамен Китайская национальная нефтяная корпорация владеет 20 %-ным долевым участием, а фонду Шелкового пути принадлежит 9,9 % [1, с. 80].

Помимо России, Китай также сотрудничает в Арктике с Финляндией, Данией, Исландией, Канадой, США, Швецией и Норвегией. К примеру, со Швецией он имел договоренность о строительстве полярной наземной станции управления спутниками дистанционного зондирования. С Финляндией во время визита Си Цзиньпина в эту страну в 2017 г. была достигнута договоренность о взаимодействии в области арктической промышленности. В 2016 г. китайскими инвесторами была приобретена доля в датской компании Greenland Minerals Limited, занимающейся минералами и энергетикой. В Канаде китайские инвестиции были направлены на развитие новых морских путей и конструирование ледокола [1, с. 80].

Повышенный интерес Китай проявлял к Исландии. В 2008 г. он осуществил значительные инвестиции в экономику острова. На высокий интерес Поднебесной к Исландии указывает большая численность персонала посольства. Официально там аккредитовано 5 китайских дипломатов, но КНР может разместить и штат численностью 500 человек.

В 2017 г. после посещения Си Цзиньпином Аляски между Китаем и США было подписано соглашение о совместном развитии, которое предусматривало возможность осуществления китайских инвестиций в инфраструктуру сжиженного природного газа на Аляске. Эксперты оценивали это соглашение в 43 млрд долл. США [1, с. 81].

С Норвегией у Китая складывались непростые отношения в области арктической политики. Одним из примеров «острых» вопросов является напряженность, возникшая между странами, из-за острова Шпицберген. Еще одним поводом для настороженности стало присуждение в 2010 г. Нобелевской премии китайскому заключенному Лю Сяобо за длительную борьбу за права человека в Китае. Однако в 2017 г. на встрече председателя КНР и премьер-министра Норвегии было принято решение о необходимости укрепления арктических отношений между двумя странами.

Сотрудничество Китая с арктическими странами не ограничивается вышеперечисленными проектами. Однако этих примеров достаточно для оценки масштаба и результатов присутствия Китая в арктической зоне.

Проведенное исследование показывает, что рост интереса к Арктике у Китая стал проявляться в конце XX в. К началу 2020-х гг. страна имела большое количество партнеров в Арктическом регионе, усилила присутствие в нем и осуществляла инвестиции в его экономику. К повышению активности в Арктике побуждал ее ресурсный и транспортный потенциал. Несмотря на географическую отдаленность, Китай стал важным и активным игроком в Арктическом регионе.

Список источников

1. Лебедева, Е. А. Геополитические амбиции Китая в Арктике / Е. А. Лебедева // Скиф. вопр. студенч. науки. – 2019. – № 7(35). – С. 76–84.
2. Забелла, А. А. Цели и интересы Китая в Арктике / А. А. Забелла // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки. – 2019. – № 4. – С. 166–175. (<https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-4-166-175>)
3. Павлухин, Р. Е. Внешнеполитические интересы Китая в Арктике на современном этапе / Р. Е. Павлухин // Евраз. науч. объединение. – 2020. – № 5–7(63). – С. 516–521.
4. Декларация об учреждении Арктического Совета от 19 сент. 1996 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <<https://docs.cntd.ru/document/901880137>>. – Дата доступа: 22.11.2022.
5. China's Arctic Policy. January 2018 [Electronic resource] // The State Council Information Office of the People's Republic of China. – Mode of access: <http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm>. – Date of access: 22.11.2022.
6. Громов, А. Перспективы газовой отрасли Китая: сохранится ли «окно» возможностей для российского сырья? [Электронный ресурс] / А. Громов // Энергетическая политика – 24.01.2022. – Режим доступа: <<https://energypolicy.ru/perspektivy-gazovoj-otrasli-kitaya-sohranitsya-li-okno-vozmozhnostej-dlya-rossijskogo-syrua/gaz/2022/11/24/>>. – Дата доступа: 22.11.2022.
7. Полярный Шелковый путь расширяется за счет российских поставок нефти в Китай [Электронный ресурс] // Вестн. Кавказа. – 12.11.2022. – Режим доступа: <<https://vestikavkaza.ru/material/407620>>. – Дата доступа: 22.11.2022.

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
А. В. Тихомиров*

ФАКТОР ТАЙВАНЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М. Ж. Гукасян

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mariamgukasian@gmail.com*

Проведен обзор актуальных русскоязычных исследований, анализирующих фактор Тайваня в дипломатических отношениях Китая и третьих стран. Обозначена недостаточная изученность темы, выявлены наиболее актуальные направления. Отмечен потенциал для дальнейшего изучения фактора Тайваня белорусскими и российскими исследователями.

Ключевые слова: фактор Тайваня; международный статус Тайваня; российская историография; белорусская историография; дипломатические отношения Китая.

THE TAIWAN FACTOR IN RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

Mariam Hukasian

*Belarusian State University,
Nezalezhnosti Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, mariamgukasian@gmail.com*

The article considers a number of publications by Russian-speaking researchers as part of the study of the Taiwan factor in the diplomatic relations of China and third countries. The research of the Taiwan factor in Russian-language studies in practical terms allows us to indicate the degree of study of the topic, as well as to identify which areas are covered more often and which less often, which can become a motivation for the development of scientific and research interest in certain topics and areas. The result of the study was a review of current historiography, as well as a qualitative analysis of sources, as well as the identification of features in the study of the topic in the relevant schools of historiography. It allows us to conclude that there is a potential for further research of the Taiwan factor by Belarusian and Russian researchers.

Keywords: Taiwan factor; international status of Taiwan; Russian historiography; Belarusian historiography; China's diplomatic relations.

Отношения Китайской Народной Республики и Тайваня с образованием двух противоборствующих в своей идеологии и направленности правительств имели подъемы и спады. Однако на международной арене представлять китайский народ и нацию могло только одно правительство, которым после Второй мировой войны оказалось тайваньское (члены партии Гоминьдан). Тем не менее большим поворотом в международных отношениях XX в. стал переход представительства к матери-

ковому Китаю: в 1971 г. резолюцией ООН было принято решение предоставить право КНР представлять китайскую нацию в международных организациях (в первую очередь в ООН), после чего поднялся закономерный вопрос: если двух правительств быть не может и политику КНР постепенно начали принимать правительства других стран мира, в каких отношениях они могут находиться с Тайванем?

Вопрос статуса Тайваня по своей сути комплексный. Он затрагивает не только политическое поле. Сегодня взаимодействие между КНР и Тайванем, другими странами и Тайванем имеет разноплановый характер: оно распространилось на экономическую и военную сферы, сферу инноваций и высоких технологий. Тем не менее политическая, и в частности дипломатическая, сфера взаимодействия и сотрудничества в отношениях между КНР и Тайванем является самой острой, так как в ней существует ряд концептов и соглашений, которые должны неукоснительно соблюдаться третьими странами, чтобы в воображаемом треугольнике, где двумя вершинами станут КНР и Тайвань, воцарился своеобразный мир. Принцип «одного Китая» ограничивает суверенитет Тайваня и определяет, что третья страна, устанавливая дипломатические отношения с Китайской Республикой (Тайванем), автоматически разрывает их с Китайской Народной Республикой, и наоборот. Таким образом, перед странами мира стоит вопрос признания легитимности, приоритета КНР над Тайванем. Эта политика до настоящего времени была успешна: из всех стран – участниц ООН Тайвань поддерживает сегодня официальные дипломатические отношения только с тринадцатью, что показывает международную позицию и приоритеты в треугольнике «КНР – Тайвань – третья страна».

Цель данной статьи – охарактеризовать русскоязычные исследования по вопросу фактора Тайваня в дипломатической деятельности КНР. Рассматриваемые материалы затрагивают различные уровни взаимодействия КНР, Тайваня и других стран.

Одной из основополагающих работ, которая дает общее представление о развитии отношений между КНР и Тайванем, является статья А. В. Волошиной. Автор с помощью хронологического метода выделяет периоды, в рамках которых проводит анализ отношений КНР и Тайваня. Период после третьего кризиса (1995–1996 гг.) был лишен открытого военного фактора, который бы грозил вернуть регион в зону нестабильности. Развитие отношений между КНР и Тайванем носили затруднительный характер не только потому, что между двумя сторонами в целом существует достаточно противоречий, но и потому, что в данном вопросе им приходится сталкиваться с тесным сотрудничеством и присутствием США. Это уже создает треугольник, структуру более комплексную, чем линейная зависимость между КНР и Тайванем, которая усложняется многими факторами.

А. В. Волошина выделяет тенденции в развитии отношений, периоды и ключевые факторы, способствующие возрастанию конфликтности, а также определяет сложившуюся в проливе конфигурацию как статус-кво. На основе анализа информации автор делает предположение о том, какие изменения могут произойти в зоне пролива. Среди основных А. В. Волошина выделяет последующее становление и укрепление тайваньской народной идентичности, влияние данной идентичности на политические партии Тайваня и на их политический курс, а также осложнение китайско-американских отношений не только в политической, но и экономической сфере. Основное предположение-опасение заключается в том, что современная эскалация в треугольнике «КНР – Тайвань – США» после 2016 г. может привести к сокращению пространства для маневра всех сторон, что в дальнейшем может стать причиной перехода к открытой конфронтации [1].

В статье Н. Помозовой освещается такой аспект китайской внешней политики в сфере дипломатии, как изоляционизм Тайваня. Один из постулатов внешней политики Китая, как и принципа «единого Китая», лежит в непризнании Тайваня (Китайской Республики), так как это автоматически ведет к расторжению дипломатических отношений с КНР. Несмотря на такой подход, в мире все еще есть страны, которые признают Тайвань как независимое государство, и КНР ставит своей целью войти в переговоры с данными странами и открыть в них свои дипломатические представительства для того, чтобы перехватить инициативу в вопросе признания Тайваня. В 2017–2019 гг. количество стран, признающих независимость Тайваня, сократилось до 15. Существуют основания предполагать, что в будущем Китай продолжит активный дипломатический вектор в данном направлении. В целом же статья освещает такие моменты в работе китайской дипломатической миссии, как кадровая политика КНР, ее приоритеты и финансирование [2].

А. Д. Дикарев и А. В. Лукин раскрывают вопросы идентичности жителей Тайваня. В статье проводится анализ статистических данных социологических опросов, которые созданы с целью определить, как себя идентифицируют тайваньцы. Отмечается, что в последние годы на Тайване растет количество людей, которые относят себя к тайваньцам, а также тех, кто придерживается сохранения статус-кво в регионе. При попытке коррелировать результаты опросов в поле социологии и политики возникли вопросы о том, считают ли тайваньцы себя уже независимым государством, пусть и не де-юре, или же рассматривают себя в качестве китайцев и граждан Китая – КНР. Данная статья и статья А. В. Волошиной помогают создать целостную картину восприятия сложившейся сегодня ситуации на острове с точки зрения осложнения вопроса идентичности, а также взаимодействия между КНР, США и Тайванем [3].

Вопрос тайваньской идентичности также затронут в статье А. И. Конура. Автор указывает, что сегодня в тайваньском обществе выявляются такие же тенденции, как и в китайском, настроения в рамках национализма. Вопрос идентичности, желания или нежелания называть себя китайцами в особой степени формирует общественное мнение в отношении сложившейся в данном конфликте ситуации. Кроме того, А. И. Конуров рассматривает предпосылки появления тайваньского вопроса и делает неутешительный вывод о том, что нестабильная позиция США может способствовать переходу конфликта из замершей в активную фазу. Данная статья подтверждает один из сценариев, который сегодня является наиболее популярным в исследовательском сообществе по затрагиваемой тематике: статус-кво, который сложился между Китаем и Тайванем, не может быть долговечным, существуют весомые предпосылки и основания полагать, что тайваньский вопрос в будущем может быть разрешен силовым методом [4].

Большое влияние на проблему фактора Тайваня оказало развитие отношений в треугольнике «КНР – Тайвань – США», так как США оказались первыми из тех, кто после раскола Китая на материковый и островной поддержали капитулировавшее правительство Чан Кайши на Тайване, а также партию Гоминьдан. Некоторые из рассматриваемых источников посвящены изучению отношений между этими тремя акторами международных отношений. Так, китайский аспирант БГУ Сунь Цзюньфэн в своей статье изучает указанную проблему на последних этапах холодной войны и в начале XXI в., анализирует эволюцию политики по периодам. Для их определения автор использует проблемно-хронологический метод, больше этапов развития китайско-американских отношений он вычленяет в контексте тайваньской проблемы. В статье 1949–1972 гг. определяется как период конфликтных отношений между КНР и США в послевоенное время и как начало холодной войны; 1972–1989 гг. – как период смягчения политики в китайско-американском взаимодействии за счет ухудшения китайско-советских отношений. Отдельно автор ставит события на площади Тяньаньмэнь, обозначает проблематику периода 1989–1996 гг., ссылаясь на вопрос о правах человека как на один из определяющих в отношениях КНР и США. Последним этапом автор называет 1996 г. – настоящее время, где отправной точкой считается третий кризис в Тайваньском проливе. Такой подход к проблеме помогает охватить не столько отношения между КНР и Тайванем в контексте развития политической культуры на Тайване (что произошло бы, выбери автор обратиться к проблеме с точки зрения правящих партий Тайваня), сколько то, как интересы США влияли на развитие китайско-американских и китайско-тайваньских отношений [5].

Всесторонне рассматривает треугольник взаимодействия «КНР – Тайвань – США» Т. В. Полякова, статья которой посвящена многим аспектам

отношений между тремя акторами, особенно детально анализируются сферы политики и экономики. Автор выявляет тенденции, характерные для развития отношений в период до 2014 г., отмечает, что США содействовали нормализации диалога между Тайванем и КНР, а также что в деятельности между тремя акторами сыграли большую роль «не широко анонсируемые» дипломатические методы. Среди особенностей в проведении политики по отношению друг к другу Т. В. Полякова выделяет: постепенное сближение КНР и Тайваня на фоне экономики (КНР – самый большой торговый партнер Тайваня), коммуникация через неофициальные, негосударственные представительства (как между КНР и Тайванем, так и между Тайванем и США), своего рода соперничество КНР и Тайваня за суверенитет и ограничение Китаем возможностей Тайваня не только участвовать в международных организациях, но и заключать двусторонние договоры со своими торговыми партнерами. В статье автор приходит к мнению, что до 2014 г. курс трех акторов был направлен на сохранение статус-кво и развитие более тесных экономических связей для нормализации отношений. Сегодня мы уже можем говорить об изменении позиции как КНР, так и Тайваня относительно вопроса суверенитета [6].

Об экономическом подходе к разрешению тайваньского вопроса сообщает и Я. В. Лексютина, являющаяся одним из самых активных исследователей китайской и тайваньской проблематики в российской школе историографии. Она определяет способ тесной экономической взаимосвязанности одним из вероятных шагов КНР (пусть и не единственным) к тому, чтобы ограничить независимость острова. В статье анализируется взгляд США на понятие «одного Китая» и на их участие в треугольнике в различные периоды китайско-тайваньского взаимодействия (в конфликтные и неконфликтные годы). Один из выводов объясняет двойственность позиции США, так как в своей дипломатической деятельности они стремятся как сохранить отношения с КНР, так и поддержать Тайвань в контексте происходящей эскалации. Отмечается, что вне зависимости от заседающей в Белом доме администрации политика США в китайском направлении всегда включает в себя пункт о защите Тайваня и поддержке острова, что для Китая сегодня является самым большим камнем преткновения в вопросе полного объединения материкового Китая и острова Тайвань [7].

Сценарии развития конфликта между КНР и Тайванем рассматриваются также А. В. Губиным. Он анализирует фактические данные о вооружении КНР и Тайваня, о боеготовности и эффективности вооруженных сил двух сторон конфликта. Автор придерживается мнения о том, что вооруженное столкновение возможно, и если оно произойдет, то преимущество окажется на стороне Китая. Кроме того, в статье отмечает-

ся факт того, что Китай является страной – участницей ядерного клуба, и поэтому высокий уровень переговоров и связей для дипломатического урегулирования конфликта всегда остается на повестке дня. А. В. Губин также освещает вариант иного разрешения тайваньской проблемы, в которой (отмечал и Г. Киссинджер) рассматривает Тайвань как «площадку для китайско-американского взаимодействия», и представляет практику параллельных действий КНР и США, которые способствовали бы деэскалации напряжения в регионе и открыли бы мирные пути для разрешения конфликта вне вооруженного фактора [8].

Дипломатическая сфера вопроса раскрыта в обзоре Е. Н. Степановой. Автор анализирует предпринятые Тайванем повороты в политике для укрепления своего регионального и международного положения [9]. Признание и суверенитет Тайваня также зависят от регионального признания и активного участия в двусторонних и многосторонних отношениях в рамках региональных организаций. Тайваньский вопрос в контексте дипломатических отношений КНР с третьими странами рассматривается Г. Н. Кучеренко, а также В. Н. Тимошенко и Н. В. Курковой [10; 11]. Проблемы фактора Тайваня в установлении дипломатических отношений между КНР и Республикой Корея касается белорусский исследователь М. В. Осадчий [12].

Сегодня фактор Тайваня в русскоязычной историографии, в сравнении с зарубежной, представлен немногочисленными работами. Тем не менее Китай – стратегический партнер как для Беларуси, так и для России, и можно наблюдать тенденцию к актуализации темы в научном сообществе двух стран, особенно в последние годы (как фоне заметной эскалации напряжения между КНР и Тайванем, так и на фоне общего мирового напряженного статуса). В подавляющем большинстве случаев информация по рассматриваемой тематике в белорусской и российской историографии представлена в виде статей, докладов аналитических центров, диссертаций и дипломных работ, но не в виде монографий, что указывает на потенциал для дальнейшего изучения и систематизации знаний по вопросу фактора Тайваня. Существует тенденция к оценке фактора Тайваня с точки зрения экономического взаимодействия. Большая часть работ, освещающих дипломатический вектор, анализирует треугольник «США – КНР – Тайвань», что также обозначает возможности изучить, как проявляется фактор Тайваня в установлении дипломатических отношений между КНР и третьими странами.

Список источников

1. Волошина, А. В. КПК и «Тайваньский вопрос»: 25 лет после третьего кризиса в Тайваньском проливе / А. В. Волошина // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 6. – С. 80–93.

2. Помозова, Н. Б. Об усилении дипломатической стратегии Китая и некоторых особенностях кадровой политики в отношении руководителей дипломатических миссий КНР / Н. Б. Помозова // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Междунар. отношения. – 2020. – № 3. – С. 50–58. (<https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-3-50-58>)
3. Дикарев, А. Д. Тайваньская нация – от мифа к реальности / А. Д. Дикарев, А. В. Лукин // Сравнит. политика. – 2021. – № 1. – С. 118–133. (<https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10009>)
4. Конуров, А. И. Современное состояние и перспективы разрешения проблемы политического статуса Тайваня в свете эволюции позиции США / А. И. Конуров // Вестн. МГЛУ. Обществ. науки. – 2020. – № 3 (840). – С. 83–97.
5. Сунь, Цзюньфэн. Политика США по отношению к Тайваню в контексте китайско-американских отношений во второй половине XX – начале XXI в. / Цзюньфэн Сунь // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2021. – № 4 (99). – С. 40–46.
6. Полякова, Т. В. Эволюция фактора Тайваня в отношениях между США и КНР [Электронный ресурс] / Т. В. Полякова // Ежегодник ИМИ МГИМО (У) : Аналит. доклады. – 2014. – № 3 (42). – Режим доступа: <<https://mgimo.ru/upload/iblock/53f/53f044fd7dc9c581ffd53c6f2579f7e7.pdf>>. – Дата доступа: 10.12.2022.
7. Лексютина, Я. В. США и политика «Одного Китая» / Я. В. Лексютина // Контуры глобал. трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 5. – С. 9–14. (<https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115>)
8. Губин, А. В. Тайваньский кризис – новая надежда / А. В. Губин // Контуры глобал. трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – № 4. – С. 107–127. (<https://doi.org/10.23932/2542-0240-2016-9-4-107-127>)
9. Степанова, Е. Н. Обзор социально-экономических и политических отношений Тайваня с некоторыми азиатскими странами и перспектива их дальнейшего развития / Е. Н. Степанова // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 3. – С. 25–39. (<http://doi.org/10.31857/S013128120010557-3>)
10. Кучеренко, Г. Н. Фактор Тайваня в камбоджийско-китайских отношениях / Г. Н. Кучеренко // Юго-Восточная Азия: актуал. проблемы развития. – 2021. – № 2. – С. 220–231. (<https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-2-2-51-220-231>)
11. Тимошенко, В. Н. Тайваньский вопрос и внешняя политика Японии при кабинете премьер-министра Фумио Кисиды (2021–2022) / В. Н. Тимошенко, Н. В. Куркова // Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации ; Центр изучения междунар. отношений в Азиат.-Тихоокеан. регионе ; редкол.: В. Н. Тимошенко [и др.]. – Хабаровск, 2022. – Вып. 7. – С. 24–29.
12. Осадчий, М. В. Исторические предпосылки установления дипломатических отношений между КНР и Республикой Корея / М. В. Осадчий // Вестн. Витеб. гос. ун-та. – 2006. – № 1. – С. 36–41.

*Научный руководитель – доктор политических наук, профессор,
Ю. А. Малевич*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

А. В. Гуринович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alexgur33@gmail.com*

Рассмотрен значительный рост интереса Китая к региону Центральной и Восточной Европы как новое направление китайской внешней политики. Активность страны объяснена экономическим интересом и стремлением выйти на европейские рынки через «восточные двери», стать основным экономическим игроком региона путем увеличения прямых инвестиций и производства, что соответствует экспортной стратегии Китая, с помощью которой стимулируется инвестирование отечественных фирм за рубежом. В ходе анализа публикаций по рассматриваемому вопросу отмечено, что большинство исследователей не связывают усиление присутствия Китая в регионе с угрозой интересам Российской Федерации и Европейского союза.

Ключевые слова: геополитические интересы Китая; Беларусь; Украина; Восточная Европа; инвестиции; торговля; сотрудничество.

CHINA'S GEOPOLITICAL INTERESTS IN EASTERN EUROPE (ON THE EXAMPLE OF BELARUS AND UKRAINE)

Aliaksandr Hurynovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, alexgur33@gamil.com*

In recent years, China's interest in the region of Central and Eastern Europe has significantly increased. This can be seen as a new direction of Chinese foreign policy. This activity is mainly due to China's economic interest and desire to enter European markets through the «Eastern doors» and become the main economic player in the region by increasing direct investment and production. This policy is in line with China's export strategy, through which the Chinese government encourages domestic firms to invest abroad. After analysing publications on the subject, the author notes that most researchers do not associate China's increased presence in the region with a threat to the interests of the Russian Federation and the European Union.

Keywords: geopolitical interests of China; Belarus; Ukraine; Eastern Europe; investment; trade; cooperation.

Условной точкой отсчета активного наращивания экономического присутствия Китая в странах Восточной Европы принято считать 2009 г., когда КНР предоставила кредит Молдове на 1 млрд долл. США [1].

Однако интерес к Украине и Беларуси Китай начал проявлять еще с момента обретения ими независимости в 1991 г.

Республика Беларусь, в свою очередь, открыла перед КНР рынок стран единого экономического пространства. Успешно закрепившись в Беларуси, китайская сторона получает возможность через совместные предприятия увеличивать поток своей продукции в Россию. Украинское и белорусское государства видят сегодня в Китае определенного политического и экономического диверсификатора на фоне доминирования России и ЕС в регионе.

Цель статьи – анализ научных публикаций по вопросам геополитических интересов Китая в Восточной Европе (на примере Беларуси и Украины).

В белорусской историографии большое внимание уделено белорусско-китайским отношениям во многих сферах: от культурного сотрудничества до инфраструктурных проектов.

Белорусский дипломат, доктор исторических наук В. М. Мацель, который много лет работал в Китайской Народной Республике, а также возглавлял кафедру международных отношений Академии управления, в своей монографии позитивно оценил опыт сотрудничества Пекина и Минска. Он рассмотрел эволюцию белорусско-китайских отношений с момента образования независимой Беларуси и до наших дней, проанализировал двусторонние отношения в политической, экономической, научно-технической и гуманитарной сферах [2].

Комплексный анализ белорусско-китайских отношений провел в своей работе Б. Л. Залесский. Автор изучил межрегиональное сотрудничество, уровень межгосударственной торговли и кооперации, сотрудничество в области инноваций и инвестиций, а также участие и роль Беларуси в «Экономическом поясе Шелкового пути». Б. Л. Залесский отметил положительные тенденции в китайско-белорусском взаимодействии, их перспективы и взаимную выгоду [3].

И белорусские, и китайские исследователи белорусско-китайских отношений подробно изучили разные направления двустороннего сотрудничества: инвестиционного [4], экономического [5–7], в сфере торговли [8; 9] и строительства [10]; интересы Китая в Беларуси и политическое сотрудничество двух государств [11; 12]. Объектом исследования становилось взаимодействие Китая и Беларуси в рамках инициативы КНР «Экономический пояс Шелкового пути» [12; 14].

Большинство белорусских и китайских исследователей позитивно оценивали сотрудничество Пекина и Минска, отмечая наращивание инвестиций, расширение торговли и взаимовыгодное сотрудничество двух государств.

Во многом геополитические интересы Китайской Народной Республики состоят в развитии транспортных путей, которые проходят че-

рез Восточную Европу. Хотя сухопутные грузоперевозки между Китаем и Европейским союзом несопоставимы с морскими, первые продолжают играть важную роль для Пекина, так как способствуют развитию западных регионов Китая, в первую очередь Синьцзян-Уйгурского автономного района. Это во многом и определяет интерес КНР к региону, поскольку сухопутная часть Шелкового пути проходит через Украину и Беларусь.

Работы российских ученых Л. Б. Вардомского и М. О. Тураева посвящены изучению транспортных коридоров на постсоветском пространстве и геополитических интересов Китая [15].

В украинской историографии существует много вопросов относительно того, какие цели Китайская Народная Республика преследует в Украине. Отмечается много сторонников и противников наращивания китайского присутствия в экономической, политической и гуманитарной сферах. Основным аргументом для углубления связей с КНР является то, что Китай не выдвигает никаких политических условий странам-партнерам, в отличие от ЕС, США и России [16–19].

Благодаря КНР правительства стран, у которых есть проблемы с государствами ЕС и США из-за политических разногласий по таким вопросам, как права человека, развитие демократических институтов и т. д., получают средства на инвестиционные проекты без политических обязательств. Однако это утверждение соответствует действительности лишь тогда, когда мы говорим о внутренней политике государств – партнеров КНР. Китай имеет одно политическое требование для своих союзников – признание концепции «единого Китая» и позиции китайского правительства в отношении Тибета и Тайваня. Сегодня это основные вопросы, в которых КНР ищет понимания внешнего мира. Как отмечается в Принципах установления дипломатических отношений Китая с другими странами, правительство КНР является единым правительством, представляющим интересы всех народов Китая, и признание этого принципа среди других стран – основная предпосылка для развития взаимоотношений. Беларусь и Украина, как и большинство стран Центральной и Восточной Европы, признают концепцию «единого Китая» [18].

На данный момент между Украиной и КНР отношения стратегического партнерства закреплены в Совместной декларации об установлении и развитии отношений стратегического партнерства [17].

В украинских проектах, как и в белорусских, также прослеживается инвестиционная политика Китая со «связанными кредитами». Главными подрядчиками производства выступают сугубо китайские фирмы. Так, в строительстве железнодорожного сообщения между Киевом и столичным аэропортом «Борисполь» генеральный подрядчик проекта – компания *China National Machinery Industry Complete Engineering Corporation (CMCEC)*, а строитель газотурбинной электростанции –

машиностроительная корпорация *SINOMACH* или одно из ее дочерних предприятий [16].

Важным остается привлечение Украины к масштабному китайскому проекту по построению железнодорожного сообщения между КНР и Европой, которое может пройти по украинской территории.

Таким образом, большинство исследователей отмечают, что рост политико-экономического присутствия КНР в регионе не следует воспринимать как угрозу региональным интересам Российской Федерации и ЕС в ближайшее время. Хотя Китай и может значительно усилить свои позиции, однако из-за географической и культурно-исторической отдаленности он не предлагает достойную альтернативу евразийскому или евроинтеграционному проекту.

Список источников

1. Мацель, В. М. Беларусь – Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества / В. М. Мацель. – Минск, 2021. – 256 с.
2. Молдавия возьмет в долг у Китая миллиард долларов [Электронный ресурс] // LENTA.RU. – 23.07.2009. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2009/07/23/billion/>. – Дата доступа: 22.11.2022.
3. Залесский, Б. Беларусь – Китай: грани партнерства: хроника взаимодействия / Б. Залесский. – Saarbrücken, 2015. – 92 с.
4. Зайцева, Е. Сотрудничество Республики Беларусь и КНР в инвестиционной сфере / Е. Зайцева // Банк. вестн. – 2019. – № 8. – С. 36–44.
5. Жагоров, С. В. Соотношение разных форм собственности (на примере Республики Беларусь, Украины и КНР) / С. В. Жагоров // Экономико-правовые перспективы развития общества, государства и потребительской кооперации : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. интернет-конф., Гомель, 31 марта 2017 г. / под науч. ред. Ж. Ч. Коноваловой, Т. С. Алексеенко. – Гомель, 2017. – С. 44–46.
6. Ли, Чанпу. Экономическое сотрудничество КНР и Республики Беларусь / Чанпу Ли // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2019. – Вып. 22. – С. 54–55.
7. Практическая реализация торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь с КНР // Валютное регулирование и ВЭД. – 2015. – № 8. – С. 11–16.
8. Стефанович, И. В. Потенциал торгово-экономического сотрудничества между КНР и Республикой Беларусь: оценка и развитие / И. В. Стефанович // Беларусь в современном мире : материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2019 г. – Минск, 2019. – С. 277–282.
9. Ци, Пэйюй. Развитие экспорта продукции агропромышленного комплекса Республики Беларусь в КНР / Пэйюй Ци, Ю. И. Енин // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы : сб. науч. тр. – Минск, 2019. – С. 268–273.
10. Маляренко, А. В. Взаимодействие КНР и Республики Беларусь в строительной сфере / А. В. Маляренко // Беларусь в условиях глобализации и интеграции : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 25 окт. 2018 г. / редкол.: С. В. Харитончик [и др.]. – Минск, 2018. – С. 91–94.

11. Гун, Цзяньвэй. КНР и Республика Беларусь: традиционная дружба и взаимная поддержка / Цзяньвэй Гун // Проблемы упр. – 2012. – № 2. – С. 35–38.
12. Ли, Ян. Политика КНР в отношении Республики Беларусь в 2003–2013 гг. / Ян Ли, И. М. Авласенко // Беларусь в современном мире : материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 42–44.
13. Юрова, Н. В. Республика Беларусь в концепции КНР «Экономический пояс Шелкового пути» / Н. В. Юрова, Цзяхуэй Яо // Беларусь в современном мире : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. – Минск, 2017. – С. 220–222.
14. Яо, Цзяхуэй. Беларусь и КНР: торгово-экономическое сотрудничество в контексте реализации стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» / Цзяхуэй Яо // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2017. – № 1–2 (80–81). – С. 122–129.
15. Вардомский, Л. Б. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов : науч. докл. / Л. Б. Вардомский, М. О. Тураев. – М., 2018. – 64 с.
16. Бегма, В. Військово-технічне співробітництво в умовах глобалізації: український вимір [Електронний ресурс] / В. Бегма ; за заг. ред. О. Литвиненка // Аналітична доповідь. – Київ, 2011. – 80 с. – Режим доступу: <<http://www.niss.gov.ua/content/articles/files/vtc-e8633.pdfP-4/>>. – Дата доступу: 21.11.2022.
17. Венгер, В. В. Перспективи українсько-китайського співробітництва у промисловій сфері: інтереси Китаю та можливості України / В. В. Венгер // Європейський наук. журн. екон. та фінанс. інновацій. – 2018. – Вып. 1. – С. 4–13.
18. Заводовський, І. Китай як новий геополітичний гравець в Центральній та Східній Європі (на прикладі стосунків з Україною та Білоруссю) / І. Заводовський // Політич. менеджмент. – 2012. – № 4–5. – С. 273–281.
19. Стратегічні пріоритети та засоби розвитку зовнішньоторговельних відносин України з КНР в умовах глобалізації : автореф. дис. ... канд. екон. наук : 08.00.02 / Л. В. Власенко ; Львів. нац. ун-т ім. Івана Франка. – Львів, 2017. – 21 с.

*Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор
В. В. Фрольцов*

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ И ЭТИКЕТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

А. М. Иванова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ann_vika0106@mail.ru*

Рассмотрены национально-культурные особенности дипломатического протокола и этикета Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Отмечено функционирование современного протокола в международных отношениях на основе западных норм и стандартов. Приведены примеры сохранения национальных, религиозных особенностей и традиций отдельных стран, отраженных в государственной протокольной практике, в основном стран Востока, прежде всего Китая.

Ключевые слова: Китай; Российская Федерация; дипломатический протокол; дипломатический этикет; национальные особенности; церемониал; традиции.

REVIEW OF BASIC HISTORIOGRAPHY ON THE DIPLOMATIC PROTOCOL AND ETIQUETTE OF THE CHINA AND THE RUSSIAN FEDERATION

Hanna Ivanova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, ann_vika0106@mail.ru*

The article reviews the national and cultural features of diplomatic protocol and etiquette in the People's Republic of China and the Russian Federation. The analysis allowed us to conclude that Western norms and standards formed the basis for the functioning of modern protocol in international relations, but currently we can notice the continuing national, religious peculiarities and traditions of separate states, which are reflected in the state protocol practice, mainly it concerns the East countries, especially China.

Keywords: China; Russian Federation; diplomatic protocol; diplomatic etiquette; national features; ceremonial; traditions.

Протокол и церемониал – важнейшие составляющие дипломатической практики, которая связана с историей, традициями, культурой, языком и религией. Протокол включает в себя этикет в местном и международном масштабе и ежедневную практику хороших манер. Протокол развивался на основе традиций, базирующихся на гостеприимстве, которое распространялось на гостя. Сегодня это особенно важно, пото-

му что протокол включает не только церемониальные правила, которые соблюдаются во время официальных мероприятий, но и правила вежливости, которым должны следовать в обществе. Знание основополагающих правил и норм межгосударственного общения позволяет решать многие важные вопросы, помогает обеспечивать устойчивые взаимоотношения между государствами и народами. Развитие практической дипломатии – актуальная проблема нынешнего международного сотрудничества.

Целью данной статьи является анализ базовой историографии по вопросам дипломатического протокола и этикета России и Китая.

Тема протокола и этикета – предмет внимания многих ученых. Исследований, посвященных данной тематике, сейчас достаточно много. Так, Н. А. Семилетников обращается к опыту функционирования протокола в системе министерств иностранных дел СССР и БССР, сравнивает его с современным устройством протокольной службы Республики Беларусь [1].

Работу Дж. Вуда и Ж. Серре можно считать фундаментальной [2]. Она представляет собой кодекс дипломатической вежливости, включающий все законы, правила, условности и атрибуты международного этикета, которые составляют протокол. Вместе с тем в центре внимания авторов – историческая тенденция демократизации протокольной практики. Исследователи углубленно анализируют дипломатию и определяют роль дипломатического протокола и церемониала в международных отношениях. Рассматриваемая монография состоит из четырех частей, вторая часть посвящена тематике данной статьи. Отдельно освещено участие дипломатического корпуса в церемониях, процессиях и официальных визитах. Здесь особое место отводится службе протокола каждого государства, которую называют единственным авторитетом в вопросах церемониала. Дается подробное описание правил проведения церемоний в присутствии официальных лиц. В книге перечислены правила, которые обязательно должны быть соблюдены на официальных церемониях; с соблюдением всех условностей и правил международной вежливости приведена схема мест в экипажах; представлены правила соблюдения гражданских, военных, военно-морских почестей. Особое внимание уделено проведению национальных праздников, религиозных и похоронных церемоний, торжественных месс в присутствии иностранных гостей, где крайне важно соблюдение принципа старшинства. Старшинство в дипломатическом и консульском корпусе занимает особое место в протоколе и этикете [2].

Авторы отдельно рассматривают коллективное старшинство дипломатического корпуса, а также личное старшинство соответствующего ранга, определяют порядок старшинства в дипломатическом представительстве. Протокольная служба каждой страны самостоятельно детально решает

проблемы старшинства. Авторы дают сравнительную характеристику дипломатического протокола и этикета стран с различным государственным устройством: Франции как президентско-парламентской республики, Великобритании с ее дворцовым протоколом, а также Соединенных Штатов Америки – федеративной республики во главе с президентом.

В разделе, посвященном церемониям, национальным праздникам представляемой страны и государства пребывания, особое внимание уделено государственным символам, таким как национальный флаг, гимн, герб (при его наличии), государственным наградам. Кроме того, сделан упор на сам церемониал торжественного мероприятия.

Знание протокольных правил и норм особенно важно при проведении официальных и неофициальных приемов. Как отмечают авторы, «любая ошибка в протоколе может нарушить гармонию встречи, от успешного проведения которой участники всегда ожидают определенных результатов» [2, с. 43].

Церемониальная одежда – еще один важный элемент международного дипломатического протокола. В зависимости от формата торжественной церемонии должны выполняться строгие правила ношения форменной или штатской одежды. Авторы учли в своей работе и эту важную формальность.

Дипломатический протокол Китая и дипломатический протокол России – две совершенно разные модели. Они обе соответствуют международным нормам, но имеют свои особенности в силу наличия различных национальных черт. основополагающими трудами, в которых проводится комплексный анализ российского протокола, являются работы А. Ф. Борункова [3], П. Ф. Лядова [4] и Ф. Ф. Молочкова [5].

В качестве уникальной можно выделить книгу А. Ф. Борункова, где обобщен исторический опыт России, описаны современные тенденции совершенствования дипломатического протокола Российской Федерации и государств мира. Автор приводит примеры из собственного опыта работы заместителем заведующего протокольным отделом МИД – лица, сопровождающего высшее руководство государства [3].

А. Ф. Борунков описывает дипломатию и дипломатический протокол, дипломатические привилегии и иммунитеты, процесс вступления в должность дипломатического представителя, обращает внимание на дипломатические документы, приемы, представляет собственный опыт участия в беседах с дипломатами, визитов президента России в зарубежные страны, приводит функции и обязанности Департамента государственного протокола МИД Российской Федерации [3].

Для того чтобы изучать современный дипломатический протокол России, необходимо знать его истоки и видеть процесс формирования российской протокольной практики. Статья П. Ф. Лядова – детальное исследование процесса формирования протокола России. Автор начи-

нает свое описание с первого государственного акта времен Елизаветы, который назывался «Церемониал о послых чужестранных государей при Императорском Всероссийском Дворе», затем представляет эволюцию протокольной службы России, основываясь на исторических правовых документах [4].

Советский исследователь Ф. Ф. Молочков рассматривает в своей работе советский протокол, его функции и деятельность. Изложенная основа дипломатического протокола остается актуальной и сегодня [5].

Подробный обзор особенностей китайского этикета и дипломатического протокола дает И. Казакова. Автор анализирует традиции и ритуалы китайского общества, конфуцианство и его влияние на сложившиеся национальные особенности народа Китая, приводит основные аспекты делового китайского этикета касательно приемлемой одежды для китайских представителей, особенностей поведения во время беседы с иностранными партнерами, а также сообщает о главных национальных праздниках Китая, указывает варианты подарков и виды поздравлений для таких случаев [6].

Информативной можно назвать статью Н. А. Журавель [7], в которой автор рассматривает базовые черты и особенности организации современной протокольной службы КНР, а также ее реализацию на практике. Китайско-российские дипломатические отношения, начинающие формироваться в XVII–XVIII вв., строились уже на основании строгого следования протокольному церемониалу. Автор считает, что для продолжения развития китайско-российского стратегического партнерства требуется глубоко изучить национальные особенности Поднебесной, а также особенности китайского дипломатического протокола. Н. А. Журавель описывает основные функции Протокольного департамента КНР. Опираясь на работы О. В. Васькова, ученый выделяет черты и особенности современного китайского протокола. Отмечается, что дипломатическое сообщество Китая заинтересовано в налаживании неформальных отношений с партнерами, всегда проявляет гостеприимство, при этом рассчитывает на их любезность. В статье выделяются основные моменты китайской переговорной культуры. Подчеркивается, что национальный стиль поведения во время переговоров базируется на конфуцианской этике. Автор приходит к выводу, что, помимо уважительного соблюдения международных норм и правил дипломатического протокола и церемониала, при подготовке к переговорам с китайскими представителями следует обращать внимание и на национальные особенности страны [7].

Среди современных работ, где исследуются вопросы, связанные с изучением национального характера стран Запада и Востока, можно упомянуть книгу Е. С. Игнатъевой [8]. В первой ее части автор детально рассматривает вопросы, касающиеся деловой жизни: составление гардероба, дресс-код, ключевые этикетные правила делового общения, организа-

ция официальных протокольных мероприятий, правила поведения во время переговоров и др. Вторая часть книги посвящена сравнительному анализу национальных особенностей, традиций и истории этикета стран Запада и Востока. Автор отдельно рассматривает протокол и этикет Китая: кратко излагает историю страны, описывает национальный характер, особенности делового общения, предлагает варианты подарков для партнеров из Китая, делает краткий экскурс в национальную кухню Китая, описывает китайский столовый этикет. Приведены темы для общения и темы, которых стоит избегать. Кроме того, представлены интересные факты о Китае и его народе, например о том, что все китайцы избегают цифру 4 во всех сферах жизни (на эту тему автор дает примеры из практики) [8].

Статья А. И. Шевцова и В. М. Кузьминой – сравнительный анализ двух моделей дипломатического протокола [9]. В ней приведены особенности и устоявшиеся традиции дипломатического протокола России и Китая. Данная работа показывает нам актуальные дипломатические отношения обеих стран в условиях ухудшения сотрудничества России с западными государствами и при особой заинтересованности во взаимодействии с восточными соседями, прежде всего с Китаем. Чтобы успешно сотрудничать в настоящее время, необходимо знать историю развития китайско-российских дипломатических отношений. Авторы рассматривают в основном период с середины XVII до середины XIX в., когда для дипломатических отношений обеих стран было характерно ведение переговоров по китайским правилам, причем в большинстве случаев на китайской территории. Это объясняется различием взглядов двух государств на внешнюю политику и дипломатические традиции в целом [9].

Таким образом, западные нормы и стандарты легли в основу функционирования современного международного протокола. Однако сегодня можно заметить сохранение национальных, а также религиозных особенностей и традиций отдельных государств, которые отражаются на государственной протокольной практике, в основном это касается стран Востока, прежде всего Китая. В настоящее время в дипломатическом протоколе и этикете китайские представители следуют принципам, изложенным в конфуцианских учениях. Российская Федерация, в свою очередь, придерживается исключительно западной модели реализации дипломатического протокола. В работах исследователей наибольшее отражение нашли такие вопросы практической реализации протокола, как организационно-протокольное обеспечение визита иностранной делегации, этикет ведения переговоров и старшинство в дипломатическом корпусе. Сегодня существует множество научных публикаций, посвященных историческому формированию дипломатического протокола и его реализации, однако исследователями недостаточно изучена актуальная протокольная практика в государствах.

Список источников

1. Семилетников, Н. А. Протокол международного и делового сотрудничества / Н. А. Семилетников. – Минск, 2011. – 199 с.
2. Вуд, Д. Дипломатический церемониал и протокол / Д. Вуд, Ж. Серре. – М., 2019. – 384 с.
3. Борунков, А. Ф. Дипломатический протокол в России / А. Ф. Борунков. – М., 2007. – 264 с.
4. Лядов, П. Дипломатический протокол и протокольная служба / П. Лядов // Право и управление. XXI век. – 2012. – № 2 (23). – С. 125–138.
5. Молочков, Ф. Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика / Ф. Ф. Молочков. – 2-е изд., доп. – М., 1979. – 253 с.
6. Казакова, И. Китайский этикет / И. Казакова // Белая вежа. – 2017. – № 2 (41). – С. 133–140.
7. Журавель, Н. А. Протокольная служба и особенности дипломатического протокола КНР / Н. А. Журавель // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск ; Хэйхэ ; Харбин, 18–23 мая 2015 г. – Благовещенск, 1997. – Вып. 5. – С. 474–477.
8. Игнатъева, Е. С. Международный деловой этикет на примере 22 стран / Е. С. Игнатъева. – М., 2019. – 620 с.
9. Шевцов, А. И. Дипломатические традиции и протокол во взаимоотношениях России и Китая / А. И. Шевцов, В. М. Кузьмина // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты : сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 17–19 сент. 2014 г. – Курск, 2014. – С. 323–326.

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
И. И. Ковяко*

КИТАЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

С. Иртык

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, fmo.irtyuk@bsu.by*

На основе источников на турецком и русском языках анализируются исторические аспекты турецко-китайских отношений, их развитие за последние 30 лет в военном, политическом, экономическом и культурном планах. Показано, как Турция пытается создать зону политического маневрирования на Дальнем Востоке. Сделан вывод, что отношения двух стран имеют не только потенциал для развития, но и ряд сложностей, при этом Турция в данном взаимодействии заботится о своих экономических и внешнеполитических интересах.

Ключевые слова: турецко-китайские отношения; Восточный Туркестан; инициатива «Один пояс, один путь».

CHINA IN TURKEY'S FOREIGN POLICY: THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES

Serdar Irtyuk

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, fmo.irtyuk@bsu.by*

The Chinese direction of Turkey's foreign policy in the late 20th – early 21st centuries is reviewed. Based on Turkish and Russian sources the aspects of current interaction between the two countries as well as historical aspects of Turkish-Chinese relations and their development during last 30 years in military, political, economical and cultural aspects are analysed. The author shows how Turkey is trying to create a zone of political manoeuvring in the Far East. At the same time, Turkey will look after its economic and foreign policy interests in this cooperation.

Keywords: Turkey-China relations; East Turkestan; Belt and Road Initiative.

Китай в настоящее время – одно из важных направлений внешней политики большинства стран мира. Не является исключением и Турецкая Республика, поэтому цель данной статьи – изучение роли Китая во внешней политике Турции.

Отношения между Китаем и Турцией восходят к древним временам. Во вступительной части к своей работе А. О. Виноградов и С. А. Муминова кратко описывают османско-китайские отношения XIX в., что помогает нам разобраться в их истоках, оценить современное состояние и возможные будущие проблемы между двумя странами. Авторы показывают, что «установление дипломатических отношений произошло

в условиях двухполярности структуры международных отношений и стало возможным на фоне активизации китайско-американского диалога. Тем не менее с 1971 до конца 1990-х гг. сотрудничество Китая и Турции оставалось поверхностным» [1, с. 203].

Кроме того, данная информация дает возможность понять, что неглубокие отношения между двумя странами объяснялись следующим: оба государства в период холодной войны находились на разных полюсах, в том числе относительно членства Турции в НАТО (1952 г.) и отправки ее солдат на Корейскую войну (1950–1953 гг.).

Однако с окончанием холодной войны ориентация внешней политики Турции на улучшение отношений со странами Азии и Дальнего Востока ускорила развитие диалога между двумя странами. Премьер-министр Турции С. Демирель, озвучивая программу деятельности правительства, указал, что развитие отношений со странами Азии и Дальнего Востока является одной из их основных задач и необходимо «придавать особое значение отношениям с Китаем и Японией» [2, с. 867]. Несмотря на эти заявления, выделим важные вопросы, где пересекаются национальные интересы обеих стран, а также обозначим, как сотрудничество переросло в конкуренцию после окончания холодной войны. Кроме того, работа Х. Гюнеша содержит глубокий анализ соперничества Турции и КНР в Северной Африке, Центральной Азии и на Ближнем Востоке – субрегионах, где пересекаются национальные интересы двух стран. Среди рассматриваемых вопросов – усилия Турции по углублению своего влияния в Центральной Азии после окончания холодной войны. Так, в феврале 1992 г. премьер-министр С. Демирель сферу влияния Турции определил «от Адриатики до Великой Китайской стены»: «Наша страна выросла, хотя ее границы остались стабильными. Турция стала страной, сфера влияния которой одним концом находится в Адриатическом море, а другим – у Великой Китайской стены» [7].

С распадом СССР и появлением новых независимых государств Центральной Азии политика С. Демиреля, придающая большое значение Евразии, и повышенный интерес Турции к региону насторожили Пекин. Проблема Синьцзян-Уйгурского автономного района/Восточного Туркестана, которая время от времени является предметом ожесточенных дискуссий на линии Анкара – Пекин, вновь стала важным фактором.

Рассматривая другое исследование о роли Китая во внешней политике Турции, можно обнаружить, что турецко-китайские отношения приобрели положительную динамику к концу XX в. А. Дурдулар в своей работе отмечает, что двусторонние отношения быстро набирали обороты благодаря взаимным официальным визитам в 1990-е гг. Помимо этого, анализируются как исторические аспекты турецко-китайских отношений, так и их развитие за последние 30 лет в военном, политическом, экономическом и культурном планах [3].

Указанное исследование позволяет получить данные о том, какую маневренную зону создала Турция в своей внешней политике на Дальнем Востоке. С этой целью автор, проанализировав заинтересованность Турции в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), констатирует, что Турция сможет поддержать Китайскую Народную Республику, страну – учредителя и участника ШОС, для обеспечения позитивного расширения стратегии соединения с Европой через Кавказ. Турция хочет иметь Кавказ в своей зоне влияния, при этом многие годы она не имеет четкой политики в отношении данного региона. В соответствии с этой целью сотрудничество с ШОС принесет значительные выгоды [3, с. 52]. Следует отметить, что в работе А. Дурдулара раскрываются данные о взаимных торговых отношениях (1994–2006 гг.) Турции и Китая.

Стоит упомянуть еще одно исследование, в котором более подробно рассматриваются двусторонние торговые отношения (2009–2019 гг.) Турции и Китая. Работа И. А. Свистуновой способствует более четкому пониманию объема внешней торговли между Анкарой и Пекином в цифрах и получению представления о структуре будущих возможностей сотрудничества. Анализируется баланс импорта-экспорта между обеими странами и объем торговли, объем внешней торговли между Турцией и Китаем. Отмечается, что, как и в торговых отношениях Турции с разными государствами мира, в торговле между ней и Китаем наблюдается дисбаланс: объем турецкого экспорта значительно меньше, чем объем импорта. Так, в 2019 г. экспорт Турции составил 2,5 млрд долл. США, в то время как импорт – 18,5 млрд долл. США. Турецкий импорт из Китая – это в первую очередь электрические машины и оборудование, звуко- и видеоустройства, телевизионное оборудование, запчасти и комплектующие к ним (29,4 %). Машины, механические приборы и инструменты, ядерные реакторы, запчасти и комплектующие к ним занимают 21,6 % турецкого импорта, продукты органической химии – 4 %. Таким образом, половина китайского экспорта в Турцию – это высокотехнологичные товары [4, с. 65].

Для определения будущего двусторонних отношений важно обратить внимание не только на политические, но и на экономические факторы. Один из них – политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, что не позволило установить стабильные двусторонние отношения до конца XX в. Этот вопрос до настоящего времени остается актуальным и станет одним из ключевых факторов, определяющих будущее турецко-китайских отношений в XXI в.

В указанной работе на основе публикаций и официальных заявлений руководителей анализируется роль данного фактора в двусторонних отношениях за последние 15 лет. В исследовании дается представление об уйгурском лобби и диаспоре в Турции: «Точная численность диаспоры

неизвестна, но она может достигать нескольких десятков тысяч человек, имеющих различный статус – граждан Турции, лиц, имеющих вид на жительство, или беженцев. Созданы различные организации, объединяющие уйгуров, которые поддерживают диалог с турецкими властями. Можно упомянуть Ассоциацию просвещения и солидарности Восточного Туркестана (*Doğu Türkistan Maarif ve Dayanışma Derneği*), штаб-квартира которого расположена в Стамбуле» [4, с. 69].

Автор представляет перспективу решения возможных трудностей в рамках взаимного сотрудничества, раскрывает подходы к решению уйгурского вопроса. Можно констатировать, что взаимоотношения развиваются в позитивном и взаимовыгодном ключе, несмотря на то, что есть существенные проблемы, требующие решения. «Ключевым источником разногласий между Анкарой и Пекином остается уйгурский вопрос, однако обе стороны прилагают усилия для снижения влияния этой проблемы на перспективы развития двусторонних связей. Вместе с тем отношения с Китаем занимают все большее место в общественном дискурсе в Турции, что отражает тенденции долгосрочного характера. Это не означает отказа Анкары от западного вектора своей внешней политики, но расширяет спектр возможностей Турции на мировой арене», – пишет А. И. Свистунова [4, с. 75].

Следует обратить внимание на инициативу, которая может принести пользу обеим странам. Эта инициатива является попыткой создания современного Шелкового пути «Один пояс, один путь», экономического коридора между Азией и Европой, выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. В этом контексте сотрудничество в XXI в. между Китаем и Турцией становится неизбежным благодаря геополитическому положению Турции. «Можно утверждать, что реализация проекта “Один пояс, один путь” дает Турции возможность изменить свой периферийный статус и занять более важное положение в мировой торговле. Турция контролирует проливы между Черным и Средиземным морями, она соединяет Европу с Азией, ее стратегическое положение очень важно для реализации инициативы. Уникальное географическое положение дает Турции дополнительные преимущества и делает ее “соединительным мостом” Евразии», – говорится в статье Тао Цзиньхуна и В. А. Кузьмина [5, с. 6].

В данной работе наряду с принципами и целью проекта «Один пояс, один путь» рассматривается и сотрудничество в рамках указанной инициативы, затрагиваются возможные варианты взаимодействия между Турцией и Китаем. Таким образом, рассматриваемое исследование дает нам возможность понять движущую силу проекта «Один пояс, один путь» в двусторонних отношениях и увидеть стремительное развитие сотрудничества в различных сферах.

Исследуя роль Китая во внешней политике Турции, необходимо проанализировать эволюцию внешней политики страны после неудавшейся попытки переворота в 2016 г. и основные идеи, которые являются базой внешней политики Турции. По этой причине необходимо сослаться на работу В. А. Аваткова и П. А. Прилепского, в которой рассматриваются принципы, составляющие основу внешней политики Турции на современном этапе, а также анализируется их отражение в турецко-китайских отношениях [6].

Авторы отмечают, что «неосманнизм, который на современном этапе составляет важную часть внешней политики Турции, необходимо рассматривать как попытку трансформации национальной идентичности. У этой идеологии нет четких и определяющих рамок, она вбирает в себя элементы пантюркизма, исламизма, турецкого евразийства» [6]. Также обращается внимание на то, что «важной глобальной идеей для внешней политики Турции является неоевразийство. Отвергнув классическую теорию, турецкие мыслители переняли сам концепт – “историческое право” тюрков играть важнейшую роль на континенте. Другой из определяющих внешнеполитических идей для современной Турции является пантюркизм. Он берет свои корни в начале XIX в. и несет в себе цель объединения всех тюрков по этническому принципу» [6]. Рассматривая турецкую внешнюю политику, авторы отмечают, что в ней «объединены черты разных идей: пантюркизм, турецкая модель ислама и неосманнизм – каждая из которых предлагает для Турции свой путь к региональному лидерству и трансформации системы международных отношений» [6, с. 189]. В этом контексте необходимо отметить, что указанная работа делает ценный вклад в понимание исторических кодов, формировавших внешнюю политику Турции за период правления Партии справедливости и развития, важности этих параметров в отношениях с КНР.

Таким образом, с 1990 г. китайская экономика начала заявлять о себе в мире и стала одной из ведущих. Восприятие Китая в Турции также стало меняться, появились ожидания, что Турция и Китай могут установить прочные экономические и политические связи. В 2000-е гг. взаимные контакты на высшем уровне между странами активизировались, двусторонний товарооборот начал увеличиваться. Следует выделить важность инициативы «Один пояс, один путь» для экономического подъема Китая. С ее помощью китайское правительство налаживает широкое политическое и экономическое сотрудничество со странами и регионами мира. Китаю для реализации указанной инициативы нужна Турция, которая также занимает важное геостратегическое и геоэкономическое положение. Экономический подъем Китая и его инвестиции в рамках инициативы открывают значительные возможности для Турции, турецко-китайские отношения имеют серьезный потенциал. Турция может привлечь значительные инвестиции в рамках инициативы «Один

пояс, один путь», поскольку предлагает транзитный маршрут для наземных и морских перевозок в такие регионы, как Ближний Восток, Кавказ, Черное море, Средиземноморье, Европа и Северная Африка. При этом китайские компании осуществляют значительные инвестиции в транспортную инфраструктуру Турции.

Для взаимодействия двух стран важны политическое измерение и аспекты безопасности. Турецко-китайские отношения обладают значительным потенциалом, при этом они сталкиваются с серьезными препятствиями. Можно утверждать, что Турция будет деликатно вести дипломатию, заботясь как о своих экономических потребностях, так и о внешнеполитических интересах.

Список источников

1. Виноградов, А. О. Китайско-турецкие отношения: современный этап / А. О. Виноградов, С. А. Муминова // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. – 2021. – № 26. – С. 200–226. (<https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-200-226>)
2. Güneş, H. Türkiye-Çin İlişkileri / H. Güneş // XXI. Yüzyılda Türk Dış Politikasının Analizi / Derleyenler: F. Sönmezoglu, N. Özgür Baklacioglu, Ö. Terzi. – İstanbul : Der Yayınları, 2019. – S. 857–877.
3. Durdular, A. 1970'den Günümüze Karşılaştırmalı Türkiye-Çin Halk Cumhuriyeti İlişkileri: master tezi / A. Durdular. – Ankara, 2006. – 105 s.
4. Свистунова, И. А. Развитие современных Турецко-китайских отношений: перспективы и сложности сотрудничества / И. А. Свистунова // Восточ. аналитика. – 2020. – № 4. – С. 63–79. (<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-063-079>)
5. Тао Цзинхун. Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Тао Цзинхун, В. А. Кузьмин // Науч. диалог. – 2021. – № 3. – С. 438–451. (<https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-438-451>)
6. Аватков, В. А. Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху» / В. А. Аватков, П. А. Прилепский // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4, История. Регионоведение. Междунар. отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 186–197. (<https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>)

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
А. В. Селиванов*

ТАЙНЫЙ КАНАЛ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В НОРВЕГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ХИЛЬДЕ ВААГЕ

Н. Б. Квернадзе

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kvernadzen@mail.ru*

Проанализированы предпосылки, ход и результаты секретных палестино-израильских переговоров в Осло в 1993 г. на основе трудов норвежского исследователя Хильде Вааге. Особое внимание уделено роли Норвегии в открытии и поддержании тайного канала переговоров. Сделаны выводы о целесообразности и перспективности участия малых стран в разрешении международных конфликтов.

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт; ближневосточное регулирование; Норвегия; тайный канал переговоров; Декларация принципов.

SECRET CHANNEL OF THE PALESTINIAN-ISRAELI NEGOTIATIONS IN NORWAY IN THE FOCUS OF HILDE WAAGE

Nino Kvernadze

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, kvernadzen@mail.ru*

The article attempts to outline the background to, and analyse the course and outcome of, the secret Palestinian-Israeli negotiations in Oslo in 1993, based on the work of Norwegian researcher Hilde Waage. Particular attention was paid to Norway's role in opening and maintaining the secret channel of negotiations. Conclusions were drawn on the feasibility and prospects of small countries' participation in international conflict resolution.

Keywords: the Palestinian-Israeli conflict; Middle East peace process; Norway; the secret channel of negotiations; Declaration of Principles.

В поместье Боррегард (расположено в небольшом городе Сарпсборг, на юго-востоке Норвегии) 20 января 1993 г. состоялась встреча, в которой приняли участие два израильских ученых-историка – Яир Хиришфельд и Рон Пундак, три представителя Организации освобождения Палестины (ООП) – доверенное лицо Ясира Арафата, ответственный за экономические и финансовые вопросы ООП Абу Ала, доверенное лицо Махмуда Аббаса Хасан Асфур и экономист, блестяще владевший английским языком, Махер аль-Курд (впоследствии был заменен Мухаммадом Абу Кушем), а также норвежская супружеская пара – директор и один из основателей

исследовательского института *Fafo* Терье Рёд-Ларсен и молодой дипломат Мона Юуль, с 1991 г. работавшая в секретариате норвежского МИД.

Формальным поводом для встречи было проведение научного семинара под эгидой *Fafo*. Днем ранее, 19 января, в Израиле был снят официальный запрет на переговоры с представителями террористических организаций (включая ООП), действовавший с августа 1986 г. [1].

Встреча в Сарпсборге положила начало тайным переговорам между израильянами и палестинцами при посредничестве Норвегии. Переговоры шли параллельно с официальными в Вашингтоне. Спустя восемь месяцев, в сентябре 1993 г., Шимон Перес и Махмуд Аббас подписали Декларацию принципов организации промежуточного управления (Вашингтонская декларация), а Ицхак Рабин и Ясир Арафат обменялись рукопожатием перед публикой.

До настоящего времени нет ясности относительно того, кто подписал Декларацию. Так, одни источники утверждают, что подписи поставили И. Рабин и Я. Арафат [2]; другие – что И. Рабин и Я. Арафат подписали черновик Декларации принципов [3, с. 94]; третьи – что Декларация была подписана И. Рабином и М. Аббасом [4]. Более того, в одной из работ Х. Вааге [5, с. 2] говорится, что подписантами были И. Рабин и Я. Арафат, а в более позднем ее исследовании [6, с. 149] утверждается, что подписи поставили Ш. Перес и М. Аббас. Эта же версия подтверждается в сборнике официальных документов [7, с. 288].

Несмотря на то что торжественное подписание документа 13 сентября проходило на лужайке Белого дома в Вашингтоне (не перед Королевским дворцом в Осло), а достигнутые палестино-израильские договоренности вскоре доказали свою несостоятельность. Спустя тридцать лет сам факт проведения тайных переговоров является национальной гордостью Норвегии, и любые посягательства или клевета в адрес «достижений Осло» порождают «острые споры и даже враждебность» [8, с. 55].

В сентябре 1998 г. норвежский МИД поручил заместителю директора Института исследований проблем мира в Осло (*PRIO*), историку и едва ли не единственному в Норвегии специалисту по арабо-израильскому конфликту, Х. Вааге детально изучить «политическое прошлое» Норвегии на Ближнем Востоке и дать объяснение возникновению тайного канала переговоров, ответив тем самым на вопрос «почему Норвегия?» [5, с. 1]. Для осуществления проекта ей был предоставлен доступ к архивам и засекреченным документам министерства.

Выбор в пользу Х. Вааге был неслучайным, но довольно противоречивым. К 1998 г. она уже опубликовала две монографии, посвященные ближневосточной политике Норвегии (*Waage, H. H. Da staten Israel ble til: Et stridsspørsmål i norsk politikk 1945–1949. Oslo : Gyldendal, 1989. 338 s.* (Возникновение государства Израиль: спорный вопрос в норвежской политике в 1945–1949 гг.); *Waage, H. H. Norge – Israels beste venn. Norsk Midtøsten-politikk 1949–1956. Oslo : Universitetsforlaget, 1996. 415 s.*

(Норвегия – лучший друг Израиля. Норвежская ближневосточная политика в 1949–1956 гг.), однако диссертация, защищенная Х. Вааге в 1987 г. и посвященная позиции Норвегии по палестинскому вопросу в 1945–1949 гг. (*Hva nå med jødene? Norges forhold til Palestina-spørsmålet 1945–1949*), в определенных узких кругах вызвала переполох и была засекречена на 20 лет (единственная засекреченная диссертация в Норвегии).

Как станет известно позже, в диссертации (для ее написания был предоставлен доступ к архивам внешнеполитического ведомства) Х. Вааге осветила ранее не поднимавшийся вопрос отношения Норвегии к вступлению Израиля в ООН [9]. Основываясь на находящихся в архивах МИД документах, она установила, что к 1949 г. и норвежская общественность, и политическая элита, в частности министр иностранных дел Хальвард Ланге, поддерживали новообразованное еврейское государство и благосклонно относились к его вступлению в ООН. При этом четыре высокопоставленных чиновника дипломатического ведомства, отличавшихся проарабскими взглядами, саботировали принятое на высшем уровне решение. Среди этих чиновников был глава политического департамента и советник норвежской делегации в ООН Петер Анкер. Он неоднократно инструктировал норвежскую делегацию о необходимости воздержаться при голосовании в Совете Безопасности по вопросу вступления Израиля в ООН (Норвегия была непостоянным членом Совета Безопасности ООН в 1949–1950 гг.). Приведенная в замешательство противоречащими друг другу указаниями норвежская делегация (в частности, генеральный секретарь Трюгве Ли, норвежец по национальности) связалась с ничего не подозревавшим Х. Ланге, который недвусмысленно подтвердил приверженность Норвегии идее вступления Израиля в ООН [10, с. 194–196].

По словам Х. Вааге, тогда, в 1987 г., для норвежского МИД признать факт саботажа дипломатами решений собственного правительства было бы болезненным шагом – именно поэтому работа долгое время оставалась засекреченной [11, с. 8].

В сентябре 1998 г. Х. Вааге приступила к новому исследованию, основной задачей которого было определить, почему выбор израильтян и палестинцев пал именно на Норвегию. Ответ на данный вопрос был готов к апрелю 2000 г. [5].

Согласно Х. Вааге, ситуация выглядела следующим образом: избрание Норвегии в качестве места проведения тайных переговоров было отнюдь не случайным. Еще в 1979 г. об Осло как о возможном посреднике говорил Я. Арафат [12, с. 7], высоко оценивая способность Норвегии поддерживать хорошие отношения как с США, так и с Израилем (в отличие, например, от Швеции, соперницы Норвегии на миротворческой арене, которая с 1970-х гг. отличалась явно пропалестинской позицией).

В 1985 г. Ян Эгеланн (на тот момент – выпускник магистратуры, а в 1992–1997 гг. – госсекретарь МИД Норвегии) в своей диссертации утверждал, что малые государства, наподобие Норвегии, могут преуспеть

в тех сферах, где сверхдержавы терпят неудачи (к примеру, в миротворчестве), действуя в качестве «морального и гуманитарного предпринимателя» [6, с. 76]. В 1988 г. его диссертацию опубликовали в виде монографии [13]. Я. Эгеланн был полон решимости доказать собственную теорию на практике [6, с. 226].

В 1988–1990 гг. в Каире в качестве советника норвежского посольства работала М. Юуль. С ней в командировке находился и ее муж Т. Рёд-Ларсен, директор и один из основателей исследовательского института *Fafo*, еще, по выражению Х. Вааге, «мало разбиравшийся в ближневосточных реалиях» [6, с. 44]. В Египте Т. Рёд-Ларсен познакомился с Фатхи Арафатом, братом Я. Арафата и председателем палестинского отделения Красного Полумесяца. Я. Арафат совместно с директором палестинского госпиталя в Каире Халидом Шаибом предложили *Fafo* провести социально-экономическое исследование жилищных условий палестинцев на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа [14, с. 6]. Т. Рёд-Ларсен с энтузиазмом принял данное предложение, получив полную поддержку норвежского МИД, который видел в этом проекте еще одну мирную инициативу Норвегии на Ближнем Востоке (осуществление проекта пришлось на 1991–1992 гг.).

В 1992 г. в Израиле к власти пришло левое правительство во главе с премьер-министром И. Рабином. Наиболее активно миротворческую повестку в правительстве И. Рабина стал продвигать заместитель министра иностранных дел Й. Бейлин, поддерживавший связи с палестинцами Западного берега и Газы, но никогда лично не встречавшийся с представителями ООП [6, с. 45]. Интересно, что в своих мемуарах Ш. Перес дает понять, что инициатива исходила от него самого: «Я собираюсь поговорить с Рабином. Думаю, пришло время начать прямые переговоры с ООП» [15, с. 256].

В апреле 1992 г. в одном из ресторанов Тель-Авива Й. Бейлин познакомился с Т. Рёд-Ларсеном. Помимо академического прошлого, их объединял «активистский подход в политике» [5, с. 47], а также опыт создания и управления исследовательскими организациями. Так, в 1990 г. Й. Бейлин вместе с другом историком Яиром Хиршфельдом, который еще с 1970-х гг. пытался установить связи и контакты между израильянами и проживающими на оккупированных территориях палестинцами, основал неправительственную организацию «Фонд экономического сотрудничества» (*Economic Co-operation Foundation, ECF*). В 1991 г. к управлению фондом присоединился бывший студент Я. Хиршфельда Р. Пундак [5, с. 47–48].

В разговоре с Й. Бейлином Т. Рёд-Ларсен сообщил о встрече с членом ЦК ФАТХ Ахмедом Курей (Абу Алой) в Осло двумя месяцами ранее, в феврале 1992 г., и высказал мнение, что руководство ООП, находящееся в Тунисе, слишком оторвано как географически, так и ментально, от палестинцев на Западном берегу и в Газе, поэтому считает целесообразным проведение переговоров с местной элитой. «Идеальной кан-

дидатурой» ему представлялся Фейсал Хуссейни, стоявший у истоков образования ООП [5, с. 71].

Мнение Т. Рёд-Ларсена кардинально поменялось после встречи с Я. Арафатом в Тунисе в январе 1993 г.: норвежский ученый пришел к выводу, что именно Я. Арафат единолично осуществляет власть и без его одобрения местные палестинские лидеры бессильны. В связи с этим, каким бы «старомодным или догматичным» ни казалось норвежцам руководство ООП, «никакого решения без Я. Арафата не могло быть принято» [6, с. 49].

Таким образом, ко второй половине января 1993 г. вырисовался состав будущих делегаций на переговорах в Норвегии. Поскольку в Израиле все еще действовал запрет на ведение официальными лицами переговоров с ООП, а его нарушение грозило уголовной ответственностью, Й. Бейлин направил на встречу с палестинцами Я. Хиршфельда и Р. Пундака. Будучи учеными, а не официальными лицами, в случае утечки информации они могли бы отрицать факт переговоров, ничем при этом не рискуя. ООП было представлено А. Алой и двумя его помощниками (это несколько противоречит версии Ш. Переса, который утверждал, что Й. Бейлин узнал о переговорах по секретным каналам от Т. Рёд-Ларсена и постоянно был в курсе происходящего. «Какое-то время мы получали мало информации, – писал Ш. Перес, – но к весне 1993 г. выяснили, что близкий друг Арафата, человек по имени Абу Ала, присоединился к мирным переговорам» [15, с. 258–259]).

Так, благодаря усилиям Т. Рёд-Ларсена и М. Юуль, а также норвежского МИД, оказавшего, в частности, финансовую и логистическую поддержку, был запущен тайный канал переговоров.

Согласно Х. Вааге, причинами, обусловившими выбор Норвегии в качестве тайного канала проведения переговоров, параллельного Вашингтонскому, послужило как ее особое, или даже «уникальное» [5, с. 54], положение на международной арене (член НАТО, не член европейских сообществ [5, с. 62], партнер США и «лучший друг» Израиля [5, с. 68]), так и усилия отдельных личностей, поверивших в то, что они смогут принести мир на Ближний Восток.

В скором времени, в январе 2001 г., норвежский МИД вновь обратился к Х. Вааге с просьбой рассмотреть роль Норвегии в процессе ближневосточного урегулирования в 1993–1996 гг. Датой завершения проекта был определен конец июня 2003 г., вероятно, к десятилетнему юбилею подписания Декларации принципов. Опираясь на проведенные исследования, Х. Вааге предстояло установить, в частности, какую роль играла Норвегия на тайных переговорах в январе – августе 1993 г.: выступала в качестве организатора и принимающей стороны или полноценного посредника и участника переговорного процесса? В итоге к началу 2004 г. свет увидел 257-страничный отчет [6], который ученый и общественный

деятель Ноам Хомский назовет «единственным серьезным научным исследованием по данному вопросу» [16, с. 205].

В 2004 г. в итоговом труде Х. Вааге вскользь отметила, что при работе в дипломатическом архиве ей не удалось обнаружить никаких документов, связанных с тайным каналом переговоров. Тогда для восстановления общей картины ей хватило мемуаров, интервью и высказываний непосредственных участников событий, а также, как она отметила, «определенной доли здравого смысла» [8, с. 56]. Несколькими годами позже она вернулась к этой теме.

Следуя логике Х. Вааге, деятельность норвежской команды на тайных переговорах можно разделить на два этапа. Первый этап, продлившийся с января по март 1993 г., завершился составлением в Сарпсборге черновика Декларации принципов (*Sarpsborg DoP*). Он был отмечен очень скромной ролью Норвегии; ее представители не только не участвовали в переговорах, но даже на них не присутствовали. Основная миссия норвежцев заключалась в бронировании билетов и отелей, оплате счетов, организации встреч и сохранении в секрете сведений о переговорах [6, с. 7]. Так, в январе – марте 1993 г. Норвегия рассматривала себя в качестве «скромного координатора» (*modest facilitator*), а не посредника (*mediator*) [6, с. 80].

Изменение ситуации и начало второго этапа связано с именем Йохана Йоргена Хольста, который в апреле 1993 г. стал министром иностранных дел Норвегии и вознамерился играть более важную роль в секретном канале. Ко всеобщему удивлению, уже в мае он посетил пятый раунд переговоров и принял в них непосредственное участие [6, с. 108]. Как отмечает Х. Вааге, Я. Эгеланн, Т. Рёд-Ларсен и М. Юуль практически ушли со сцены [12, с. 16], уступив место активному миротворчеству Й. Хольста, которого Абу Мазен позднее назовет «человеком, лично содействовавшим доведению соглашения [Декларации принципов] до подписания» [17, с. 274]. Повышение представительства норвежской делегации до уровня министра иностранных дел, а также высказываемое палестинцами недовольство низким уровнем представительства израильтян (ученые, а не официальные лица) побудило Израиль направить в Норвегию генерального директора МИД Ури Савира.

В июле израильской стороной была представлена Грефсхеймская декларация принципов (*Grefsheim DoP*), приведшая к кризису в переговорном процессе. В течение июля Й. Хольст дважды (13 и 20) посетил Тунис, где встречался и беседовал с Я. Арафатом. Согласно Х. Вааге, Ш. Перес использовал Й. Хольста в качестве «инструмента» в этих переговорах, не без оснований полагая, что норвежскому министру иностранных дел удастся донести позицию Израиля до палестинцев. Представители ООП все чаще стали уличать Й. Хольста в том, что тот якобы играет по израильским правилам, поскольку начал обвинять палестинцев в отсутствии «прогресса и компромисса» в переговорах. Тем не менее, согласно Х. Вааге, норвеж-

ским переговорщиком двигало отнюдь не желание угодить Израилю, а соображения собственного престижа. Желая уберечь канал от краха, он был вынужден принять сторону более сильного игрока [12, с. 14].

Ш. Перес должен был отправиться с официальным визитом в Швецию и Норвегию 17–20 августа. Израильская сторона хотела использовать эту возможность для окончательного урегулирования вопроса. Таким образом, после восьми месяцев напряженных переговоров в Норвегии окончательное разрешение проблем было достигнуто в ходе восьмичасового телефонного разговора между Стокгольмом, где в те дни находился Ш. Перес и норвежско-израильская команда, и Тунисом. Ввиду того что Ш. Перес отказался разговаривать с Я. Арафатом, эту миссию выполнил Й. Хольст (доверенное лицо Ш. Переса Ави Гиль и юридический советник израильского правительства Йоэль Сингер инструктировали Й. Хольста относительно «красных линий», которые нельзя было пересекать, а также при необходимости будили Ш. Переса для консультаций, поскольку телефонные переговоры проходили ночью [6, с. 132–133]). Со стороны ООП переговоры вел А. Ала. Два дня спустя, 20 августа 1993 г., на секретной церемонии в Осло израильтяне, палестинцы и норвежцы парафировали Декларацию принципов [12, с. 14–15]. С израильской стороны подписи поставили У. Савир и Й. Сингер, с палестинской – А. Ала и Х. Асфур. Й. Хольст подписал Декларацию в качестве свидетеля. Ш. Перес не присутствовал на церемонии, поскольку израильское правительство не было проинформировано о ее проведении и, соответственно, не могло дать своего одобрения [6, с. 140].

Факт проведения тайных переговоров и их на тот момент казавшееся более чем успешное завершение становятся достоянием общественности. Норвегию нарекают «столицей мира» [6, с. 4], и кажется, по довольно саркастичному замечанию Х. Вааге, что в ее миротворческих услугах начинают нуждаться везде: от Гватемалы и Колумбии до Кипра и Шри-Ланки [6, с. 246].

Тем не менее Х. Вааге приходит к выводу, что приписывать успех тайного канала лишь миротворческим усилиям Норвегии было бы абсолютно неверным и несправедливым. По ее мнению, к 1993 г. стороны уже сами понимали, что конфликт созрел для урегулирования. Так, Х. Вааге отмечает, что положение ООП в то время было катастрофичным: находясь в Тунисе и будучи оторванным от палестинцев на Западном берегу и в Газе, руководство ООП с большим беспокойством наблюдало за возникновением и становлением местной элиты, «распалившей и поддерживавшей» [6, с. 24] интифаду 1987 г. Я. Арафат, став на сторону Саддама Хуссейна во время войны в Персидском заливе 1990–1991 гг., сделал ООП изгоем в арабском мире. Это привело к колоссальному сокращению бюджета Организации, до того подпитывавшегося значительными отчислениями из Кувейта и Саудовской Аравии. А распад СССР и окон-

чание холодной войны означало, что палестинцы лишились своего влиятельного защитника и покровителя [6, с. 24].

Израильтяне, находясь в гораздо более сильной позиции, с большой настроенностью относились ко все растущему влиянию ХАМАС, предпочитая ему пусть ненадежного, но уже знакомого и даже понятного Я. Арафата и ООП. Таким образом, согласно Х. Вааге, ООП отчаянно нуждалась в переговорах и признании, а Израиль, осознавая слабость ООП и свою силу, был готов пойти на эти переговоры. Норвегия же, преследуя в большей степени цели международного престижа, с энтузиазмом взвалила на себя обязанности координатора/посредника, однако была вынуждена играть по правилам более сильной стороны, т. е. Израиля, если желала сохранения тайного канала переговоров в жизнеспособном состоянии.

Участники переговоров упоминают «дух Осло» [6, с. 140, 190, 204, 228], уникальную атмосферу дружелюбности и доверия, созданную норвежской командой и так выгодно отличавшуюся от атмосферы официального канала в Вашингтоне, где казалось, что «переговоры проходят как бы на улице» [17, с. 274]. Однако в интервью Х. Вааге Р. Пундак заявил: «Если бы нам не понравилась еда или обстановка, мы с А. Алой могли бы переместиться в другое место. Стороны сами достигли соглашения, они не нуждались в норвежцах. Нам всего лишь нужно было тихое и спокойное место» [6, с. 58].

Будучи ученым-историком, Х. Вааге установила истинный вклад Норвегии в переговорный процесс, лишь изучив и проанализировав документы секретного канала. Тем не менее, как уже упоминалось выше, она, к своему удивлению и удивлению заведующего архивом норвежского МИДа, во время работы над отчетом в 2001–2003 гг. такие документы не обнаружила, поэтому обратилась с запросом к вдове Й. Хольста Марианне Хейберг. Последняя утверждала, что в личном архиве ее мужа нет документов, связанных с секретным каналом переговоров. Запросы, направленные Т. Рёд-Ларсену и М. Юуль как лично Х. Вааге, так и в норвежский МИД, остались без ответа. Предположения о том, что многие вещи оговаривались устно, были отвергнуты, поскольку Ш. Перес, Й. Бейлин и У. Савир в мемуарах приводили выдержки из отсутствовавших документов [8, с. 56].

Отчет Х. Вааге в 2004 г. произвел большой резонанс, ее выводы подверглись критике, в частности Т. Рёд-Ларсеном и М. Юуль. Однако проблема пропавших документов осталась практически незамеченной [8, с. 56].

Ситуация коренным образом изменилась после того, как в октябре 2005 г. известный норвежский журналист Одд Карстен Твейт опубликовал книгу под названием «*War and Diplomacy: Oslo-Jerusalem 1978–1996*» («Война и дипломатия: Осло – Иерусалим, 1978–1996 гг.»).

По словам Х. Вааге, в 2000 г. норвежский МИД предоставил О. Твейту доступ к засекреченным архивам, а также грант на сумму 180 тыс. долл.

США для работы над документальным фильмом и книгой. В это время он тесно сотрудничал с Т. Рёд-Ларсеном [8, с. 57]. Более того, по словам Х. Вааге, и документальный фильм, и книга полностью воспроизводят версию событий, изложенную Т. Рёд-Ларсеном и М. Юуль. И если в фильме О. Твейта они мелькают с завидной регулярностью, то Х. Вааге с трудом удалось уговорить их на интервью (как мы помним, версия Х. Вааге и ее выводы подверглись критике со стороны супружеской пары).

В библиографическом списке к книге О. Твейт не давал ссылок на документы секретного канала, однако в предисловии писал, что для защиты своих первоисточников он передал рукопись с дополнительными сносками и ссылками на первоисточники на хранение в Национальный архив Норвегии. По его словам, рукопись была помещена в отдельный ящик, «ящик Твейта», и помечена как засекреченная сроком на 25 лет [8, с. 57].

Таким образом, содержимое книги О. Твейта подтвердило существование недоступных публике документов секретного канала переговоров. Однако в скором времени заведующий Национальным архивом Й. Херстад опроверг слова О. Твейта, заявив, что «ему на хранение не поступало ни одного документа, связанного с секретным каналом, а “ящик Твейта” пуст» (точнее, там находился компакт-диск с рукописью [8, с. 58]). Под давлением общественности МИД Норвегии признал, что пропавших документов у него изначально не было [8, с. 58].

После дополнительного разбирательства с ключевыми участниками секретного канала, проведенного норвежским дипломатическим ведомством, выяснилось следующее: вдова Й. Хольста умерла в декабре 2004 г., до последнего настаивая на своей неосведомленности; Я. Эгеланн выслал в адрес МИД восемь документов, мало прояснивших вклад Норвегии; М. Юуль заявила, что у нее есть только «личные» документы, принадлежащие только ей; Т. Рёд-Ларсен настаивал на том, что он не намерен передавать Норвегии какие-либо документы из своего «обширного личного архива», а мог бы предоставить его какому-либо «международно признанному заграничному архиву» [8, с. 59] (Т. Рёд-Ларсен выступил одним из составителей сборника документов, посвященного ближневосточному конфликту, – *Rød-Larsen, T., Aidan, F., Laiq, N. The Search for Peace in the Arab-Israeli Conflict: A Compendium of Documents and Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2014. 1300 p.* Однако в сборнике нет ни одного (секретного) документа периода января – августа 1993 г.). В 2007 г. норвежский МИД объявил вопрос закрытым. С тех пор проблема пропавших документов больше не поднималась.

Сегодня, спустя тридцать лет, успех тайного канала переговоров в Норвегии кажется сомнительным: градус недоверия и ненависти между израильтянами и палестинцами все так же высок, а палестино-израильский конфликт далек от урегулирования, как и десятки лет назад. Вероятно, единственными бенефициарами Декларации принципов можно

назвать лишь Т. Рёд-Ларсена и М. Юуль, чья дипломатическая карьера после 1993 г. стремительно пошла в гору. Так, М. Юуль в 1994–1997 гг. занимала пост советника-посланника (заместителя посла) в посольстве Норвегии в Тель-Авиве, в 2001–2005 гг. была послом Норвегии в Израиле, в 2014–2018 гг. – послом Норвегии в Великобритании, в настоящий момент М. Юуль – постоянный представитель Норвегии при ООН [18].

Т. Рёд-Ларсен в 1994 г. был назначен специальным координатором ООН по оккупированным территориям, в 1999–2004 гг. занимал посты заместителя Генерального секретаря ООН, специального координатора ООН по ближневосточному мирному процессу и персонального представителя Генсека ООН в ООП и ПНА. В 2005 г. возглавил Международный институт мира в Нью-Йорке [19]. По просочившейся в прессу информации, в 2006 г. Т. Рёд-Ларсен посчитал себя подходящей кандидатурой на пост Генерального секретаря ООН [20].

Опасность посреднических миссий малых стран (наподобие Норвегии), не имеющих при этом рычагов влияния на стороны конфликта, заключается в том, что в случае успеха переговоров складывается обманчивая иллюзия, что непримиримые до этого враги могут решить даже самые серьезные проблемы, лишь сев и поговорив в тихой и приятной обстановке.

Ценность исследований Х. Вааге заключается в том, что она, опираясь на массив архивных документов, мемуаров и интервью [6, с. 247–248], показывает картину событий и пытается развенчать миф о том, что мир на Большой Ближний Восток удалось принести лишь усилиями маленькой группы энтузиастов.

Необходимо подчеркнуть, что личностный фактор, несомненно, сыграл важную роль. Посредством кратких, но емких характеристик Х. Вааге удалось создать объемные образы ключевых участников переговоров, тем самым сделав понятными мотивы их поступков и дав ключ к разгадке возникновения того самого «духа Осло».

Так, Я. Хиршфельд предстает «эксцентричным бородатым 49-летним мужчиной с растрепанными волосами, являя собой нечто среднее между Бобом Диланом и Карлом Марксом». Он утверждает, что план мирного урегулирования был подготовлен им уже давно и лишь дожидался своего часа [6, с. 58]. А. Ала описывается как «55-летний маленький лысый мужчина, по костюму походивший скорее на европейского бизнесмена, чем на палестинского подпольного лидера»; израильянами он рассматривается в качестве «проницательного прагматика» [6, с. 61]. Один из центральных участников второго этапа переговоров – Й. Хольст – характеризуется довольно «замкнутым и застенчивым, но в то же время высокомерным, чрезвычайно трудолюбивым, помешанным на контроле, амбициозным и требовательным» [6, с. 87]. Т. Рёд-Ларсен, признанный вдохновитель и опора тайного канала, изображается «серьезным

интеллектуалом и убежденным гуманистом», чьи «исключительные психологические навыки» не раз спасали переговоры от краха [6, с. 62].

Тем не менее Х. Вааге доказывает, что канал переговоров «возник не в вакууме» [6, с. 2]. Его открытие едва было бы возможным без «особых» [6, с. 2, 31, 189, 222, 224] отношений Норвегии и Израиля, выстраиваемых годами.

По мнению исследователя, норвежцы относились к Израилю с «восхищением, граничащим с религиозным благоговением», полагая, что образование еврейского государства есть «осуществление библейских пророчеств» [21, с. 601]. Немаловажным фактором, способствовавшим становлению произраильской позиции Осло, было и общее для европейцев чувство вины по отношению к евреям и постигшей их катастрофе [21, с. 601]. Так, к началу Второй мировой войны в Норвегии проживало около двух тысяч евреев. Гестапо с помощью норвежской полиции задержало и отправило в концлагеря около семисот евреев; в живых осталось 25 человек [10, с. 198].

Представители же Рабочей партии, рабочего движения и профсоюзов Норвегии видели в Израиле «социалистический рай» на земле и пример для подражания [10, с. 200].

Диаметрально противоположным было отношение к палестинцам, и особенно явственно оно проявилось в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в связи с возникновением проблемы палестинских беженцев. По словам Х. Вааге, их судьба «полностью игнорировалась» Норвегией. В качестве примера она приводит нелюбимый для Норвегии эпизод. Норвежским правительством было принято решение поставлять палестинским беженцам рыбу в качестве гуманитарной помощи, тем самым избавляя внутренний рынок от излишков. В скором времени начали поступать жалобы от ООН и Красного Креста относительно того, что уровень калорийности поставляемой рыбы слишком низок, а часть ее и вовсе гнилая. Тем не менее Норвегия проигнорировала жалобы и продолжила «помогать» рыбой и в 1950-х гг. [10, с. 200].

Более того, доминировала точка зрения, что израильтян вовсе не за что винить. У новообразованного еврейского государства и так слишком много проблем. Именно поэтому арабские страны должны последовать примеру Израиля, принимающего евреев со всего мира, и взять на себя ответственность за своих братьев-палестинцев [10, с. 200].

Лишь в 1970-е гг., когда к власти в Норвегии пришло новое поколение политических лидеров, значительно менее религиозных, не помнящих или даже не заставших войну, были сделаны шаги по налаживанию связей с ООП, чему, несомненно, способствовали и внутренние трансформации в самой Организации. Тем не менее опыт «особых» отношений с Израилем предотвратил переориентацию внешней политики Осло на пропалестинские позиции (в отличие, например, от Швеции).

В работах Х. Вааге, по субъективному мнению автора этой статьи, прослеживаются палестинофильские взгляды. Ее исследования базируются в основном на архивных документах норвежского МИД и трудах американских, израильских и норвежских авторов. Ввиду объективного отсутствия доступа к такому же количеству источников на арабском языке (вероятно, единственным серьезным и доступным свидетельством были мемуары А. Мазена) ее работы не дают представления об отношении к тайному каналу переговоров самих представителей ООП и о целях, преследуемых ими. По этой причине Х. Вааге (намеренно или бессознательно) конструирует образ угнетенных и зажатых в угол палестинцев, готовых на любые переговоры на любых условиях. Любопытно, что статью, посвященную Родосским соглашениям 1949 г. [22], она озаглавила «*The winner takes it all*» («Победитель получает все», название песни популярной шведской музыкальной группы ABBA), понимая под победителем Израиль и продолжая в своих исследованиях «обвинять» его в этом.

Таким образом, по мнению Х. Вааге, возникновение тайного канала палестино-израильских переговоров при посредничестве Норвегии, изучению которого она посвятила много лет, став при этом одним из первопроходцев, не было ни случайным стечением обстоятельств, ни результатом лишь воли отдельных заинтересованных личностей. Канал стал кульминацией длительного процесса вовлечения Норвегии в ближневосточные дела, ее «особых» отношений с Израилем, следствием зрелости (*ripeness*) конфликта, его готовности к урегулированию, а также результатом появления нужных людей, «увидевших возможность и воспользовавшихся ею» [6, с. 224].

Список источников

1. Knesset Repeals Prohibition Against Liaising with PLO (1993) [Electronic resource] // Economic Cooperation Foundation. – Mode of access: <<https://ecf.org.il/issues/issue/94>>. – Date of access: 10.02.2023.
2. Declaration of Principles (Oslo I, 1993) [Electronic resource] // Economic Cooperation Foundation. – Mode of access: <<https://ecf.org.il/issues/issue/184#:~:text=The%20agreement%20outlined%20general%20principles,by%20US%20President%20Bill%20Clinton>>. – Date of access: 13.02.2023.
3. McKinney, K. M. The Legal Effects of the Israeli-PLO Declaration of Principles: Steps Toward Statehood for Palestine / K. M. McKinney // Seattle University Law Review. – 1994. – Vol. 18, N 1. – P. 93–128.
4. The Oslo Accords and the Arab-Israeli Peace Process [Electronic resource] // Office of the Historian. – Mode of access: <<https://history.state.gov/milestones/1993-2000/oslo>>. – Date of access: 13.02.2023.
5. Waage, H. H. Norwegians? Who needs Norwegians? Explaining the Oslo Back Channel: Norway's Political Past in the Middle East: Evaluation Report 9/2000 [Electronic resource] / H. H. Waage. – 77 p. // Norwegian Government Security and Service Organisation. – Mode of access: <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/fredsarbeid/hhw_2000.pdf>. – Date of access: 11.02.2023.

6. Waage, H. H. Peacemaking Is a Risky Business: Norway's Role in the Peace Process in the Middle East, 1993–96: PRIO Report 1/2004 / H. H. Waage. – Oslo : PRIO, 2004. – 257 p.
7. Documents on Palestine : in 8 vol. / ed.: A. H. Mahdi. – Jerusalem : Palestine Academic Society for the Study of International Affairs, 2017. – Vol. 4. – 453 p.
8. Waage, H. H. Postscript to Oslo: The Mystery of Norway's Missing Files / H. H. Waage // Journal of Palestine Studies. – 2008. – Vol. 38, N 1. – P. 54–65. (<https://doi.org/10.1525/jps.2008.38.1.54>)
9. Karstensen, A. Lar hundene bjeffe [Electronic resource] / A. Karstensen // Universitas. – 06.02.2013. – Mode of access: <<https://www.universitas.no/magasin/lar-hundene-bjeffe/112447>>. – Date of access: 11.02.2023.
10. Waage, H. H. How Norway Became One of Israel's Best Friends / H. H. Waage // Journal of Peace Research. – 2000. – Vol. 37, N 2. – P. 189–211. (<https://doi.org/10.1177/0022343300037002005>)
11. Taube, E. T. Uredd forsker og evig student – intervju med Hilde Henriksen Waage / E. T. Taube, A. B. Lien // Fortid. – 2013. – N 3. – S. 6–11.
12. Waage, H. H. Norway's Role in the Middle East Peace Talks: Between a Strong State and a Weak Belligerent / H. H. Waage // Journal of Palestine Studies. – 2005. – Vol. 34, N 4. – P. 6–24. (<https://doi.org/10.1525/jps.2005.34.4.6>)
13. Egeland, J. Impotent superpower – potent small state: potentials and limitations of human rights objectives in the foreign policies of the United States and Norway / J. Egeland. – Oslo : Norwegian University Press, 1988. – 232 p.
14. Heiberg, M. Palestinian society in Gaza, West Bank and Arab Jerusalem. A Survey of Living Conditions / M. Heiberg, G. Øvensen. – Oslo : Falch Hurtigtrykk, 1993. – 419 p.
15. Перес, Ш. Робким мечтам здесь не место. О смелости, воображении и становлении современного Израиля / Ш. Перес. – М. : Манн-Иванов и Фербер, 2020. – 320 с.
16. Хомский, Н. Кто правит миром? / Н. Хомский. – М. : РИПОЛ классик, 2019. – 416 с.
17. Мазен, А. Путь в Осло / А. Мазен. – М. : ИИИиБВ, 1996. – 306 с.
18. H. E. Ms. Mona Juul: Seventy-fifth President of the Economic and Social Council [Electronic resource] // United Nations Department of Economic and Social Affairs. – Mode of access: <<https://sdgs.un.org/panelists/he-ms-mona-juul-30121>>. – Date of access: 20.02.2023.
19. Terje Rød-Larsen: President [Electronic resource] // International Peace Institute. – Mode of access: <<https://www.ipinst.org/by/terje-rod-larsen>>. – Date of access: 20.02.2023.
20. Rød-LarsenvillebliFN-sjef[Electronicresource]//archive.today:Dagsavisen. – 20.12.2010. – Mode of access: <<https://archive.ph/20130223003006/http://www.dagsavisen.no/innenriks/article512436.ece#selection-509.2-509.30>>. – Date of access: 20.02.2023.
21. Waage, H. H. Explaining the Oslo Backchannel: Norway's Political Past in the Middle East / H. H. Waage // Middle East Journal. – 2002. – Vol. 56, N 4. – P. 597–615.
22. Waage, H. H. The Winner Takes All: The 1949 Island of Rhodes Armistice Negotiations Revisited / H. H. Waage // Middle East Journal. – 2011. – Vol. 65, N 2. – P. 279–304.

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
Д. Л. Шевелёв*

ЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАРЕНДРЫ МОДИ В ИНДИЙСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

О. В. Ливиндюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, livindiuk.olga@gmail.com*

Проанализированы основные работы индийских авторов о дипломатической деятельности премьер-министра страны (с 2014 г.) Н. Моды. Подчеркнуты личные достижения главы индийского кабинета в развитии отношений с США, Японией и Францией. Даны в сравнении идейные основы дипломатии Н. Моды и Дж. Неру. Раскрыта сущность «хиндутвы». Охарактеризована кадровая политика внешнеполитического ведомства Индии. Рассмотрена стратегия формирования политического имиджа Н. Моды, а также такой важный аспект «мягкой силы» партии «Бхаратия джаната парти», как «буддийская дипломатия». Отмечены значимые темы в индийских публикациях: исследование комплекса противоречий Дели в отношениях с Пекином, проблемы индийско-китайского пограничного конфликта, его влияние на отношения двух стран и прогноз их развития на двусторонней и многосторонней основе.

Ключевые слова: историография внешней политики Индии; индийско-китайские отношения в XXI в.; Нарендра Моди; личная дипломатия; индуистский национализм; интернационалистический национализм, «шафранизация», буддистская дипломатия.

NARENDRA MODI'S PERSONAL DIPLOMACY IN INDIAN PUBLICATIONS

Volha Livindziuk

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, livindiuk.olga@gmail.com*

The article identifies and analyses the key works of Indian authors dedicated to the diplomatic activities of the country's Prime Minister (since 2014) N. Modi. Based on publications, the author emphasises the personal achievements of the head of the Indian cabinet in relations with the United States, Japan, France, compares the ideological basis of diplomacy of N. Modi and J. Nehru, reveals the essence of Hindutva, characterises the personnel policy of the Indian Foreign Ministry. The strategy of forming the political image of Narendra Modi, as well as such a significant aspect of the «soft power» of the Bharatiya Janata Party as «Buddhist diplomacy» is considered. An important place in Indian publications is also occupied by the study of Delhi's complex of contradictions in relations with Beijing, the problem of the India-China border conflict, its impact on bilateral relations and the forecast of their development on a bilateral and multilateral basis.

Keywords: historiography of Indian foreign policy; India-China relations in the 21st century; Narendra Modi; personal diplomacy; Hindu nationalism; internationalist nationalism, «saffronisation», Buddhist diplomacy.

В исследовании внешней политики современной Индии важное место занимает анализ идеологических оснований и обусловленной ими внешнеполитической стратегии партии «Бхаратия джаната парти» (БДП), лидером которой является Нарендра Моди, возглавивший с мая 2014 г. правительство.

В статье индийского журналиста Р. Чандари последовательно раскрыты отличительные особенности личной дипломатии Н. Моди. Реализуя персоналистический подход к изучению внешней политики, исследователь анализирует неформальные дружеские отношения главы индийского кабинета и премьер-министра Японии С. Абэ (2006–2007, 2012–2020 гг.), которые способствовали воплощению в жизнь проекта сверхскоростного пассажирского экспресса, а также ядерной сделки. Специфические черты дипломатии Н. Моди рассматриваются также на примере его плодотворных, определяемых приверженностью демократическим ценностям отношений с президентом США Б. Обамой (2009–2016 гг.) и президентом Франции Ф. Олландом (2012–2017 гг.) [1].

Американскому вектору личной дипломатии Н. Моди посвящена статья А. Реджа. Автор рассматривает усилия индийского премьера, направленные на построение партнерских отношений с президентом США (2017–2020 гг.) Д. Трампом. Именно в этот период взаимодействие двух государств достигло уровня стратегического партнерства, были подписаны три базовых соглашения в сфере оборонного сотрудничества, активно развивалась торговля. В качестве примеров эффективной личной дипломатии Н. Моди исследователь приводит Глобальный саммит по предпринимательству в Хайдарабаде 2017 г., который премьер предложил возглавить Иванке Трамп, а также приветственное шоу в честь президента США, устроенное в Гуджарате (2022 г.). По оценке А. Реджа, приход к власти партии «Бхаратия джаната парти» во главе с Н. Моди коренным образом изменил индийскую дипломатическую стратегию [2].

Изменения в индийской дипломатии в годы премьерства Н. Моди исследовала и научный сотрудник Лондонской школы экономики и политических наук доктор К. Худжу в статье, которая характеризует идейное основание БДП – концепцию «хиндутвы», или индуистского национализма. Автор проводит сравнительный анализ «хиндутвы» Н. Моди с «интернационалистическим национализмом», обоснованным первым премьер-министром Индии (1947–1964 гг.) Д. Неру, причем это сравнение явно не в пользу «хиндутвы». Исследователь критически относится к индуистскому национализму, поскольку его приверженцы считают влияние монотеистических религий (ислама и христианства) угрозой, выступают за переход от секуляризма к индуистскому ренессансу и за близкое сотрудничество с военизированной индуистской организацией «Раштрия Сваямсевак Сангх». В статье выделены специфические черты нового дипломатического курса, проводимого под руководством БДП:

массовые религиозные торжества, мероприятия для индуистов, спонсируемые посольствами, а также постепенный переход на хинди в дипломатической коммуникации, т. е. «хиндуизация» индийской дипломатии, где ранее безраздельно доминировал английский язык. В соответствии с позицией Н. Моди индийская дипломатическая служба стала формироваться не только из англоговорящих представителей высших каст, но и из идейных последователей «хиндутвы» [3].

Данная тенденция в академических кругах определяется термином «шафранизация», подробно раскрытым доктором К. Худжу. Он выделяет ключевые элементы процесса «шафранизации», среди которых прежде всего перестройка политических институтов и построение индуистского единства на основе сконструированного идеологами «хиндутвы» легендарного прошлого страны [4].

Стратегия формирования политического имиджа Н. Моди детально рассмотрена в статье С. М. Л. Хенг, написанной в рамках ее сотрудничества с независимым аналитическим центром *Observer Research Foundation* в Дели. Исследователь подчеркивает негативное отношение премьер-министра к традиционным СМИ, а также его методы продвижения повестки БДП через персональный аккаунт в Твиттере и тактику героизации себя как народного лидера, что нашло отклик в сердцах миллионов религиозных индийцев, наделяющих его сверхъестественным статусом. М. Л. Хенг отдает должное ораторским способностям Н. Моди и его харизме, однако критикует игру на религиозных предрассудках своего электората, называя премьер-министра популистом [5].

Важным аспектом политики БДП стала «мягкая сила», которую олицетворяет так называемая «буддийская дипломатия». Специалист независимого глобального аналитического центра *Observer Research Foundation*, базирующегося в Дели, бывший генерал-майор армии Непала Б. Баснията в своей статье рассматривает такую ее форму, как создание сети буддийских культурных центров в Юго-Восточной Азии – пространстве соперничества Индии с Китаем [6].

Одним из ключевых аспектов индийско-китайских отношений стала проблема неразрешенного пограничного конфликта и его влияние на двусторонние отношения. Для выделения этапов развития данного конфликта в XXI в. важное значение имел специальный отчет аналитического центра *Observer Research Foundation*, составленный группой экспертов под редакцией младшего научного сотрудника Программы стратегических исследований А. Г. Шивамурти. В отчете содержится прогноз развития индийско-китайского соперничества в регионе Южной Азии, суть которого – вероятность «войны на два фронта» для Индии, когда она окажется между недружественно настроенными к ней государствами – Китаем и Пакистаном. Авторы считают, что экономический кризис в Пакистане и остановка строительства китайско-паки-

станского экономического коридора подтолкнул Пакистан к поиску баланса между Китаем и США, из-за чего он не сможет представлять для Индии угрозу. Нерешенный территориальный конфликт, «оккупация» Китаем индийских и бутанских территорий способствуют росту индийско-китайского соперничества. Эксперты отмечают, что власти Бутана обеспокоены милитаризацией региона и Индийского океана, а также анализируют ситуацию в Непале, где наблюдается соперничество трех сторон: Индии, Китая и США. Показано влияние индийско-китайского соперничества на внешнеполитический курс отдельных южноазиатских государств посредством сравнения размеров помощи и инвестиций, которые направляют Дели и Пекин государствам Южной Азии, внешне-торгового оборота, в итоге обосновывается вывод, что напористая политика Китая послужила катализатором сближения Индии со Шри Ланкой и Мальдивскими островами [7].

Для того чтобы дать аргументированную оценку перспектив индийско-китайского соперничества, полезно ознакомиться с книгой научного сотрудника Института оборонных исследований и анализа им. Манохара Паррикара (Нью-Дели) А. К. Сингха. Автор ставит перед собой две цели: проанализировать взгляды китайских исследователей на внешнюю политику Индии и дать обоснованную оценку распространенному представлению о том, что индийско-китайское соперничество является «односторонним», или «асимметричным». Он приходит к выводу, что индийско-китайские отношения действительно характеризовались асимметрией, поскольку в этой диаде азиатских держав Индия изначально была более слабым звеном. По прогнозу А. К. Сингха, данная асимметрия сохранится или даже усилится, но не даст Китаю подавляющего преимущества. Индия в восприятии Китая останется «стратегическим соперником», хотя официальный Пекин в своем дискурсе избегает такого определения [8].

Последствия индийско-китайского конфликта стали предметом анализа в совместном эссе доктора М. Папа, курирующей программы глобального развития в бизнес-школе Слоун при Массачусетском технологическом институте, и доктора Р. Вармы, преподавателя Колледжа международных отношений Университета Хуацяо. Главный вопрос, звучащий лейтмотивом в данной работе, – будущее БРИКС. Указанная структура структура в рекордно короткие сроки превратилась в неформальный институт, стремящийся к глобальному политическому лидерству и объединивший пятерку «могущественных и стремительно развивающихся стран». Поначалу создавалось впечатление, что БРИКС «ничто не остановит», однако вооруженное противостояние между Индией и Китаем, вспыхнувшее в 2020 г., поставило под угрозу перспективы объединения. Авторы считают, что БРИКС ожидает не распад, а трансформация, ему предстоит столкнуться с рядом стратегических

и геополитических проблем. Подход, который будет избран для их решения, определит траекторию дальнейшего развития этого института многосторонней дипломатии и во многом повлияет на расстановку сил на мировой арене. В эссе анализируются сценарии разрешения индийско-китайского конфликта, предлагаемые всеми пятью членами БРИКС. Авторы рассматривают концепции новых направлений развития объединения, а также два основных сценария его участников в рамках урегулирования: уклонение от конфликта и внесение институциональных корректировок [9].

Выделить основные этапы эволюции индийско-китайского пограничного конфликта и раскрыть их содержание помогает статья исполнительного директора Исследовательского фонда *Observer Research Foundation America* Д. Джайшанкара, который анализирует условия формирования комплекса противоречий между Индией и Китаем с колониальных времен, когда британцы признали китайский сюзеренитет над Тибетом (отчасти для того, чтобы предотвратить возможность вторжения со стороны Российской империи). Все пограничные соглашения, заключенные в тот период между Британской Индией и династией Цин, были весьма расплывчатыми, поэтому впоследствии статус Тибета оказался спорным. Исследователь дает детальную характеристику спорным зонам вдоль индийско-китайской границы, обосновывая их стратегическую важность для государств-претендентов. Например, Ладакх важен для Индии не только сам по себе, но и для снабжения ее войск вдоль спорной границы с Пакистаном. Данный район имеет решающее значение для обеспечения безопасности Индии и геополитического баланса сил в Азии. В статье отмечается, что за рукопашной схваткой, произошедшей в 2020 г. в долине реки Галван, последовал ряд далеко идущих последствий для индийско-китайских отношений. Во-первых, это событие мотивировало Китай к масштабному наращиванию военной мощи для устрашения Индии. Во-вторых, столкновение поставило под сомнение эффективность протоколов, тщательно разрабатывавшихся правительствами Индии и Китая с 1993 г. В-третьих, отношение индийской общественности к Китаю стало более враждебным. Столкновение на реке Галван интерпретируется как поворотный момент в отношениях между Индией и Китаем, имеющий долгосрочные негативные последствия [10].

Таким образом, рассмотрев политическую деятельность Н. Моди, подчеркнем эффективность его личной дипломатии в отношениях с премьер-министром Японии С. Абэ, президентом Франции Ф. Олландом, президентами США Б. Обамой и Д. Трампом. С приходом к власти Н. Моди отмечается тенденция к хиндуизации политических институтов Индии, что вызывает определенные опасения у некоторых экспертов, поскольку этот процесс сопровождается усилением в обществе индуистского национализма, а также процессом «шафранизации», т. е. форми-

рованием лояльной к постулатам «хиндутвы» дипломатической службы. Н. Моди характеризуется как популист и талантливый оратор, умело использующий современные технологии и религиозные взгляды своего электората для создания образа лидера, близкого народу и вместе с тем наделенного сверхъестественной харизмой. Авторы исследований об индийско-китайских отношениях прогнозируют, что в ближайшее время Индии не стоит опасаться Пакистана, который будет вынужден искать равновесия между США и КНР, но асимметричность в соперничестве Дели и Пекина может усилиться, и для КНР Индия так и останется «стратегическим соперником». БРИКС же в будущем пророчат трансформацию, результат которой во многом определит тот подход, который государства-члены изберут в отношении индийско-китайского пограничного конфликта, обострившегося в результате столкновения в долине реки Галван. Это событие оценивается как поворотная точка в отношениях двух государств, поскольку оно спровоцировало наращивание военной мощи и усиление враждебных настроений в обществе.

Список источников

1. Chaudhury, R. J. Modi's personal touch to diplomacy furthers Indian interests worldwide [Electronic resource] / R. J. Chaudhury // The Economic Times. – 26.04.2018. – Mode of access: <<https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/modis-personal-touch-to-diplomacy-furthers-indian-interests-worldwide/articleshow/63930507.cms>>. – Date of access: 28.01.2022.
2. Rej, A. How India Dealt with Donald Trump [Electronic resource] / A. Rej // The Diplomat. – 02.11.2020. – Mode of access: <<https://thediplomat.com/2020/11/how-india-dealt-with-donald-trump/>>. – Date of access: 28.01.2022.
3. Huju, K. How Modi is changing Indian diplomacy [Electronic resource] / K. Huju // International Affairs. – 29.04.2022. – Mode of access: <<https://medium.com/international-affairs-blog/how-modi-is-changing-indian-diplomacy-2ddec11204c3>>. – Date of access: 02.11.2022.
4. Huju, K. Saffronizing diplomacy: the Indian Foreign Service under Hindu nationalist rule / K. Huju // International Affairs. – 2022. – Vol. 98, N 2. – P. 423–441. (<https://doi.org/10.1093/ia/iiab220>)
5. Heng, M.-L. S. Diplomacy and Image-Building: India Rides on its Soft Power [Electronic resource] / S. M.-L. Heng // Observer Research Foundation. – 08.11.2016. – Mode of access: <<https://www.orfonline.org/research/diplomacy-and-image-building/>>. – Date of access: 28.01.2022.
6. Basnyat, B. Buddhism a point of power rivalry between India, China. The grand theatre is Nepal [Electronic resource] / B. Basnyat // The Print. – 16.06.2022. – Mode of access: <<https://theprint.in/opinion/buddhism-a-point-of-power-rivalry-between-india-china-the-grand-theatre-is-nepal/997567/?fbclid=IwAR2Ek93t4sXQUiCvbe4W8YXX8HQqneP9y0RqqtDyOKtpfARrl7QpkXkZ-gY>>. – Date of access: 28.01.2022.
7. India-China Competition: Perspectives from the Neighbourhood: special report [Electronic resource] / ed by. A. G. Shivamurthy // Observer Research Foundation. – 16.08.2022. – Mode of access: <<https://www.orfonline.org/research/india-china-competition/>>. – Date of access: 12.12.2022.

8. Singh, A. K. India-China Rivalry: Asymmetric No Longer An Assessment of China's Evolving Perceptions of India [Electronic resource] / A. K. Singh // Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses. – Mode of access: <<https://www.idsa.in/system/files/book/india-china-rivalry-aksingh.pdf>>. – Date of access: 12.12.2022.

9. Papa, M. Scenarios for BRICS Evolution in Light of the India – China Conflict [Electronic resource] / M. Papa, R. Verma // Global Policy. – 2021. – Vol. 12, N 4. – P. 539–544.

10. Jaishankar, D. The Evolution of the India-China boundary dispute [Electronic resource] / D. Jaishankar // Observer Research Foundation. – 29.06.2020. – Mode of access: <<https://www.orfonline.org/research/the-evolution-of-the-india-china-boundary-dispute-68677/>>. – Date of access: 12.12.2022.

*Научный руководитель – доктор исторических наук, доцент
С. Ф. Свилац*

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1989–2022 гг. В КИТАЙСКОЙ, ЯПОНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ли Гоцин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, liquoqing522@gmail.com*

Представлен обзор научных исследований по проблеме китайско-японских отношений 1989–2022 гг. На основе анализа работ китайских, японских и российских авторов делается вывод о степени изученности вопросов взаимодействия КНР и Японии в конце XX – начале XXI в. китайскими, российскими и японскими исследователями. Рассматривая двустороннее сотрудничество, они указывают на его расширение, при этом обращают внимание, что в новом столетии стали появляться разногласия.

Ключевые слова: китайско-японские отношения; историография; конфликт.

REVIEW OF THE PROBLEMS OF SINO-JAPANESE RELATIONS IN 1989–2022 IN CHINESE, JAPANESE AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Li Guoqing

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, liquoqing522@gmail.com*

The review of scientific research on the problem of Sino-Japanese relations in 1989–2022 is presented. On the basis of the analysis of the work of Chinese, Japanese and Russian scien the conclusion is made about the state of study of this topic in the scientific literature: the issues of interaction between China and Japan in the late XX – early XXI century by Chinese, Russian and Japanese authors. Considering the bilateral cooperation, they point to the expansion, while paying attention to the fact that disagreements began to appear in the new century.

Keywords: Sino-Japanese relations; historiography; conflict.

Китайско-японские отношения 1989–2022 гг. – актуальная тема, которая нашла отражение в работах китайских, японских и российских авторов. Целью данной статьи является анализ научных работ в аспекте китайско-японских отношений. Всю имеющуюся на сегодняшний момент литературу можно разделить на несколько категорий.

К первой категории относится литература, опубликованная на китайском языке. Так, в работе Ли Дань говорится, что в последние годы

китайско-японские отношения были напряженными, обмена на высшем уровне были практически полностью прерваны, взаимная благожелательность народов двух стран исчезла. Автор приходит к выводу, что сложившаяся ситуация не отвечает интересам обеих сторон, что улучшение китайско-японских отношений является важной частью стратегии Китая по построению гармоничного мира и соседства, проверяет способности китайской дипломатии. По его мнению, поддержание «экономического накала» представляет материальную основу для развития китайско-японских отношений, а неправительственные культурные обмены являются той эмоциональной связью, которая укрепляет отношения между двумя странами. Использование преимуществ отношений между крупными державами – стратегический ключ к избавлению от пассивной ситуации с Японией [1].

Чжао Синь анализирует развитие и изменения китайско-японских отношений от Коидзуми до Фукуда Ясуо, механизм и последствия ложного восприятия, вызванного упорным посещением Коидзуми храма Ясукуни, а также психологическое взаимодействие, вызванное установлением китайско-японских стратегических отношений взаимной выгоды. Автор констатирует, что споры между Китаем и Японией – не просто отдельные инциденты. Обе стороны должны искать «третий путь», способствовать принятию китайско-японских стратегических решений нового типа, отвечающих требованиям времени, регулировать конфликты в целях поиска решений на более высоком уровне. Китай и Япония должны научиться рассматривать проблемы с точки зрения их решения, а не конкуренции, не пытаться занять доминирующее положение, а работать вместе для защиты общих интересов [2].

Особенности китайско-японских отношений в период XX в. – конец 2010-х гг. раскрываются в монографии Санг Бина. Автор обращает внимание на то, что после оживления отношений в 2017 г. Китай и Япония осуществили ряд проектов в области экономического и торгового сотрудничества, научно-технических и культурных обменов, инвестиционно-банковских и иных стратегий. В 2019 г. китайско-японские отношения стали еще более тесными, что поспособствовало разработке новых концепций их развития. Автор считает, что Китай и Япония осознали важность общих интересов и с учетом этого способны пересмотреть основные направления двустороннего сотрудничества. Однако воздействие ряда факторов лишает дальнейшее развитие отношений определенности [3].

Фундаментальный обзор и анализ концепции и объективных условий для формирования китайско-японских отношений, а также прогнозы будущих отношений между двумя странами в XXI в. представлены в монографии Лю Хуна. Автор оценивает итоги взаимодействия между Китаем и Японией по следующим пяти аспектам: отношения между лидерами двух стран, международная обстановка (в основном влияние США),

политика сменявших друг друга японских правительств в отношении Китая, позиция японских оппозиционных партий, торгово-экономические отношения между Китаем и Японией, гуманитарные контакты, переговорный процесс по нормализации отношений. Эти пять аспектов соответствуют пяти основным системам суждений, которые влияют на развитие китайско-японских отношений: детерминизм лидера, детерминизм международной среды, детерминизм политики между двумя странами, детерминизм народной дипломатии и детерминизм принципиальных вопросов. В итоге автор делает вывод о наличии расхождений между двумя сторонами по вопросам исторической политики и тайваньской проблеме. Вместе с тем Лю Хун считает, что состояние экономических отношений между двумя странами дает основание для оптимистического прогноза относительно перспектив их развития [4].

В монографии Лю Цзе проблематика китайско-японских отношений рассматривается в контексте политики реформ и открытости Китая. Как и другие китайские авторы, Лю Цзе исходит из возможности и необходимости сохранения прагматичных и взаимовыгодных отношений между Китаем и Японией, несмотря на наличие ряда проблем [5].

Следующая категория литературы о китайско-японских отношениях – это научные источники, опубликованные на русском языке, среди которых выделяются труды российских авторов.

Одной из наиболее полных работ, освещающих отношения Китая и Японии, является монография А. В. Семина. Автор подробно анализирует динамику, тенденции и проблемы их взаимодействия, а также факторы, влияющие на японо-китайские отношения, особенно быстрый рост китайской экономики. Книга состоит из пяти глав. В первой главе рассматривается развитие японо-китайского экономического партнерства с упором на революционные изменения, последовавшие за успешными экономическими реформами Китайской Народной Республики. Процесс политического диалога между Токио и Пекином, а также проблемы, существующие в двусторонних отношениях, анализируются во второй главе книги. В третьей главе представлен дополнительный анализ влияния американского фактора на политику Японии и Китая. Смена лидеров в Восточной Азии обсуждается в четвертой главе. Пятая глава посвящена современным тенденциям геополитической ситуации и отношений в треугольнике «Япония – Китай – США», а также интересам России в регионе [6].

По мнению автора, в 1991–2007 гг. в отношениях Японии с Китаем произошел перелом, связанный с ростом китайской экономики. В 1990-х гг. Япония вошла в число крупных внешнеторговых партнеров и финансовых доноров Китая, что благоприятно отразилось и на ее экономике. Однако в 2001 г. произошел первый японо-китайский торговый конфликт, поскольку Япония стала опасаться экономического

роста Китая. Нестабильность охватила и иные сферы двустороннего сотрудничества, в первую очередь политическую. После 2001 г. японо-китайский диалог прервался и возобновился только в 2006 г. Сдерживающее воздействие на китайско-японские отношения оказывал и фактор военно-политического сотрудничества Японии с США [6, с. 197–198].

В 2011 г. Б. Видмарович защитил диссертацию, в которой, признавая наличие ряда противоречий в китайско-японских отношениях, пришел к выводу, что обе стороны, в особенности Япония, должны придерживаться принципиального консенсуса: идти навстречу друг другу, работать вместе и продвигать двусторонние отношения, чтобы снова встать на путь мирного развития и взаимовыгодного сотрудничества [7].

Будущее китайско-японских отношений в усиливающемся взаимодействии двух стран, их соработности и расширении глобального «совместного влияния» позволяет увидеть монография В. В. Михеева. Данная публикация включает три части: методологическую, аналитическую и прогнозную. В первой части автор излагает свою концепцию в рамках избранной проблематики. Китайско-японские отношения в исторической ретроспективе анализируются во второй части. Третья часть содержит прогноз относительно перспектив отношений двух стран. Автор считает, что Япония является экономическим центром мира и близким соседом Китая. Китай и Япония – крупные азиатские страны, и их отношения являются одними из самых важных двусторонних отношений в мире. Китайско-японские отношения влияют на стабильность не только в Азии, но и во всем мире. Древняя Япония долгое время считала Китай своим учителем. После политических, военных и социально-экономических реформ в Японии 1868–1889 гг. страна окрепла и неоднократно вторглась в Китай, что принесло китайскому народу много бедствий. Правые силы в современной Японии не только не хотят каяться, но и всячески пытаются скрыть преступления японской агрессии и изменить представление о войне против Китая, бросив тень на отношения двух стран. Только при правильном управлении китайско-японскими отношениями можно эффективно защитить интересы государств [8].

Российская историография включает множество публикаций, в которых изучаются проблемы взаимодействия Китая и Японии. Так, весьма информативной является статья М. И. Селиверстовой. Автор раскрывает развитие позиции Китая в отношении основных направлений двустороннего сотрудничества с Японией в течение 30 лет, прошедших с момента нормализации двусторонних отношений [9]. М. И. Селиверстова выделяет три этапа в развитии китайско-японских отношений. Первый этап охватывает период от нормализации дипломатических отношений до подписания китайско-японского договора о мире и дружбе в 1978 г., положившего начало формированию политико-правовой базы двустороннего сотрудничества. Второй этап начинается с 1978 г. и длится

до середины 1990-х гг. В это время китайско-японские отношения достигли значительного прогресса. Всесторонне развивались направления политики, экономики, культуры и кадровых обменов. Третий этап завершается в 2000-х гг. После 1990-х гг. во внутреннем развитии и внешнем окружении Китая и Японии произошли серьезные изменения: с распадом Советского Союза они утратили общего стратегического соперника. Во внутривластной жизни Японии изменения были связаны с приходом к власти нового поколения политиков, у которых отсутствовало чувство «военной вины». С ростом японского национализма усилилось стремление укрепить политические позиции на международной арене. В свою очередь, китайская экономика продолжала наращивать темпы, став второй в мире, что изменило не только баланс сил между Китаем и Японией, но и традиционную модель развития в Восточноазиатском регионе. Как следствие, между Китаем и Японией, выступавших в качестве «двух центров силы» в Восточной Азии, стали возникать конфликты на почве усиливающейся конкуренции [9, с. 141]. Автор считает, что в перспективе отношения между Китаем и Японией будут развиваться в условиях противоречий и столкновений.

Взаимоотношения между КНР и Японией (с момента заявления об их нормализации до начала 2020-х гг.) рассматриваются в статье В. С. Соколова [10]. Автор считает, что отношения Китая и Японии обостряются в силу тесной связи Японии с США [10, с. 32].

Вывод, что развитие Китая и Японии неотделимо от стабильности китайско-японских отношений, делает в своей публикации О. В. Михалкина. Китай и Япония должны извлекать уроки из истории, ставить благополучие двух народов на первое место, проявлять осторожность и воздерживаться от импульсивности, а также улучшать и регулировать китайско-японские отношения в долгосрочной перспективе. Развитие Китая не только влияет на сложные и хрупкие китайско-японские отношения, но и изменяет региональные и мировые международные политические и экономические модели. Природно-географическое устройство Китая и Японии, разделенных полосой воды, реальность многолетней «политической холодности и горячей экономики», история взаимных обид, стремление двух народов к мирной и счастливой жизни требуют надлежащего урегулирования китайско-японских отношений. Вместе с тем автор считает, что политика КНР в отношении Японии будет сохранять неопределенность и в значительной мере зависеть от предпочтений руководителей двух стран [11, с. 65].

Третья категория литературы о китайско-японских отношениях – это труды японских авторов, переведенные на китайский язык. Японские академические круги всегда уделяли большое внимание китайско-японским отношениям. Особого внимания заслуживает работа профессора кафедры комплексных культурологических исследований Токийского

университета Лян Шаня. Рассматривая проблемы изменения японской политики в отношении Китая, автор отмечает, что спустя 40 лет с момента восстановления дипломатических отношений между Китаем и Японией возникло много новых проблем, а в 2010–2015 гг. они оказались в глубоком кризисе. Он считает, что у Японии и Китая есть много важных общих интересов и вопросов, которые необходимо решать совместно (экологические, проблемы средств к существованию, безопасности пищевых продуктов, социального старения и т. д.) [12].

Японскую позицию относительно Китая в контексте политики реформ и открытости излагает Аояма Чжиши. Он показывает предпосылки и важнейшие тенденции изменения позиции Китая, сравнивает различные взгляды на Китай в политических и экономических кругах Японии, анализирует причины этого и дает рекомендации для выстраивания японо-китайских отношений, чтобы придать им стабильность на длительный период [13].

В целом можно отметить, что о проблемах отношений КНР и Японии в 1989–2022 гг. написано большое количество аналитических работ. Китайские, российские и японские авторы проявляют интерес к различным аспектам китайско-японского взаимодействия, обращают внимание на связь между расширением двустороннего сотрудничества и политикой реформ и открытости Китая, указывают на взаимовыгодный характер сотрудничества. Вместе с тем они отмечают тот факт, что в XXI в. в китайско-японских отношениях стали четко проявляться разногласия.

Список источников

1. Ли, Дань. Причины влияния на китайско-японские отношения и пути улучшения китайско-японских отношений / Дань Ли // *Мировая экономика и политика*. – 2014. – № 1. – С. 3–5 (на кит. яз.).

2. Чжао, Синь. Сравнительное исследование китайско-японских отношений с точки зрения психологии международных отношений / Синь Чжао // *Мировая экономика и политика*. – 2004. – № 2. – С. 34–36 (на кит. яз.).

3. Санг, Бин. Обмен и конфронтация: история китайско-японских отношений в наше время / Бин Санг. – Гуйлинь : Изд-во Гуансийс. пед. ун-та, 2020. – 204 с. (на кит. яз.)

4. Лю, Хун. Новое исследование восстановления отношений Китая и Японии: режим Танака в Японии как центр принятия решений о восстановлении отношений с Китаем / Хун Лю. – Шанхай, 2011. – 274 с. (на кит. яз.).

5. Лю, Цзе. Историческое понимание оппозиции и сосуществования: 30 лет японо-китайских отношений / Цзе Лю. – Пекин : Изд-во лит. по соц. наукам, 2015. – 619 с. (на кит. яз.).

6. Семин, А. В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века) / А. В. Семин. – М. : Ин-т Дал. Востока РАН, 2008. – 280 с.

7. Видмарович, Б. Политико-исторические проблемы и противоречия в китайско-японских отношениях с 2001 по 2009 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Б. Видмарович. – М., 2011. – 222 л.

8. Михеев, В. В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире / В. В. Михеев. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. – 357 с.
9. Селиверстова, М. И. Эволюция взглядов лидеров КНР на взаимоотношения с Японией (1978–2008 гг.) / М. И. Селиверстова // Россия и АТР. – 2011. – № 3. – С. 132–141.
10. Соколов, В. С. Нестабильность как стабильный фактор в китайско-японских отношениях / В. С. Соколов // Актуал. проблемы соврем. междунар. отношений. – 2014. – № 4. – С. 29–33.
11. Михалкина, О. В. Современные тенденции геополитических противоречий в отношениях КНР и Японии / О. В. Михалкина // Политика, экономика и соц. сфера: проблемы взаимодействия. – 2016. – № 8. – С. 62–65.
12. Лян, Шань. Краткое обсуждение изучения современной политической истории Китая в японских академических кругах (2010–2015 гг.) / Шань Лян // Междунар. китаеведение. – 2019. – № 1. – С. 61–68 (на кит. яз.).
13. Аояма, Чжиши. Японский взгляд на Китай после реформ и открытости / Чжиши Аояма. – Нагоя : Изд-во Нагойс. ун-та, 2014. – 109 с. (на кит. яз.)

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
А. В. Тихомиров*

ПРОБЛЕМЫ В РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И ТУРЦИЕЙ В НАЧАЛЕ XXI в.

Люй Шуя

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 2601970210@qq.com*

Рассмотрены препятствия для расширения торгово-экономического, политического и гуманитарного сотрудничества между Китаем и Турцией. В качестве проблем, влияющих на развитие китайско-турецких отношений, выделены крайний национализм, региональная и внутрисоциальная ситуации в странах, а также барьеры для культурного обмена. Сделан вывод о негативном влиянии указанных проблем на построение стабильных и прочных межгосударственных отношений.

Ключевые слова: торговое сотрудничество; культурный обмен; пантуркизм; панисламизм; иностранные инвестиции.

PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF COOPERATION BETWEEN CHINA AND TURKEY AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Lyu Shuya

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, 2601970210@qq.com*

This article examines the obstacles to expanding trade, economic, political and humanitarian cooperation between China and Turkey. The author highlights extreme nationalism, examines the impact of regional and domestic situations in countries, and shows the barriers to cultural exchange. It is concluded that these difficulties have a negative impact on creating sustainable and strong inter-state relations.

Keywords: trade cooperation; cultural exchange; Pan-Turkism; Pan-Islamism; foreign investment.

Китай и Турция — государства, расположенные вдоль древнего Шелкового пути. С момента установления дипломатических отношений в 1971 г. двустороннее сотрудничество начало развиваться, и сегодня Китай является важным торговым партнером Турции, а Турция представляет для Китая геостратегический интерес в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» (Турция располагается в зоне центрального коридора, который должен связать Китай со странами Европы).

Во внешней политике Турции западное направление является одним из важнейших. Вступив в НАТО в 1970-х гг., страна неизбежно оказалась

под политическим влиянием Соединенных Штатов Америки. Растущая конкуренция между Китаем и США на Ближнем Востоке сказалась на состоянии торгово-экономического сотрудничества между двумя странами.

На протяжении долгого времени Турция придерживалась внешне-политического курса, ориентированного на Запад. Однако отклонение заявки на членство в ЕС привело к ухудшению отношений на политическом уровне между странами – членами интеграционного объединения и Турцией. Тем не менее между ними по-прежнему существует тесное сотрудничество.

Одним из направлений международного сотрудничества Турции является китайский вектор. Цель данной статьи – выделить сложности в сотрудничестве двух государств.

В 2013 г. китайский зенитный ракетный комплекс HQ-9 выиграл тендер на турецкий оборонный проект, но в конце 2015 г. был полностью отозван без официального объяснения причин, что доказывает уязвимость отношений в игре великих держав [1]. В 2018 г. взаимные санкции между Турцией и США привели к резкому охлаждению их отношений. Это вынудило Турцию сблизиться с Китаем как политически, так и экономически. Выделим проблемы, оказывающие влияние на развитие китайско-турецких отношений.

1. *Крайний национализм.* В силу исторических причин в Турции сильна религиозность, в которой преобладают пантюркизм и пан-исланизм. Для турецких верующих ислам является мировой религией, которая объединяет верующих со всего мира, независимо от расы и языка, как братьев и сестер и выступает за единство тюркоязычных народов в сообществе судьбы, где Турция играет ключевую роль [2]. Под влиянием пантюркизма и панисламизма некоторые турецкие экстремисты рассматривают уйгуров в Центральной Азии и Синьцзяне как часть сферы собственных интересов. Религиозный фактор является серьезной проблемой, которая может подорвать существующие политические и экономические отношения между Китаем и Турцией, поставить под угрозу стабильность в СУАР, негативно отразиться на развитии двух стран.

2. *Региональная структура* и внутренняя ситуация. Ситуация с безопасностью на границах Турции не внушает оптимизма из-за нестабильности в Ираке и Сирии. Деятельность запрещенной в Турции Рабочей партии Курдистана (РПК) оказывает значительное влияние на стабильность политической ситуации внутри Турции. Начало кризиса в Сирии способствовало продвижению вооруженной группировки РПК в сторону Южной Турции [3]. В то время как ИГИЛ присоединился к группе боевиков и вступил в вооруженный конфликт с Турцией, террористические атаки представляют серьезную угрозу для национальной безопасности страны [4]. Война привела к массовому притоку беженцев из южных регионов в Турцию, что стало огромным бременем для страны в плане

безопасности и для социально-экономической сферы. Сложная религиозная ситуация в Турции также является фактором внутренней нестабильности. Сочетание этих проблем представляет собой серьезное испытание для безопасности страны.

В 2015 г. были проведены антикитайские демонстрации, подстрекаемые террористическими силами Восточного Туркестана, что оказало огромное негативное влияние на безопасность китайского персонала в Турции. В результате китайско-турецкое сотрудничество в торгово-экономической сфере оказалось на низком уровне развития [5; 6]. Однако в 2016 г. антикитайские настроения стали сдерживаться турецким правительством, чтобы предотвратить уход китайских компаний из страны и не допустить резкого снижения объемов двусторонней торговли.

Многие прямые инвестиции из Китая пришлось приостановить из-за проблем с безопасностью, что препятствовало устойчивому сотрудничеству между двумя странами.

3. *Барьеры для культурного обмена.* Турция и Китай имеют древние исторические и культурные традиции, но культурные обмены между двумя странами не продвинулись далеко из-за географической удаленности в древности и политических факторов в настоящее время. В XIX–XX вв. турки, приехавшие в Китай, не оценили по достоинству страну из-за низкого уровня ее развития. Соответственно, между Китаем и Турцией практически не было культурного обмена. С точки зрения языкового фактора, китайский и турецкий языки не используются широко, и в изучении языка и культуры обоих акторов недостаточно высококвалифицированных кадров. Большая часть информации о Китае в Турции поступает с Запада, поэтому в ее понимании может быть много предубеждений относительно КНР. Согласно американским опросам общественного мнения, впечатление Турции от Китая даже хуже, чем от Индии [7]. У китайцев также сложилось относительно неблагоприятное впечатление о Турции. Согласно опросу, проведенному China Global в июле 2015 г., более половины китайских интернет-пользователей негативно относятся к Турции [8]. Широкая общественность в Турции мало знает об инициативе «Один пояс, один путь», и их взгляды в основном сосредоточены на «уйгурском вопросе». Кроме того, турки негативно относятся к политической системе Китая. Это когнитивное предубеждение серьезно препятствует культурным обменам между двумя странами и способно поставить под угрозу устойчивое развитие экономического и торгового сотрудничества между двумя странами.

В целом в развитии китайско-турецких отношений существуют следующие проблемы: этнические и религиозные аспекты, терроризм, игры великих держав, а также барьеры для культурного обмена. Обозначенные вопросы негативно отражаются на развитии торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Турцией и, соответственно, осложняют выстраивание стабильных и прочных отношений между странами.

Список источников

1. Турецкие эксперты объясняют, почему тендер выиграл ЗРК HQ-9 [Электронный ресурс] // Наблюдатель. – 06.10.2013. – Режим доступа: <https://www.guancha.cn/militaryaffairs/2013_10_06_176580.shtml>. – Дата доступа: 20.11.2022 (на кит. яз.).
2. Чжан, Юянь. Зарождение и развитие пантюркизма в Турции / Юянь Чжан // Междунар. полит. исслед. – 2019. – № 5 (на кит. яз.).
3. Чжун, Дунцяо. Анализ курдского вопроса и его влияние на отношения между Турцией и Сирией / Дунцяо Чжун // Исслед. междунар. отношений. – 2016. – № 3 (на кит. яз.).
4. 41 человек погиб, 239 ранены в результате теракта в турецком аэропорту [Электронный ресурс] // Новости BBC. – 28.06.2016. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world/2016/06/160628_istanbul_explosions>. – Дата доступа: 19.11.2022 (на кит. яз.).
5. За антикитайскими демонстрациями в Турции [Электронный ресурс] // Синьхуа. – 06.07.2015. – Режим доступа: <https://www.xinhuanet.com/world/2015-07/06/c_127989266.htm>. – Дата доступа: 19.11.2022 (на кит. яз.).
6. Инцидент «7.5» Министр промышленности Турции бойкотировал китайские товары [Электронный ресурс] // Новости Китая. – 15.07.2009. – Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/gj/gj-gjzj/news/2009/07-15/1776204.shtml>>. – Дата доступа: 19.11.2022 (на кит. яз.).
7. Глобальный опрос: международный имидж Китая падает [Электронный ресурс] // Новости BBC. – 06.07.2017. – Режим доступа: <<https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-40522666>>. – Дата доступа: 19.11.2022 (на кит. яз.).
8. Глобальный опрос общественного мнения в Китае [Электронный ресурс] // Китайская молодежь : новостной канал. – 21.07.2015. – Режим доступа: <http://news.youth.cn/wztt/201506/t20150629_6801837.htm>. – Дата доступа: 19.11.2022 (на кит. яз.).

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
О. П. Рубо*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В РЕГИОНЕ ЧЕРНОГО МОРЯ: ОБЗОР РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. А. Подгорный

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
dimas.podgorny@gmail.com*

Проанализирована русскоязычная историография внешнеполитической деятельности Китайской Народной Республики в регионе Черного моря. Подчеркнуто стремление исследователей комплексно и объективно отражать ситуацию, их интерес к целям, задачам и методам осуществления внешней политики Китая в регионе Черного моря, в особенности в рамках реализации глобальной экономической инициативы Пекина «Один пояс, один путь». Отдельное внимание уделено двусторонним отношениям Китая и Турции – развивающегося регионального лидера и ключевого партнера КНР в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика; историография; Китайская Народная Республика; Черноморский регион; Турецкая Республика; инициатива «Один пояс, один путь».

FOREIGN POLICY OF CHINA IN THE BLACK SEA REGION IN RUSSIAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

Dmitrii Podgorny

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
dimas.podgorny@gmail.com*

This article is dedicated to the attempt of analysis of Russian-language historiography of foreign policy activity of the People's Republic of China in the Black Sea region. The author underlines that researchers' effort to reflect the situation objectively and in a complex way puts aims, purposes, and methods of conduct of China's foreign policy in a spotlight, especially within the framework realisation of the global economic Belt and Road initiative. Particular attention is dedicated to bilateral relations of China and Turkey as a developing regional leader and China's key-partner in the region. Author estimates that Russian-language historiography of Chinese foreign policy in the region of the Black Sea is quite sufficient for the researches of some aspects, but still requires further development and adaptation.

Keywords: foreign policy; historiography; People's Republic of China; Black Sea region; Turkey; Belt and Road initiative.

Внешняя политика Китайской Народной Республики в регионе Черного моря является одним из компонентов в реализации глобальной экономической инициативы «Один пояс, один путь», включающей в себя сухопутную составляющую «Экономический пояс Шелкового пути» и логистический комплекс «Морской шелковый путь XXI века». Регион Черного моря занимает ключевое место сразу в обеих составляющих за счет сопряженности бассейнов Черного и Средиземного морей, а также сухопутного пути через Босфор из Азии в Европу, который является одним из трех коридоров, так называемым центральным, и в современных условиях выглядит как гораздо более стабильный логистический путь из Китая в Европу по сравнению с северным коридором, проходящим через территорию Российской Федерации.

Тема инициативы «Один пояс, один путь» в регионе Черного моря в русскоязычной историографии является достаточно разработанной, однако далеко не во всех аспектах. По мнению автора, особое внимание следует уделить изучению историографии китайско-турецких отношений и анализу возрастающей мощи двух государств, учету геоэкономического и исторического аспектов. Особый интерес китайского руководства к сотрудничеству с Республикой Турция обусловлен, бесспорно, трансконтинентальным положением Турции – страны, соединяющей Европу и Азию. Она не могла не стать исключительно важным направлением развития внешней политики и внешнеэкономической деятельности Китайской Народной Республики, поставившей амбициозные задачи по закреплению на рынках Европейского союза.

Цель статьи – анализ историографии внешней политики КНР в регионе Черного моря и сопряженных регионах. Рассматриваемая в данной статье часть историографии преимущественно объединена общим либо смежным предметным полем, включающим главным образом китайско-турецкое взаимодействие непосредственно в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь», а также сопутствующие вопросы двусторонней повестки, актуальные проблемы в отношениях Пекина и Анкары. В приведенных далее работах часто затрагиваются и иные направления внешней политики КНР в регионе Черного и Средиземного морей и Ближнего Востока, а турецкий вектор – лишь один из рассматриваемых сюжетов. Анализируемые в статье источники распределены по профильным подгруппам. Первая из них, «Китай – Турция», включает шесть работ.

Вопрос китайско-турецких отношений (в частности, в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь») рассматривает И. И. Арсентьева. Кроме того, она анализирует общие тенденции политики Пекина в отношении стран Ближнего Востока, Турецкой Республики и Исламской Республики Иран [1].

Публикация А. А. Флегентовой и названием, и характером изложенного материала напоминает рассмотренную ранее статью. Автор проводит детальный анализ эволюции активности Китая на Ближнем Востоке, в частности китайско-турецких отношений. Отмечен и ряд характерных изменений в динамике отношений Китайской Народной Республики и Республики Турция с момента начала совместной подготовки и реализации инициативы «Один пояс, один путь». При рассмотрении торгово-экономического аспекта среднего коридора исследователем зафиксирован существенный рост практически всех показателей. Вероятность ухудшения китайско-турецких отношений, по оценке А. А. Флегентовой, остается невысокой ввиду исключительной их перспективности [2].

Общий, не целиком сфокусированный на инициативе «Один пояс, один путь» анализ отношений Пекина и Анкары представлен в статье А. О. Виноградова и С. А. Муминовой. Бесспорным преимуществом указанного труда является детальная обработка существенных по объему данных, что позволило представить политическое и торгово-экономическое взаимодействие в виде таблиц и одной диаграммы. Особого внимания заслуживают обширные хронологические рамки – проработка отдельных аспектов простирается на отрезок в более чем 20 лет. Внимание, помимо этого, уделено и анализу многоаспектного комплекса интересов Китая и Турции. В частности, затрагиваются вопросы Сирии, положения курдского народа. Исследователи высказали свою гипотезу о возможных выгодах для Китая в случае образования государства курдов, однако не осмелились сделать какой-либо прогноз, что можно расценивать лишь как признание крайне невысокой вероятности развития такого сценария на Ближнем Востоке, во всяком случае в краткосрочной и среднесрочной перспективах [3].

Комплексный анализ современных китайско-турецких отношений осуществлен И. А. Свистуновой. Рассматривая взаимодействие Китая и Турции в области инвестиций и торговли, автор подчеркивает, что наряду с ростом чисто статистических показателей идет процесс диверсификации. Особое внимание уделено уйгурскому вопросу как фактору, влияющему на китайско-турецкую повестку, при этом подчеркивается, что обе стороны пытаются найти компромиссное решение, которое позволило бы не терять динамики во взаимодействии. Не обойден стороной и вопрос Тайваня: Тайбэй и Анкара на протяжении долгих лет (даже после того, как Турция признала Китай субъектом международных отношений) продолжают выстраивать довольно успешные экономические отношения, а также искать приемлемые решения в визовых и логистических вопросах, что не устраивает Пекин. В работе содержится также анализ потенциальных проблем и возможностей в сотрудничестве двух государств [4].

Несмотря на то что автор данной статьи включил в первую группу историографических источников шесть наименований, логично приступить к анализу второй группы материалов, чтобы потом вернуться к тем источникам из первой группы, которые в некотором смысле являются симбиозом уже представленных и предлагаемых к рассмотрению в данной части статьи.

Группа научных публикаций об усилиях Пекина по развитию китайской инициативы состоит также из шести работ, среди которых четыре статьи выявлены в периодических изданиях, а две – в материалах научно-практических конференций. Статья И. Е. Денисова является самой тематически широкой из приведенных далее и охватывает значительный временной промежуток: соотносит современную китайскую внешнюю политику с шагами Дэн Сяопина в 1980-е гг. Автор не ограничивается констатацией роли Китая в современном мире, а старается дать объяснение его стремительного развития, что позволило одной из относительно не выделяющихся с экономической точки зрения стран Азии прийти к позиционированию себя как мирового лидера, и делать это, четко представляя основные категории китайской политической философии [5].

Мотивацию Китайской Народной Республики в создании масштабных транспортно-логистических объектов практически по всей Евразии рассматривает А. О. Пименова. Автор комплексно анализирует инициативу «Один пояс, один путь», затрагивая ее сухопутные и морские составляющие. Она рассматривает конкретные маршруты и выделяет преимущества и недостатки, влияние данного проекта на экономический суверенитет государств-участников [6].

Схожий посыл имеет и работа С. С. Жильцова, трактующего инициативу «Один пояс, один путь» как инструмент закрепления Китая в качестве ведущей державы мира, установления его экономического контроля над обширными пространствами [7].

Иной аспект развития инициативы рассматривает О. П. Рубо. Кратко, но аргументированно она характеризует общее положение дел, в том числе договорно-правовую базу развития проекта «Один пояс, один путь», выделяет основные площадки, способствующие сопряжению европейских и китайских интересов в реализации инициативы [8].

Материалы, представленные на научно-практических конференциях, с историографической точки зрения играют столь же важную роль. Обратим внимание на две работы – Го Цзиньлуна и Ю. А. Щербанина. Го Цзиньлунь обосновал тезис, что «Один пояс, один путь» является не только инициативой, но и стратегией КНР, рассчитанной на долгие годы, а также составляющей концепции возрождения китайской нации [9]. Внимание Ю. А. Щербанина в большей степени направлено на рассмотрение целей и задач непосредственно «Экономического пояса

Шелкового пути», т. е. сухопутной составляющей инициативы. Он подчеркивает особое значение возможных перспектив для России в контексте развития китайских интересов в Евразии [10].

Из ранее рассматриваемой группы историографических источников выделим те из них, что и сфокусированы на китайско-турецких отношениях в контексте развития инициативы «Один пояс, один путь». В статье Г. Н. Валиахметовой и М. А. Германа определенные авторами хронологические рамки способствуют комплексному пониманию ситуации и четко характеризуют проблематику вопроса, обрисовывая положение двух стран до объявления о старте инициативы, а также в самом ее начале. Выделены пересекающиеся интересы Турции и Китая на начальном этапе проработки проекта «Один пояс, один путь», ведь Анкара параллельно вела подготовку собственного проекта, схожего по целям и задачам с китайским. В статье дана четкая периодизация развития инициативы в китайско-турецких отношениях [11].

Исследование Тао Цзинхуна и В. А. Кузьмина также посвящено рассмотрению взаимодействия Китая и Турции в схожее время, однако структурировано не по хронологическому принципу, а по задачам и целям, областям взаимодействия в рамках инициативы, а также сложностям и препятствиям, которые встречаются в ходе реализации подобных проектов. В статье подчеркивается исключительность географического положения Турецкой Республики, а также историческая подоплека современного крайне динамичного взаимодействия Китая и Турции [12].

Публикация А. А. Ирхина и О. А. Москаленко является во многом фундаментальной. Она раскрывает тематику китайских интересов и целей в регионе Черного моря. Авторы определяют регион как область столкновения интересов крупных держав, представляют его в нескольких геополитических трактовках: от узкого понимания – как зоны семи прибрежных государств – до самого широкого – так называемого «нервного узла Большого Средиземноморья». В статье не учитывается роль Китая в регионе, несмотря на заметный рост его влияния [13].

Автор осуществил анализ лишь небольшой выборки историографии, изданной на русском языке. Источники, посвященные китайской внешней политике в регионе Черного моря, представлены куда более широким спектром тем. Русскоязычная историография в целом отвечает на многочисленные вопросы и раскрывает проблематику присутствия Китая в регионе Черного моря, в частности в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Вместе с тем очевидны определенные пробелы, что в целом можно объяснить сравнительно недолгим промежутком времени, в рамках которого произошла заметная активизация КНР в Черноморском регионе.

Список источников

1. Арсентьева, И. И. Ближневосточный вектор внешней политики КНР / И. И. Арсентьева // Актуал. проблемы соврем. междунар. отношений. – 2015. – № 6. – С. 30–38.
2. Флегентова, А. А. Ближневосточный вектор внешней политики КНР (на примере китайско-турецких отношений) / А. А. Флегентова // Актуал. проблемы соврем. междунар. отношений. – 2017. – № 9. – С. 137–142.
3. Виноградов, А. О. Китайско-турецкие отношения: современный этап / А. О. Виноградов, С. А. Муминова // Китай в мировой и регион. политике. История и современность. – 2021. – № 26. – С. 200–226. (<https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-200-226>)
4. Свистунова, И. А. Развитие современных Турецко-китайских отношений: перспективы и сложности сотрудничества / И. А. Свистунова // Восточ. аналитика. – 2020. – № 4. – С. 63–79. (<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-063-079>)
5. Денисов, И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: Преемственность и новаторство / И. Е. Денисов // Контуры глобал. трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 5. – С. 83–98. (<https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98>)
6. Пименова, А. О. «Один пояс – Один путь» как глобальный экономический проект Китая [Электронный ресурс] / А. О. Пименова // Концепт. – 2020. – № 5. – С. 209–215. (<http://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-13011>)
7. Жильцов, С. С. Инициатива «Один пояс – Один путь»: Движение Китая к мировому лидерству / С. С. Жильцов // Вестн. Дипломат. акад. МИД России. Россия и мир. – 2019. – № 4 (22). – С. 196–202.
8. Рубо, О. П. Роль инициативы «Один пояс – Один путь» в отношениях Европейского Союза с Китаем / О. П. Рубо // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 247–248.
9. Го, Цзиньлун. Проект «Один пояс, один путь»: инициатива или стратегия? / Цзиньлун Го // Беларусь в современном мире : материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. – Минск : БГУ, 2018. – С. 24–25.
10. Щербанин, Ю. А. Азия – Европа: Товародвижение и транспортные сухопутные коммуникации в контексте китайской инициативы «Один пояс, один путь» / Ю. А. Щербанин // Conferința «Dezvoltarea relațiilor comerciale din perspectiva integrării economice a Republicii Moldova în circuitul economic internațional», Chișinău, 21–22 sept. 2017. – Chișinău, 2017. – P. 82–83.
11. Валиахметова, Г. Н. Особенности интеграции Турции в китайскую инициативу «Один пояс – один путь» / Г. Н. Валиахметова, М. А. Герман // Науч. диалог. – 2020. – № 2. – С. 322–332. (<https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-322-332>)
12. Тао, Цзихун. Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Цзихун Тао, В. А. Кузьмин // Науч. диалог. – 2021. – № 3. – С. 438–451.
13. Ирхин, А. А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав 1991-2019 / А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 498–516. (<https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>)

*Научный руководитель – доктор исторических наук, доцент
С. Ф. Свилас*

КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

Со Мэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, fmo.soM@bsu.by*

Представлен обзор научных исследований по проблеме китайско-белорусского культурного сотрудничества. Проанализированы работы данного направления начала XXI в. Особое внимание уделено современной белорусской историографии. Подчеркнута необходимость глубокого изучения культурных связей двух стран и их значение в формировании дальнейшего сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Отмечено увеличение числа научных публикаций по вопросам китайско-белорусских культурных связей в последнее время, в частности белорусских авторов.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь»; культура; историография.

HISTORIOGRAPHY OF CHINESE-BELARUSIAN CULTURAL TIES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Suo Meng

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, fmo.soM@bsu.by*

The article presents an overview of scientific research on Chinese-Belarusian cultural cooperation, systematising and analysing the whole range of works in this field from the beginning of the 21st century. Special attention is paid to the modern Belarusian historiography. The article emphasises the necessity of an in-depth study of the cultural ties between the two countries and their significance in shaping further cooperation within the framework of the Belt and Road initiative. The author concludes that the number of scientific publications on Chinese-Belarusian cultural relations has recently increased and pays attention to the papers by Belarusian authors.

Keywords: Belt and Road initiative; culture; historiography.

Международное сотрудничество Китайской Народной Республики в сфере культуры – одно из важных направлений государственной политики и неизбежное требование развития экономической глобализации. Культурная дипломатия является серьезной опорой современной внешней политики государства. Ряд мер, предпринятых Китаем для усиления своей дипломатической «мягкой силы», включая создание институтов Конфуция по всему миру, направлены на укрепление гармоничных

и дружественных отношений с зарубежными странами и улучшение восприятия Китая международным сообществом. В то же время в последние годы стратегия «мягкой силы» центрального правительства КНР все больше привлекает внимание международного сообщества.

По мере экономического подъема Китая его лидеры стали осознавать важность «мягкой силы». В конце 2000-х гг. Всекитайское собрание народных представителей и высшее руководство Коммунистической партии Китая начали подчеркивать важность культурной дипломатии как средства содействия распространению китайской культуры за рубежом и усиления «мягкой силы» страны. В 2013 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая объявил, что деятельность публичной дипломатии должна возглавляться правительством и осуществляться на основе рыночных принципов. Она должна включать уважение и признание традиционных особенностей стран мира. После выдвижения Си Цзиньпином инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г., китайская культурная дипломатия стала более энергичной, а партнерские отношения продемонстрировали значительные изменения с точки зрения количества, качества и регионального распространения.

Дипломатические отношения между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь официально были установлены 20 января 1992 г. и продолжают активно развиваться сегодня. В начале XXI в. стратегическое партнерство в области экономики, политики, гуманитарных наук и культуры вышло на новый уровень. В настоящее время Китай и Беларусь установили стабильные и доброжелательные дипломатические отношения и являются стратегическими партнерами. Культурная дипломатия также стала важным направлением сотрудничества двух стран. Включение Республики Беларусь в реализацию инициативы «Один пояс, один путь» сделало отношения между странами еще крепче.

Следует отметить, что за сравнительно небольшой промежуток времени было опубликовано значительное количество научных работ по проблеме китайско-белорусских культурных связей. Большая часть этого объема представлена работами белорусских исследователей. Анализ историографии по данной теме стоит начать с научной работы И. В. Казаковой, где проведено сравнительное исследование белорусской и китайской культур, а также рассматривается влияние двух культур друг на друга [1]. Монография В. М. Мацеля посвящена истокам развития сотрудничества в сфере культуры между Беларусью и Китаем в рамках стратегического партнерства [2].

По мнению китайских ученых Ву Ронглань и Чжан Цин, основные моменты нынешнего китайско-белорусского культурного обмена и сотрудничества – это культурные центры и дни культуры как бренды, туризм и спорт как новые прорывы, международное обучение китайскому языку и распространение культуры. Основной проблемой, существую-

щей в культурных обменах и сотрудничестве между Китаем и Беларусью, является разница в культурных ценностях китайской и белорусской молодежи, а также относительно низкий уровень преподавания китайского языка в Беларуси [3].

Институт Конфуция в Республике Беларусь как образовательное учреждение обеспечивает гуманитарную поддержку реализации инициативы «Один пояс, один путь». Более того, данная инициатива содействует обучению белорусскому языку и исследованию Беларуси в Китае, что заложило прочную основу для долгосрочного культурно-образовательного диалога между двумя странами. Этому факту посвящена статья Чжан Хунчао [4].

В работе В. И. Прокопцова рассказывается о многолетнем взаимодействии коллег из Китая с Национальным художественным музеем Республики Беларусь и Белорусской конфедерацией творческих союзов. В рамках белорусско-китайского культурного сотрудничества в 2015–2018 гг. прошел ряд мероприятий. Продолжение реализации подобных проектов в рамках концепции «Один пояс, один путь» стало одним из главных приоритетов [5].

Ян Синцзюань в своей статье показывает текущую ситуацию сотрудничества в сфере высшего образования и публичной дипломатии, а также изучает отношения между ними [6]. Сунь Инцзе исследует развитие отношений Китайской Народной Республики и Республики Беларусь в культурной сфере с 1992 по 2018 г. Автор выделяет несколько периодов развития указанных отношений двух стран. Также показано, как складывалась нормативно-правовая база в каждом периоде, раскрыты основные направления сотрудничества. Автор приходит к выводу, что решающим фактором в становлении нормативной правовой базы, влияющей на сотрудничество между странами, выступают диалоги на высшем уровне. Встречи глав государств становятся триггером к проведению крупномасштабных мероприятий и влияют на укрепление международных культурных связей [7].

В работе Чао Чжэна охарактеризованы исследования в области культурного сотрудничества и обменов между Китаем и Беларусью в контексте инициативы «Один пояс, один путь». Культурные центры, учреждения культуры и институты Конфуция рассматриваются как три важных канала распространения национальной культуры. Состояние развития культурного обмена и сотрудничества между двумя государствами влияет на возникновение определенных проблем: трудности в понимании и признании культуры другой страны из-за различий в языке и ценностях, недостаточная глубина и широта общения и «неадекватные» способы распространения культуры. Предлагается стратегия развития культурного обмена и сотрудничества между двумя государствами [8].

И. А. Чувилов делает предположение о том, что Белорусская государственная академия искусств имеет достаточный потенциал для того, чтобы стать опорой, плацдармом для реализации Китаем инициативы «Один пояс, один путь» в сфере искусства, культуры и образования [9].

В своей работе Т. Н. Бабич раскрывает основные аспекты развития китайско-белорусских отношений в сфере культуры и искусства, актуализируется проект «Один пояс, один путь» как новую модель сотрудничества КНР и Республики Беларусь в XXI в. [10].

Ли Вэйвэй рассматривает особенности взаимоотношений в области культуры между Китаем и Беларусью в контексте проекта Шелкового пути, а также раскрывает их направления сотрудничества. Автор делает вывод о том, что Беларусь играет важную роль в осуществлении концепции «Один пояс, один путь», и предлагает дальнейшие векторы развития [11].

Таким образом, можно констатировать, что по проблеме китайско-белорусских культурных связей за последнее время было опубликовано значительное количество работ. Особое внимание заслуживают работы белорусских исследователей, что однозначно показывает, насколько велик научный интерес к данной проблеме с белорусской стороны.

Список источников

1. Казакова, И. В. Белорусская і кітайская традыцыйныя народныя культуры: параўнальны аспект / И. В. Казакова. – Минск : Паркус плюс, 2014. – 147 с.
2. Мацель, В. М. Становление и развитие дружественных белорусско-китайских отношений / В. М. Мацель. – Барановичи : Баранович. укруп. тип., 2004. – 188 с.
3. Ву, Ронглань. Китайско-белорусские культурные обмены и сотрудничество в рамках программы «Один пояс, один путь» / Ронглань Ву, Цин Чжан // Журн. Чжэцзян. ун-та Шужэнь. – 2018. – № 6. – С. 41–46 (на кит. яз.).
4. Чжан, Хунчао. Китайско-белорусский культурно-образовательный диалог / Хунчао Чжан // Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности : сб. науч. ст. и материалов XV Междунар. междисциплинар. науч.-теорет. семинара, Минск, 7–8 дек. 2021 г. – Минск : БГУ, 2021. – С. 158–163.
5. Прокопцов, В. И. Культурное сотрудничество – неотъемлемый компонент белорусско-китайских отношений / В. И. Прокопцов // Идеи социализма с китайской спецификой новой эпохи и стратегия их реализации : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 2 марта 2018 г. / под ред. А. А. Тозика. – Минск, 2018. – С. 116–119.
6. Ян, Синцзюань. Межвузовское сотрудничество Беларуси и Китая (1992–2017 гг.) / Синцзюань Ян // Выш. шк. – 2017. – № 5 (121). – С. 60–63.
7. Сунь, Инцзе. Китайско-белорусское взаимодействие в области культуры (1992–2018 гг.) / Инцзе Сунь // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2018. – № 3-4 (86-87). – С. 33–40.
8. Чао, Чжэн. Формирование и развитие китайско-белорусского культурного диалога в рамках концепции «Один пояс и один путь» / Чжэн Чао // Искусство и культура. – 2020. – № 4 (40). – С. 76–80.

9. Чувилов, И. А. Белорусская государственная академия искусств как перспективный плацдарм для гуманитарных стратегий инициативы «Пояс – путь» / И. А. Чувилов // Артэфакт. – 2021. – № 15. – С. 93–99.

10. Бабич, Т. Н. Инновационный проект «Один пояс – один путь» как новая модель сотрудничества КНР и Республики Беларусь: векторы развития и основные проекты в сфере культуры и искусства / Т. Н. Бабич // XXXVI Международные научные чтения (памяти В. Л. Гинзбурга) : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 16 окт. 2018 г. – М. : Европ. фонд инновац. развития, 2018. – С. 54–59.

11. Ли, Вэйвэй. Китайский проект Шелкового пути: культурные перспективы для Беларуси / Вэйвэй Ли // Материалы 77-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та : в 3 ч. Минск, 11–22 мая 2020 г. – Минск : БГУ, 2021. – Ч. 1. – С. 671–673.

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
С. А. Лашкевич*

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

А. И. Федорович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
nastyafedorovich0406@gmail.com*

Приведены результаты анализа научных трудов, освещающих вопросы антитеррористической деятельности в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Обозначены основные методы контртеррористической деятельности, позволяющие выявить тенденции в развитии историографии данной проблемы, которые рассматривались исследователями. Отражено стремление современных ученых воссоздать подлинную и всеобъемлющую картину происходящих событий. В результате анализа проблемы сделан вывод, что антитеррористическая деятельность в рамках Шанхайской организации сотрудничества представлена не в полном объеме и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: международный терроризм; антитеррористическая деятельность; международная безопасность; Шанхайской организации сотрудничества.

ANTITERRORIST ACTIVITIES IN THE FRAMEWORK OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Anastasiya Fedarovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
nastyafedorovich0406@gmail.com*

The article presents the results of the analysis of scientific papers covering the issues of anti-terrorist activities in the framework of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO). The main methods of counter-terrorist activity, which were considered by researchers, are outlined, making it possible to identify trends in the development of the historiography of this problem. It also reflects the desire of modern researchers to recreate a true and comprehensive picture of ongoing events. During the study of the problem, it turned out that the consideration of anti-terrorist activities in the framework of the SCO is not presented in full and requires further research in this area.

Keywords: international terrorism; anti-terrorist activity; international security; Shanghai Cooperation Organisation.

Современное изучение антитеррористической деятельности невозможно без исследования историографии проблемы международного терроризма. Понимание мировым сообществом новых террористических угроз, которые взбудоражили весь мир после событий 11 сентября 2001 г., позволяет взглянуть на истоки терроризма, а также оценить инструменты антитеррористической деятельности, используемые ведущими международными организациями. Важными институтами в противодействии терроризму являются международные организации. Они служат платформой, объединяющей страны между собой для эффективной работы во всех сферах деятельности, в том числе и в противодействии международному терроризму. В рамках международных организаций разрабатываются и внедряются различные идеи относительно того или иного вопроса для достижения необходимого результата. Именно поэтому они являются важным и движущим элементом в решении проблем мирового масштаба. Борьба с терроризмом в рамках международных организаций – составная часть мирового контртеррористического фронта. Целью статьи является характеристика историографии антитеррористической деятельности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Сотрудничество по вопросам безопасности, прежде всего в борьбе с международным терроризмом, представляет собой важную составляющую работы ШОС. Образовавшись еще в конце 1990-х гг., группа «Шанхайская пятерка» начала разрабатывать основу для создания Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Впоследствии эта конвенция была подписана на саммите группы в Шанхае в июне 2001 г. ШОС является одной из базовых структур для обеспечения безопасности на постсоветском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Формирование организации и механизмы ее деятельности разрабатывались в соответствии с вызовами внешней среды, что обеспечивало их актуальность и эффективность работы. ШОС прошла длительный период развития, который на разных этапах соответствовал уровню международных угроз. Увеличение количества террористических группировок на территории Центральной Азии, а также рост разнообразия их деятельности подталкивает государства-членов к более тесной интеграции и разработке единообразной нормативной базы для преодоления экстремистских проявлений. Данная организация привлекает к себе внимание большого количества исследователей.

Так, например, Л. Е. Васильев особое внимание уделяет самой опасной из разновидностей современного терроризма – государственному терроризму – и формам его проявления. Кроме того, автор представляет особенности террористической деятельности на пространстве ШОС [1].

В статье М. В. Кулаги акцент делается на этапах развития ШОС, а также на конвенции, которая посвящена исключительно борьбе с международным терроризмом и экстремизмом [2].

Анализ особенностей развития ШОС как международной региональной структуры представляет Ю. В. Кулинцева. Автор выделяет основные этапы формирования ШОС в качестве полноправного международного игрока: «На предварительном этапе (1996–2001) в ходе подписания ряда международных соглашений были заложены принципы, определившие основу взаимных отношений между странами – членами ШОС... Начальный этап развития ШОС (2001–2004) характеризовался запуском новых форматов взаимодействия, в том числе в виде регулярных встреч глав правительств, министров иностранных дел, министров обороны, чрезвычайных ситуаций... Учреждение Секретариата в 2004 г. ознаменовало окончание этапа формирования ШОС и начало новой фазы развития организации – международного признания (2004–2009)». В заключение автор делает вывод, что с 2009 г. ШОС находится на этапе роста и расширения, который характеризуется повышением международного авторитета и укреплением за счет новых государств-членов [3].

Всеобъемлющий анализ деятельности региональной антитеррористической организации (РАТС) ШОС в Центрально-Азиатском регионе дает Е. С. Сысоев. В его статье представлены итоги работы за период с конца 1990-х гг. до 2017 г., параллельно с этим показаны перспективы основных направлений совершенствования ее деятельности в рамках ШОС [4].

З. А. Кокошина утверждает, что в последние годы деятельность ШОС в регионе Центральной Азии значительно ухудшилась в связи с резкой радикализацией местного населения, подкрепляя это утверждение статистикой массового выезда граждан за пределы региона для участия в качестве боевиков в различных террористических группировках и боевых действиях на территории Ближнего Востока. По завершении «волонтерства» в горячих точках Афганистана, Ирака, Сирии и других стран и возвращении на родину эти лица начинают представлять угрозу национальной безопасности, что создает новый вызов, с которым страны – члены организации могут справиться только совместными усилиями. В связи с этим автор делает попытку оценить потенциал ШОС с точки зрения реагирования на новые вызовы относительно безопасности государств-членов, прежде всего в Центральной Азии. Отдельное внимание уделяется анализу деятельности РАТС ШОС, а также таким вопросам, как ключевые органы, основные задачи и функции организации. В заключение автор делает вывод, что «организация наряду с ОДКБ может сыграть очень важную роль в случае резкой дестабилизации политической обстановки в тех или иных странах Центрально-Азиатского региона» [5].

Анализ основных внутренних проблем развития ШОС представила О. Ю. Колегова. Выявляя факторы, она уделяет внимание причинам возникновения противоречий интересов стран-участниц, которые являются главными препятствиями на пути к укреплению и дальнейшему

усилению влияния ШОС как в регионе, так и на международной арене. На протяжении всей статьи автор подчеркивает, что необходимо учитывать предысторию создания ШОС, основную причину ее возникновения – острая необходимость объединения государствами Центрально-Азиатского региона всех сил, выступление единым фронтом против развития и дальнейшего усиления тенденций экстремизма, терроризма, сепаратизма и роста организованной преступности. О. Ю. Колегова подводит итог, что «несмотря на противоречие интересов и наличие внутренних и внешних проблем развития, во многом взаимообусловленных, тринадцатилетний путь эволюции ШОС в определенной мере доказывает ее эффективность, более того, имеются предпосылки для ее последовательного перехода к более комплексной стратегии развития» [6].

Проблемы организации антитеррористической деятельности на постсоветском пространстве, место и роль ШОС в системе противодействия международному терроризму в Центральной Азии изучил Н. Д. Николашвили. Он проследил, как ШОС трансформировалась из локальной неформальной площадки для обсуждения вопросов безопасности и обороны, ставящей своей целью обеспечение и поддержание безопасности в регионе, в одну из крупнейших евроазиатских организаций. Описаны этапы эволюции сотрудничества между странами – участницами ШОС в контртеррористической деятельности, которые базируются на нормативно-правовых документах организации. На основе данных документов предложено определение понятия «терроризм», сфер сотрудничества в рамках ШОС и ключевых направлений деятельности РАТС. Автор обратил внимание на успешное сотрудничество государств – членов ШОС в вопросе проведения совместных военных учений, которое открывает возможности для взаимного обмена опытом в рамках противодействия террористическим угрозам. Также отмечено, что в ходе научно-технического сотрудничества как между странами – членами ШОС, так и на других неофициальных площадках, созданных при поддержке ШОС, осуществляется эффективное противодействие угрозам международного терроризма на уровне региональной и мировой безопасности. Сделан вывод, что «многоплановый характер антитеррористической деятельности ШОС оправдывает себя, так как позволяет наиболее эффективно использовать имеющиеся у стран – участниц ШОС ресурсы, что делает это направление одним из наиболее успешных сфер работы организации» [7].

В статье С. Т. Фаткулина и М. В. Мулюковой выявлены проблемы правоохранительной деятельности в рамках ШОС как международной организации, созданной в целях усиления стабильности и безопасности на широком пространстве, а также борьбы с терроризмом, экстремизмом, для укрепления культурного взаимодействия между государствами. В работе раскрыты отношения между государствами – членами

ШОС, изучены нормативные правовые документы, выделены характерные признаки терроризма и экстремизма, которые составляют базу для дальнейших нормативных правовых разработок в рамках ШОС. Также проанализирован процесс создания и становления основных задач и функций антитеррористической структуры ШОС в качестве ее главного исполнительного органа по борьбе с преступностью в регионе. Авторы приводят методы реализации правоохранительной деятельности ШОС, в ходе которой выделяется перечень проблем в функционировании организации по противодействию терроризму, предлагают способы совершенствования антитеррористической деятельности ШОС [8].

Вероятность осуществления прогнозов возможной трансформации ШОС как ключевого актора на международной арене и как стратегического партнера в военно-политическом блоке стран Центрально-Азиатского региона анализирует в своей статье К. Х. Рахимов. Автор определяет особенности, тенденции и перспективы военного сотрудничества стран – участниц ШОС. В заключение К. Х. Рахимов дает рекомендации относительно совместной работы России с государствами – членами ШОС, опираясь на военный опыт взаимодействия России, Китая и Центральной Азии за последние пять лет [9].

Международно-правовые механизмы противодействия международному терроризму рассматриваются в работе В. В. Алешина и Д. Н. Петровского. Особое внимание авторы уделяют роли структур коллективной безопасности, анализируют нормы международно-правовых и внутригосударственных актов в указанной области. Кроме того, рассмотрены основные подходы государств к мерам противодействия терроризму на национальном и международном уровнях, взаимодействие ОДКБ и ШОС по противодействию терроризму. Подчеркивается, что между двумя организациями налажены контакты на уровне высших должностных лиц и решаются вопросы антитеррористического сотрудничества [1].

Анализ историографии антитеррористической деятельности в рамках ШОС показывает, что современная наука располагает комплексными исследованиями по данной теме. Давая историографическую оценку публикациям по рассматриваемой тематике, следует отметить, что в некоторых из них содержится немало противоречащих оценок одних и тех же событий и фактов, недостаточно обоснованных рекомендаций.

Может показаться, что тематика международного терроризма хорошо изучена, но, анализируя различные источники, выясняется, что многие работы сосредоточены в основном на самом предмете терроризма. При этом мало или косвенно затрагивается противодействие терроризму, особенно в рамках международных организаций, которые заложили основу для развития новых контртеррористических инструментов для противодействия международному терроризму.

Список источников

1. Васильев, Л. Е. Особенности современного терроризма и борьбы с ним на пространстве ШОС / Л. Е. Васильев // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России / ИДВ РАН ; ред.-сост.: Ю.В. Морозов. – М., 2016. – С. 238–258.
2. Кулага, М. В. Противодействие терроризму в рамках работы ШОС / М. В. Кулага // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее 2021 / ИДВ РАН. – М., 2022. – С. 61–71. (<https://doi.org/10.48647/IFES.2021.76.64.006>)
3. Кулинцев, Ю. В. ШОС как международная региональная организация: особенности становления / Ю. В. Кулинцев // Восток. Афро-Азиат. общества: история и современность. – 2019. – № 5. – С. 83–93. (<https://doi.org/10.31857/S086919080006956-8>)
4. Сысоев, Е. С. Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. Опыт строительства региональной международной организации / Е. С. Сысоев // Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС : сб. ст. / ИДВ РАН ; ред.-сост.: Л. Е. Васильев. – М., 2017. – С. 8–18.
5. Кокошина, З. А. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве / З. А. Кокошина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25, Междунар. отношения и мировая политика. – 2017. – № 4. – С. 97–123.
6. Колегова, О. Ю. Внутренние проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества / О. Ю. Колегова // Вестн. МГИМО-Университета. – 2015. – № 6 (45). – С. 117–123. (<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-117-123>)
7. Николашвили, Н. Д. Роль Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с террористической угрозой на постсоветском пространстве / Н. Д. Николашвили // Постсовет. исслед. – 2020. – Т. 3, № 8. – С. 633–640.
8. Фаткулин, Т. С. Сотрудничество правоохранительных органов государств – участников ШОС по противодействию международному терроризму и экстремизму / Т. С. Фаткулин, М. В. Малюкова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 4 (23). – С. 109–114.
9. Рахимов, К. Х. Шанхайская организация сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение) / К. Х. Рахимов // Постсовет. исслед. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 124–135.
10. Алешин, В. В. Укрепление коллективной безопасности и взаимодействия государств – членов ОДКБ в области противодействия терроризму / В. В. Алешин, Д. Н. Петровский // Междунар. сотрудничество евраз. государств.: политика, экономика, право. – 2019. – № 2. – С. 58–69.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор Н. И. Дрозд

ОЦЕНКИ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ООН В РОССИЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Хуан Шэнсян

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 331481624@qq.com*

Рассмотрена роль Китая в деятельности ООН после восстановления членства в 1971 г. Даны оценки эффективности страны в организации, а также мнения относительно будущего участия Китая в ООН. Отмечено различие оценок российских, американских и китайских ученых, что является отражением нарастающей геополитической борьбы и соперничества в американо-китайских и американо-российских отношениях.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; Китайская Народная Республика; историография; политика Китая.

ASSESSMENTS OF CHINA'S POLICY IN THE UN IN RUSSIAN, AMERICAN AND CHINESE HISTORIOGRAPHY

Huang Shengxiang

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, 331481624@qq.com*

The article is devoted to assessing the role that China played in the activities of the UN after the restoration of its membership in 1971. The paper discloses assessments of the effectiveness of China's activities in the organisation, and also expresses their fears and expectations regarding China's future participation in the UN. It was concluded that the difference in the assessments of Russian, American and Chinese scientists is a reflection of the growing geopolitical struggle and rivalry in US-Chinese and US-Russian relations.

Keywords: United Nations; People's Republic of China; historiography; Chinese politics.

Организация Объединенных Наций (ООН) является самой успешной, представительной и авторитетной международной межправительственной организацией в современном мире. Последние 70 лет ООН играет исключительную роль в поддержании мира и безопасности во всем мире, в содействии экономическому и социальному развитию и укреплении верховенства права в международном сообществе. Будучи одним из основателей ООН и постоянным членом Совета Безопасности, Китай вносит важный вклад в мировое развитие. Исходя из этого, нам необ-

ходимо диалектически взглянуть на роль и статус Китая в ООН, обобщить и сравнить его роль в организации, основываясь на мнениях ученых из разных стран. Это даст нам более четкое представление о текущих проблемах Китая в отношениях с ООН и поможет ему добиться большего успеха в данной организации.

Цель статьи – представить оценки политики Китая в ООН в российской, американской и китайской историографии.

Рост влияния Китая в ООН не остался незамеченным российскими экспертами. Особое внимание они уделили двустороннему сотрудничеству Китая и России в организации, в том числе по таким проблемам, как реформа Совета Безопасности, переговоры по иранской ядерной программе, корейской проблеме и многим другим острым вопросам мировой политики.

Аспирант Сибирского института международных отношений и регионоведения И. А. Ряснов в своей статье отметил, что «общие интересы и стремление обеспечить условия для сохранения мира и стабильности в различных регионах мира, совместные усилия по ограничению влияния западных держав и распространения их агрессивной политики, желание сохранить за ООН статус главной международной организации дают основания с оптимизмом смотреть на перспективы сотрудничества наших стран в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности, усиления влияния ООН в мире» [1, с. 159]. Автор указал, что одним из важнейших приоритетов деятельности Китая в ООН является сотрудничество с Россией в международных делах. Ключевыми факторами успешного взаимодействия он посчитал общность взглядов Пекина и Москвы на важнейшие принципы деятельности ООН, твердую совместную позицию России и Китая, связанную с курсом на повышение роли ООН, призывом решать имеющиеся проблемы мирным путем, уважать суверенитет и территориальную целостность других государств и соблюдать принципы международного права [1, с. 158]. И. А. Ряснов пришел к выводу о том, что «став в последнее двадцатилетие членом подавляющего большинства влиятельных международных организаций и переговорных механизмов, КНР продолжает рассматривать в качестве важнейшей в этом направлении свою работу в ООН. Отчасти это связано с тем, что, по оценке китайских экспертов, ни в какой другой международной организации Китай не занимает более высокого места, чем в ООН, и никакая другая международная организация не оказала на Китай большего влияния, чем ООН. Сказалось и то обстоятельство, что основополагающие принципы ООН оказались созвучными внешнеполитическому курсу КНР» [1, с. 159].

Особое внимание российские исследователи уделили участию Китая в миротворческих операциях под эгидой ООН. Доцент Уральско-

го федерального университета Ю. В. Запарий обратила внимание на то, что позиция Китая по вопросу миротворчества претерпела эволюцию, колеблясь от полного неприятия до активного участия в соответствии с реализацией национальных интересов. Она объяснила это тем, что глобальные процессы и «незримая сила интернационализации» стали воздействовать в том числе на такое большое государство, как КНР. По мнению эксперта, «стремление Пекина получить соответствующий положению статус великой державы подтолкнуло Китай к сотрудничеству и к необходимости участвовать в международных режимах, устанавливаемых ООН [2, с. 115].

В статье Ю. В. Запарий показала, что в общей сложности с 1990 по 2009 г. Китай принял участие в 18 миротворческих миссиях ООН, направив за рубеж свыше 11 тыс. миротворцев, из них 1100 – военные наблюдатели. По состоянию на 30 июня 2012 г. в миротворческих миссиях ООН находились 1928 миротворцев из КНР. Автор обратила внимание на то, что Китай предоставил больше миротворцев, чем другие постоянные члены Совета Безопасности ООН. При этом подавляющее большинство руководящих постов как в управлении конкретными операциями, так и в департаменте миротворческих операций ООН занимают представители западноевропейских стран. Данный факт неизменно вызывает раздражение китайской стороны. Только в 2007 г. китайский генерал был назначен командующим миротворческими силами миссии ООН в Западной Сахаре. Исследователь пришла к выводу о том, что «позиция Китая резко контрастирует с политикой, проводимой постоянными членами Совета Безопасности ООН, которые стремятся минимизировать присутствие своих солдат, но при этом вносить большую часть взносов на проведение операций по поддержанию мира» [2, с. 113–114].

Деятельность Китая в ООН уже давно находится под пристальным вниманием американских ученых. Признавая вклад КНР в развитие и деятельность ООН, они склонны рассуждать о таких мотивах действий Пекина, как увеличение своего международного влияния за счет дальнейшего управления международными делами, используя при этом возможность ослабить влияние крупных держав, в частности США. Американский дипломат и бывший специальный посланник США на Африканском Роге Дж. Фелтман в 2020 г. обратил внимание на то, что Китай занял второе место по объему взносов в регулярный бюджет ООН (чуть более 12 % по сравнению с 22 % от США) и в бюджет миротворческих операций (15 % по сравнению с 27 % от США). Он пришел к выводу о том, что «у Китая действительно есть законные основания ожидать большего влияния в ООН, чего он традиционно добивался» [3, с. 1]. По мнению Дж. Фелтмана, следует опасаться того, что в рамках ООН Китай будет стремиться уходить от различных ценностно окрашенных во-

просов, например касающихся соблюдения прав человека. В то же время американский специалист обеспокоен тем, что США не намерены отстаивать свою точку зрения по этим проблемам, выбрав в противовес стратегию «избегания» [3, с. 1].

В своем докладе Дж. Фелтман отметил причины недовольства американских экспертов растущей ролью Китая: «Это связано с тем, что 4 из 15 специализированных учреждений ООН теперь возглавляют граждане Китая. По крайней мере, некоторые из компетенций этих агентств влияют на установление стандартов и практики, которые затрагивают американские национальные деловые, экономические интересы и вопросы безопасности» [3, с. 1].

Дж. Фелтман также высказал мнение, что Китай, часто в союзе с Россией, более активно использовал продление миротворческих мандатов и обсуждение бюджета в Генеральной Ассамблее для продвижения своей позиции. С его точки зрения дипломата, усилия Китая и России были направлены на то, чтобы лишить миротворческие операции функций наблюдателей и обязанностей в области прав человека. Эффективность предыдущих усилий западных стран была подорвана тем, что Вашингтон перестал проявлять прежний интерес к правам человека, помимо тех случаев, когда ему это политически выгодно, например в Венесуэле и Иране [3, с. 2]. Ученый высказал мнение, что «Соединенные Штаты должны объединиться с другими странами, чтобы противостоять попыткам Китая и России отрицать или исказить ценностные принципы ООН, такие как права человека. Рост влияния Китая на вопросы мира и безопасности в ООН неизбежен, остановить его невозможно. Но можно положить конец нынешней противоречивой ситуации, когда воздержание Соединенных Штатов побуждает Китай продвигать свою собственную систему ценностей в противовес универсальным ценностям, закрепленным в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека и многочисленных конвенциях» [3, с. 9–10].

Старший приглашенный научный сотрудник Д. Уинерей обратил внимание на то, что в последние годы Пекин увеличил свои финансовые взносы в регулярный и миротворческий бюджеты ООН и значительно расширил свои политические и миротворческие обязательства. Он подчеркнул тот факт, что в настоящее время Китай уступает только США по объему бюджета и что направляет больше войск для миротворческих операций ООН, чем любой другой постоянный член Совета Безопасности [4].

Однако, по словам Д. Уинерея, Китай предпочитает обходить или игнорировать механизмы ООН, когда считает, что они не отвечают его национальным интересам или посягают на его суверенитет. В качестве примера автор привел отказ Пекина от выполнения решения Постоян-

ной палаты третейского суда по арбитражному спору в Южно-Китайском море. Таким образом, указал эксперт, «между идеологическими взглядами Пекина и администрации Трампа есть некоторое сходство. Китай поддерживает многосторонний подход и действия ООН, когда они отвечают его национальным интересам, но в других случаях он остается в стороне или выступает против них. Таким образом, поддержка Китаем ООН отличается от более стабильных идейных обязательств европейских держав» [4, с. 6]. Кроме того, Д. Уинерэй пришел к выводу, что «Пекин оказывает большее влияние на экономические вопросы и развитие ООН, чем на вопросы международного мира и безопасности. В рамках этой все более настойчивой позиции Китай стал охотнее использовать принятие решений по операциям и бюджетным ассигнованиям в русле китайских приоритетов» [4, с. 7–8].

В свою очередь, китайские ученые положительно отзываясь об активном участии Китая в решении ряда вопросов ООН и, обобщая прошлый опыт, выдвигают новые требования, надеясь, что в будущем Китай сможет использовать свои сильные и слабые стороны и внести вклад в работу организации. Профессор Пекинского университета Е Цзычэн отметил, что деятельность в рамках ООН способствовала развитию Китая, в связи с этим страна получила много преимуществ. Однако эксперт высказал мнение, что «Китай как крупная держава не только должен адаптироваться к существующей международной среде, но и может оптимизировать ее в определенной степени. Продвижение реформы ООН, чтобы она, как наиболее авторитетная международная организация, могла создать более благоприятное пространство для деятельности стран по поддержанию мира и стабильности в глобальном масштабе, является одной из задач, которую Китай может и должен решать как великая держава» [5, с. 13].

Е Цзычэн выделил две важнейшие задачи для Китая в поддержании авторитета ООН. Во-первых, ему необходимо выступать против того, чтобы любая страна в обход Совета Безопасности ООН предпринимала действия, подрывающие мир и стабильность во всем мире, настаивать на том, что только Совет Безопасности ООН имеет право предпринимать военные действия против суверенного государства при условии сохранения мира и стабильности. Во-вторых, для поддержания авторитета ООН следует повысить эффективность работы организации и рационально использовать ее ресурсы для решения различных задач. Е Цзычэн пришел к выводу о том, что «реформированная, эффективная и более авторитетная ООН предоставит больше возможностей для мирного развития Китая, а развитие Китая как крупной державы и рост его влияния, в свою очередь, окажут воздействие на развитие ООН, что само по себе является изменением международной политической обстановки» [5, с. 13].

Высоко оценил вклад Китая в развитие Организации Объединенных Наций в своей статье аспирант Уханьского университета Танг Ган. Он отметил, что за последние 50 лет Пекин активно участвовал в работе ООН в различных областях, применяя китайскую мощь в глобальном управлении; использовал ООН как платформу для укрепления сотрудничества на международной арене и обмена идеями развития; выдвигал полезные международные предложения; поддерживал авторитет ООН и настойчиво выступал за разрешение международных споров мирными средствами. Ученый также выразил надежду на более активное участие Китая в делах ООН в будущем: «использовать ООН как платформу для дальнейшего повышения своей способности участвовать в глобальном управлении, усилить свой голос в делах ООН, играть конструктивную роль в продвижении международного развития и сотрудничества ООН и решении проблем “горячих точек”, укреплять теоретические исследования и направлять больше выдающихся молодых талантов на работу в организацию» [6, с. 77].

Танг Ган высказал мнение, что Китай должен активно использовать ООН как важную площадку «для внедрения китайских концепций развития, продвижения китайского опыта, предоставления большего количества институциональных ресурсов и общественных благ международному сообществу, усиления голоса и влияния Китая в глобальном управлении, содействия инициативе “Один пояс, один путь” и построению сообщества человеческой судьбы, а также привнесения китайской мудрости и решений в трансформацию глобального управления» [6, с. 85].

Обобщив и проанализировав мнения ученых из трех государств, можно сделать вывод о том, что они по-разному интерпретируют цели и намерения Китая в ООН. С точки зрения российских и китайских экспертов, Китай играет активную и позитивную роль лидера в решении различных вопросов в этой международной организации. В свою очередь, американские исследователи, признавая определенный статус и влияние Пекина в организации, в целом считают, что Китай стремится играть более активную роль в ООН для удовлетворения собственных нарастающих геополитических амбиций. Таким образом, их взгляды в немалой степени являются отражением нарастающей геополитической борьбы. Америко-китайские отношения свидетельствуют о напряженности, а российско-китайские – о дружественности.

Список источников

1. Ряснов, И. А. Политика Китая в ООН / И. А. Ряснов // Власть. – 2014. – Т. 22, № 3. – С. 157–159.
2. Запарий, Ю. В. Китай и миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций: история и современность / Ю. В. Запарий // Китай: исто-

рия и современность : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20–21 нояб. 2012 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 108–115.

3. Feltman, J. China's Expanding Influence at the United Nations – and How the United States Should React, September 2020 [Electronic resource] / J. Feltman // Brookings. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/09/FP_20200914_china_united_nations_feltman.pdf>. – Date of access: 24.11.2022.

4. Whineray, D. The G2 at the UN: the United States and the People's Republic of China at the United Nations before COVID-19 [Electronic resource] / D. Whineray // United Nations University. – Mode of access: <https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/3940/Whineray_USChina.pdf>. – Date of access: 24.11.2022.

5. Е, Цзычэн. Реформа ООН и мирное развитие Китая. Международная политическая обстановка / Цзычэн Е // Междунар. взгляд. – 2005. – С. 6–15 (на кит. яз.).

6. Танг, Ган. 50 лет Китая и Организации Объединенных Наций: Опыт, уроки и перспективы на будущее / Ган Танг // Журн. Северо-кит. ун-та электроэнергетики (издание по обществ. наукам). – 2021. – № 2. – С. 77–87 (на кит. яз.).

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
И. М. Авласенко*

УЧАСТИЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В УРЕГУЛИРОВАНИИ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (2001–2021 гг.)

Хэ Бицзюань

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1870444929@qq.com*

Проведен анализ участия Шанхайской организации сотрудничества в урегулировании афганской проблемы. Определены основные направления и формы ее участия. Первоочередное внимание уделено взаимодействию организации и Афганистана в области безопасности. Отмечена активная роль Шанхайской организации сотрудничества в процессе установления мира в Афганистане благодаря запуску антитеррористических механизмов, проведению антитеррористических мероприятий и установлению антитеррористического партнерства со страной.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; афганская проблема; терроризм; сепаратизм; экстремизм; наркотрафик.

INTERACTION BETWEEN AFGHANISTAN AND THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION ON SECURITY ISSUES (2001–2021)

He Bijuan

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, 1870444929@qq.com*

The SCO's participation in the settlement of the Afghan problem is analysed. Priority attention is paid to the interaction of the parties in the field of security. The creation of the SCO turned out to be closely connected with the crisis in Afghanistan. The instability of the situation in the country still has a serious impact on the security of the member states. Since the establishment of the organisation, the Afghan issue has been viewed through the prism of terrorism, separatism, extremism and drug trafficking. It is concluded that the SCO is playing an active role in the process of establishing peace in Afghanistan by launching anti-terrorist mechanisms, conducting anti-terrorist activities and establishing anti-terrorist partnership with the country.

Keywords: Shanghai Cooperation Organisation; Afghan problem; terrorism; separatism; extremism; drug trafficking.

С 2001 по 2021 г. отношения между Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Афганистаном динамично развивались. Создание ШОС оказалось тесно связано с кризисом в Афганистане. Нестабиль-

ность ситуации в стране по-прежнему оказывает серьезное влияние на безопасность государств-членов. С момента создания организации афганский вопрос рассматривался через призму проблем терроризма, сепаратизма, экстремизма, а также наркотрафика. Особый интерес у государств-членов вызывали вопросы обеспечения безопасности в регионе. Сегодня афганская проблема по-прежнему сохраняет свою актуальность, что обуславливает востребованность подобных исследований.

Целью данной статьи является определение основных направлений и форм участия ШОС в решении афганской проблемы в 2001–2021 гг. При ее написании был использован ряд официальных документов ШОС и научных работ китайских и русских исследователей. Так, китайский ученый Чжао Хуашэн рассмотрел связь между историей создания ШОС и афганским вопросом [1]. Необходимость дальнейшего участия организации в решении афганской проблемы продемонстрировал Фу Юйхун [2]. Сяо Юй подчеркнул важность ШОС в решении афганской проблемы и продвижении афганского мирного процесса [3]. Кроме того, интерес представляют работы российских ученых К. Х. Рахимова, С. В. Черняевой, Е. В. Журавлёвой [4; 5].

В апреле 1996 г. руководители Китая, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана впервые встретились в Шанхае и запустили механизм встреч пяти глав государств в пяти странах (по очереди один раз в год), известный также как механизм «Шанхайской пятерки».

Оглядываясь на историю создания ШОС, отметим, что в 1996 г. талибы захватили власть в Афганистане. В 2001 г. была создана ШОС, в этом же году произошли теракты 11 сентября и началась международная контртеррористическая операция в Афганистане. Таким образом, будь то формирование механизма «Шанхайской пятерки» или создание ШОС, ситуация в Афганистане являлась важным историческим фоном. Географическое соседство вызывает у государств – членов ШОС глубокую тревогу по афганскому вопросу, а стратегия США в Афганистане вносит дополнительные коррективы в региональную ситуацию. Несомненно, обстановка в Афганистане неотделима от безопасности и стабильности соседних стран. Суть афганской проблемы с точки зрения участников ШОС заключается в том, что основная часть государственной границы Афганистана соседствует с членами организации. Следовательно, все риски, которые исходят от Афганистана, – терроризм, экспансия радикального ислама, а также организованная преступность (в том числе и контрабанда наркотических средств), являются серьезными угрозами для стран – участниц организации [4].

С момента создания ШОС неоднократно упоминала афганскую проблему в официальных декларациях и заявлениях, опубликовала большое количество специальных документов по содействию ее решению.

Внеочередная встреча министров иностранных дел государств – членов ШОС состоялась в Пекине 7 января 2002 г. На ней было принято Совместное заявление министров иностранных дел государств – членов ШОС. В документе всесторонне и подробно изложено отношение к афганскому вопросу (поддержка свержения режима талибов, восстановление Афганистана, его суверенитета, территориальной целостности и национального единства, невмешательство во внутренние дела), отмечена ведущая роль Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности ООН в международной борьбе с терроризмом [6]. В ноябре 2005 г. был официально подписан Протокол Контактной группы ШОС – Афганистан [7]. Контактная группа работает путем проведения консультаций. Стоит отметить, что Афганистан – единственная страна, имеющая такой механизм связи с ШОС, что отражает особый статус государства. Организация провела заседание Совета глав государств в Душанбе 28 августа 2008 г., чтобы обсудить основные международные вопросы и ситуации в регионах и опубликовать заявление «Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества». На саммите в Душанбе ШОС было отмечено, что ситуация в Афганистане продолжает развиваться, расширяются масштабы контрабанды наркотиков, процветает транснациональная организованная преступность, поэтому необходимо укреплять сотрудничество и создавать механизм совместного анализа, предотвращения и реагирования на вышеуказанные угрозы и вызовы [8].

Самое активное участие ШОС в мероприятиях по восстановлению Афганистана было в 2009 г. В марте в Москве состоялось специальное заседание организации по афганскому вопросу. Помимо Афганистана и государств – членов и наблюдателей ШОС, в данной встрече участвовали представители других стран – США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Канады, Японии, Турции, Туркменистана, а также международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Содружество Независимых Государств, Европейский союз, НАТО, ОБСЕ, Организация «Исламская конференция» и Азиатская информационная организация. Встречу можно охарактеризовать как международную конференцию с широким представительством, что происходило впервые в истории ШОС. На конференции была принята Декларация специальной сессии ШОС по Афганистану. Обсуждались вопросы терроризма, производства и контрабанды наркотиков, организованной преступности в Афганистане. При этом участники подчеркнули, что в контексте согласованных усилий международного сообщества ШОС является не только одной из подходящих площадок для ведения широкого диалога по Афганистану, но и возможностью для Афганистана укрепить прагматическое сотрудничество с соседями через перспективные многосторонние каналы [9].

В 2012 г. в Пекине состоялось заседание Совета глав государств ШОС, на котором приняли решение предоставить Исламской Республике Афганистан статус наблюдателя [10]. На встрече была принята Декларация глав государств ШОС о построении региона прочного мира и всеобщего процветания. Государства-члены поддержали ведущую роль Организации Объединенных Наций в координации международных сил для решения афганской проблемы [11].

В 2021 г. на фоне полного вывода войск США и захвата власти талибами в Душанбе прошел Совет глав государств ШОС. На заседании была принята Душанбинская декларация к 20-летию ШОС. Члены организации отметили, что на основе соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права урегулирование региональных конфликтов политико-дипломатическими средствами является единственным решением, и очень важно создать инклюзивное правительство в Афганистане с участием представителей всех этнических групп, религий и политических сил афганского общества [12].

Таким образом, значение афганской проблематики в повестке дня ШОС возрастает, отношения между организацией и Афганистаном продолжают развиваться. Суть политики ШОС относительно афганской проблемы заключается в подчеркивании независимости и суверенитета страны, поддержке политических, а не военных решений, а также в том, чтобы Организация Объединенных Наций играла ведущую роль в национальном восстановлении Афганистана.

В развитии политики ШОС по афганской проблеме можно выделить два этапа. Первый – 2005–2012 гг. – характеризовался созданием Группы связи ШОС – Афганистан. Это знаменовало формальное участие государств – членов организации в решении афганского вопроса как комплексной проблемы безопасности. Указанная контактная группа создала хорошую платформу для взаимодействия стран региона. Второй этап начался в июне 2012 г., когда ШОС придала Афганистану статус государства-наблюдателя. На фоне постепенного вывода западных войск из Афганистана решение ШОС демонстрирует готовность участвовать в дальнейшем решении афганского вопроса и взаимодействовать с Кабулом по вопросам безопасности.

В 2001–2021 гг. государства – члены ШОС активно участвовали в процессе установления мира в Афганистане, запустив региональные антитеррористические механизмы, проведя совместные антитеррористические военные учения, установив антитеррористическое партнерство с Афганистаном, совместную борьбу с «тремя злами», контрабандой наркотиков и транснациональной преступностью. ШОС также активно стремится к сотрудничеству с международными организациями, такими как ООН и Организация Договора о коллективной безопасности.

Список источников

1. Чжао, Хуашэн. Шанхайской организации сотрудничества и афганской проблеме / Хуашэн Чжао // Междунар. обучение. – 2009. – № 4. – С. 42–52 (на кит. яз.).
2. Фу, Юхун. Вмешательство Шанхайской организации сотрудничества в Афганистан: предыстория, проблемы и подходы / Юхун Фу // Рос. исслед. – 2014. – № 6. – С. 66–86 (на кит. яз.).
3. Сяо, Юй. Роль Шанхайской организации сотрудничества в будущем афганском мирном процессе / Юй Сяо // Гранич. и океанич. исслед. – 2016 – № 3. – С. 68–77 (на кит. яз.).
4. Рахимов, К. Х. Вклад государств – членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО / К. Х. Рахимов // Постсовет. исслед. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 367–385.
5. Черняева, С. В. Роль ШОС в контексте афганской проблемы / С. В. Черняева, Е. В. Журавлёва // Постсовет. исслед. – 2022. – Т. 5, № 5. – С. 531–544.
6. Совместное заявление министров иностранных дел государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. – 07.01.2002. – Режим доступа: <<http://chn.sectsc.org/load/43968/>>. – Дата доступа: 06.11.2022 (на кит. яз.).
7. Протокол Контактной группы ШОС – Афганистан [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. – 04.11.2005. – Режим доступа: <<http://chn.sectsc.org/load/44539/>>. – Дата доступа: 06.11.2022 (на кит. яз.).
8. Душанбинская декларация глав государств Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. – 28.08.2008. – Режим доступа: <<http://chn.sectsc.org/load/45582/>>. – Дата доступа: 06.11.2022 (на кит. яз.).
9. Душанбинская декларация глав государств Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. – 27.03.2009. – Режим доступа: <<http://chn.sectsc.org/load/45859/>>. – Дата доступа: 06.11.2022 (на кит. яз.).
10. Пресс-коммюнике заседания Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Правительство КНР. – 08.06.2012. – Режим доступа: <http://www.gov.cn/jrzg/2012-06/08/content_2156138.htm>. – Дата доступа: 06.11.2022 (на кит. яз.).
11. Декларация глав государств Шанхайской организации сотрудничества о построении региона прочного мира и всеобщего процветания [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. – 07.06.2012. – Режим доступа: <<http://chn.sectsc.org/load/47591/>>. – Дата доступа: 06.11.2022 (на кит. яз.).
12. Душанбинская декларация по случаю 20-летия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества. – 17.09.2021. – Режим доступа: <<http://chn.sectsc.org/load/783982/>>. – Дата доступа: 06.11.2022 (на кит. яз.).

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
И. И. Ковяко*

**О РАЗВИТИИ
КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В 2010-х – НАЧАЛЕ 2020-х гг.**

Цуй Синьюань

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассмотрены основные направления китайско-пакистанских отношений в 2010-х – начале 2020-х гг. Показано развитие политического сотрудничества, достигшего уровня всепогодного стратегического партнерства. Охарактеризовано экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Пакистаном, которое постепенно углублялось и расширялось. Приведены результаты сотрудничества двух стран по завершении строительства китайско-пакистанского экономического коридора: перевозки, взаимосвязь инфраструктуры, взаимная трансформация энергетических ресурсов и успешное развитие порта Гвадар.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Пакистан; международные отношения.

**ON THE DEVELOPMENT
OF CHINA-PAKISTAN RELATIONS
IN 2010^s – EARLY 2020^s**

Cui Xinyuan

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

The article considers the main directions of Chinese-Pakistani relations in the 2010^s – early 2020^s. The development of political cooperation, which has reached the level of all-weather strategic partnership, is shown. Characterised economic and trade cooperation between China and Pakistan, which gradually deepened and expanded. After the completion of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), many cooperation projects have achieved new results, such as transportation between the two countries, infrastructure interconnection, mutual transformation of energy resources, and the successful development of Gwadar Port. The achieved results not only solved the problem of internal energy shortage in Pakistan, but also provided a large number of employment opportunities for Pakistani citizens and stimulated the development of various regions along the corridor.

Key words: China; Pakistan; international relationships.

Традиционные дружественные отношения между Китаем и Пакистаном имеют большое значение для поддержания стабильности в Азии и регионального экономического развития. Китайская Народная Республика и Исламская Республика Пакистан официально установили дипло-

матические отношения 21 мая 1951 г. Страны стремились к стабильному взаимодействию, и в 1955 г. во время Бандунгской конференции премьер-министр КНР Чжоу Эньлай и премьер-министр Пакистана Мухаммад Али Богда достигли консенсуса по укреплению обменов и сотрудничества между их странами. В 1963 г. Китай и Пакистан подписали договор о границе между государствами. Это стало важной вехой в истории двусторонних отношений, характеризующихся с тех пор высоким уровнем доверия и разносторонним сотрудничеством. Китай помогал Пакистану во время индо-пакистанских войн в 1965 и в 1971 гг. В 1971 г. Пакистан проголосовал за восстановление членства КНР в ООН. В последующие десятилетия отношения между государствами продолжали углубляться.

Экономическое положение двух сторон улучшается, но политическое сотрудничество нуждается в укреплении. Мир сегодня претерпевает глубокие и комплексные изменения, процесс экономической глобализации затруднен, проблемы глобального управления сложны и изменчивы, биологическая биобезопасность и безопасность общественного здравоохранения подвергаются серьезным испытаниям. Именно поэтому целью данной статьи является характеристика отношений Китая и Пакистана в 2010-х – начале 2020-х гг.

С тех пор как в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с инициативой строительства «Экономического пояса Нового шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века», окончательно оформилась идея стратегической инициативы «Один пояс, один путь». Опираясь на существующие двусторонние и многосторонние механизмы между Китаем и соответствующими странами, Пекин активно развивает экономические партнерские отношения с государствами, расположенными вдоль обозначенного маршрута, для совместного построения культурно инклюзивного сообщества интересов, судьбы и ответственности. Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) является важной частью инициативы «Один пояс, один путь».

В Исламабаде 5 апреля 2005 г. между двумя государствами премьер-министром КНР Вэнь Цзябао и премьер-министром Пакистана Шаукатом Азизом был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [1]. Данный договор отражает основные принципы взаимодействия Китая и Пакистана на юридическом уровне, которые представляют собой пять принципов мирного сосуществования. Пять принципов – это, во-первых, взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; во-вторых, ненападение; в-третьих, невмешательство во внутренние дела; в-четвертых, равенство и взаимная выгода и в-пятых, мирное сосуществование. Данный договор является основой для будущего сотрудничества между двумя странами в экономической, политической и культурной областях.

Важное стратегическое значение имеет сотрудничество в политической сфере. По приглашению государственного советника Китая и министра иностранных дел Ван И министр иностранных дел Пакистана Билавал Бхутто Зардари 21–22 мая 2022 г. посетил Гуанчжоу. Это первая страна, куда он официально прибыл после назначения на пост министра иностранных дел. Ван И и Билавал Бхутто Зардари подтвердили, что международная и региональная ситуация претерпела глубокие изменения, а стратегическое значение китайско-пакистанских отношений возросло. Китай и Пакистан – всепогодные стратегические партнеры. Взаимное доверие и дружба между двумя странами всегда были прочными, что является важным фактором мира, стабильности и процветания в регионе и во всем мире. Стороны свидетельствовали, что будут твердо поддерживать основные интересы друг друга, углублять стратегическое общение и практическое сотрудничество, а также строить более тесное китайско-пакистанское сообщество. Столкнувшись с проблемой терроризма, страны заявили, что он является общим врагом всего человечества, и еще раз решительно осудили террористическую атаку на Институт Конфуция в Карачи, которая произошла 26 апреля 2022 г., в результате чего погибло четыре человека. Пакистанская сторона подтвердила, что ускорит расследование, привлечет виновных к ответственности и сурово накажет их. Пакистан уведомил китайскую сторону о своих усилиях по обеспечению безопасности всего китайского персонала, проектов и учреждений в стране. Китай оценил обязательство Пакистана гарантировать безопасность сотрудников посольства. Стороны и далее намерены укреплять сотрудничество в области борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности и призвали страны региона, а также международное сообщество объединить усилия для борьбы со всеми формами терроризма. Обе стороны заявили, что никакая сила не позволит разрушить «железную» дружбу между Китаем и Пакистаном [2].

Председатель КНР Си Цзиньпин 2 ноября 2022 г. встретился с премьер-министром Пакистана Шахбазом Шарифом, который находился с официальным визитом в Пекине. Си Цзиньпин отметил, что Китай всегда рассматривал китайско-пакистанские отношения с точки зрения стратегической и долгосрочной перспективы. Страна готова повысить уровень всестороннего стратегического сотрудничества с Пакистаном и ускорить построение более тесных китайско-пакистанских отношений. В условиях неопределенности мирового порядка обе стороны должны поддерживать сотрудничество на высоком уровне, тесно взаимодействовать по основным международным и региональным вопросам. Пакистанский премьер-министр подчеркнул, что углубление пакистано-китайского всепогодного стратегического партнерства является краеугольным камнем внешней политики Пакистана и консенсусом всех слоев общества. Пакистан твердо следует политике «одного Китая»

и солидарен с позицией Китая по таким ключевым вопросам, как Тайвань, Синьцзян и Гонконг. Пакистан полностью поддерживает инициативы глобального развития и глобальной безопасности, предложенные председателем Си Цзиньпином, и готов укреплять связи и сотрудничество с Китаем в международных и региональных делах, вносить позитивный вклад в поддержание мира и развития во всем мире [3].

Замир Ахмед Аван, бывший пакистанский дипломат, сотрудник Центра Китая и глобализации в Пекине, считает, что Китай и Пакистан – две суверенные страны с разными политическими системами, культурами и религиями, но при этом хорошие друзья, добрые соседи и нации с общей судьбой. Он уверен в долгосрочном развитии китайско-пакистанских отношений и подчеркивает, что они основаны на равенстве, взаимных выгодах и уважении, общих целях мира, стабильности и процветания [4].

Экономическое сотрудничество следует считать очень важной областью партнерства Китая и Пакистана. Премьер-министр Пакистана Шахбаз Шариф заявил в интервью агентству Синьхуа 15 сентября 2022 г., что Китай как один из основателей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) играет важную роль во многих областях взаимодействия, включая создание Банка развития ШОС и строительство демонстрационной зоны китайско-шоссского экономического и торгового сотрудничества в Циндао. Опираясь на ШОС, Пакистан надеется применять опыт Китая в использовании новейших технологий в сельскохозяйственном секторе. Инициатива «Один пояс, один путь» способствовала социально-экономическому развитию Пакистана. Китайско-пакистанский экономический коридор, являющийся важным пилотным проектом этой инициативы, придал новый импульс двусторонним отношениям. Данный проект помог Пакистану модернизировать инфраструктуру на ранней стадии сбора урожая, решил проблему нехватки энергии, связал рынки, производственные центры и порты и создал возможности для эффективной занятости пакистанского народа. В настоящее время коридор продолжает раскрывать потенциал сотрудничества между Пакистаном и Китаем в сферах промышленности, сельского хозяйства, экономического и социального развития, науки и техники, информационных технологий. Пакистан надеется на тесное сотрудничество с Китаем для ускорения продвижения инфраструктурных проектов большой значимости [5].

Профессор Пешаварского университета и директор Центра региональных исследований России, Китая и Центральной Азии Шабир Ахмад Хан 30 ноября 2021 г. в телефонном интервью агентству Синьхуа заявил, что КПЭК придал мощный импульс экономическому развитию страны: когда Пакистан столкнулся с острой нехваткой электроэнергии и трудно было гарантировать, что она будет для основных нужд, а ввод в эксплуатацию нескольких энергетических проектов в рамках КПЭК в основном решил эту проблему. С момента начала строительства в 2013 г.

этот коридор создал для Пакистана 75 тыс. рабочих мест. В настоящее время его строительство вступило в стадию качественного развития, сосредоточив внимание на сотрудничестве в таких областях, как промышленность, сельское хозяйство, социальное обеспечение и обеспечение средств к существованию населения, что создаст больше возможностей для трудоустройства пакистанских граждан. Например, для пакистанских инженеров и рабочих проект КПЭК означает не только значительный доход, но и возможность получить много профессиональных знаний от китайских коллег [6].

По данным Министерства коммерции КНР, в 2011 г. общий объем торговли между Китаем и Пакистаном составил 10,564 млрд долл. США, что больше в годовом исчислении на 21,9 %. Прямые нефинансовые инвестиции Китая в Пакистан достигли 86,95 млн долл. США (в годовом исчислении больше на 233,3 %).

В 2012 г. товарооборот между Китаем и Пакистаном был 12,417 млрд долл. США, в 2013 г. – 14,219 млрд долл. США (в годовом исчислении увеличился на 14,51 %). Прямые нефинансовые инвестиции Китая в Пакистан зафиксированы на уровне 120,23 млн долл. США, что больше в годовом исчислении на 99,9 %.

В 2014 г. общий объем товарооборота составил 16,006 млрд долл. США, увеличившись в годовом исчислении на 12,57 %. Прямые нефинансовые инвестиции Китая в Пакистан достигли 1009,18 млн долл. США, что больше в годовом исчислении на 739,4 %.

В 2015 г. общий объем товарооборота составил 18,93 млрд долл. США, в 2017–2018 финансовом году – 13,2 млрд долл. США. Прямые инвестиции Китая в Пакистан достигли 1,5858 млрд долл. США, увеличившись в годовом исчислении на 30,9 %. Объем двусторонней торговли между Китаем и Пакистаном в связи с эпидемией сократился: в 2020 г. он был 117,49 млрд долл. США, что на 2,7 % меньше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Прямые нефинансовые инвестиции Китая в Пакистан составили 448,09 млн долл. США, что на 95,1 % меньше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [7].

Таким образом, в настоящее время внешняя политика Китая в отношении Пакистана имеет три задачи: сохранение всепогодной дружбы, расширение всестороннего сотрудничества и укрепление стратегического партнерства. Общая цель двух стран заключается в том, чтобы строить тесное китайско-пакистанское сообщество. Однако ее реализация осложняется рядом трудностей и нерешенных вопросов.

На политическом уровне развитие двусторонних отношений сталкивается с проблемами политической нестабильности в Пакистане. Также страна ощущает внешнее давление и противостоит вмешательству враждебных сил. Следует учитывать и то, что экономическая база Пакистана относительно слаба. Сталкиваясь с различными проблемами,

Китай и Пакистан постоянно укрепляют политическое сотрудничество, строят энергетические каналы, углубляют кадровые обмены и развивают двусторонние стратегические отношения. На экономическом уровне долгосрочные китайско-пакистанские отношения являются основой для быстрого развития китайско-пакистанского экономического коридора. Непрерывное взаимодействие привело к улучшению двусторонней торговли между двумя странами и сотрудничества в других областях.

Список источников

1. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Исламской Республикой Пакистан от 5 апр. 2005 г. [Электронный ресурс] // Правительство КНР. – Режим доступа: <http://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_63246.htm>. – Дата доступа: 13.12.2022 (на кит. яз.).
2. Совместное заявление Китая и Пакистана [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 22.05.2022. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202205/t20220522_10690891.shtml>. – Дата доступа: 13.12.2022 (на кит. яз.).
3. Председатель Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Пакистана Шахбазом [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. – 02.11.2022. – Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2022-11/02/content_5723829.htm>. – Дата доступа: 26.12.2022 (на кит. яз.).
4. Китай и Пакистан [Электронный ресурс] // Геополитика. – 19.01.2021. – Режим доступа: <<https://www.geopolitika.ru/article/kitay-i-pakistan>>. – Дата доступа: 27.11.2022.
5. Китай играет важную роль во многих сферах сотрудничества ШОС – Интервью с премьер-министром Пакистана Шабазом Шарифом [Электронный ресурс] // Синьхуа. – 15.09.2022. – Режим доступа: <http://www.news.cn/world/2022-09/15/c_1129006130.htm>. – Дата доступа: 13.12.2022 (на кит. яз.).
6. Китайско-пакистанский экономический коридор обеспечивает мощный импульс для экономического развития Пакистана: интервью с профессором Пешаварского университета (Пакистан) Ахмедом Ханом [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. – 01.12.2021. – Режим доступа: <http://www.news.cn/2021-12/01/c_1128121257.htm>. – Дата доступа: 13.12.2022 (на кит. яз.).
7. Краткое введение в китайско-пакистанское двустороннее экономическое и торговое сотрудничество [Электронный ресурс] // Министерство торговли Китайской Народной Республики. – 28.01.2021. – Режим доступа: <<http://pk.mofcom.gov.cn/article/zxhz/hzjj/>>. – Дата доступа: 14.02.2023 (на кит. яз.).

*Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор
В. Е. Снапковский*

КИТАЙСКО-СЕРБСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРАХ

Чжао Лу

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zhaolustar@163.com*

Представлен анализ взаимоотношений Китая и Сербии в области культуры, науки и образования. Обращено внимание на недостаточную освещенность обозначенных аспектов, их упоминание только в рамках общего исследования китайско-сербских отношений, а не в качестве отдельно взятой темы. Отмечено значение решения проблем межкультурного взаимодействия как фундаментального элемента межгосударственных отношений. Подчеркнуты значительные успехи в выстраивании грамотного культурного и гуманитарного сотрудничества двух стран, что всегда будет важным направлением взаимодействия государств.

Ключевые слова: культурно-гуманитарное сотрудничество Сербии и КНР; инициатива «Один пояс, один путь»; стратегическое сотрудничество; гуманитарная помощь; международные коммуникации.

SINO-SERBIAN RELATIONS IN THE CULTURAL AND HUMANITARIAN SPHERES

Zhao Lu

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, zhaolustar@163.com*

It analyses the relationship between Serbia and China in the sphere of culture, science and education. The relevance of the paper is primarily due to the fact that the above-mentioned aspects are insufficiently covered and are most often mentioned in the framework of the overall study of Serbian-Chinese relations, rather than as a separate topic. The paper notes that the importance of solving the problems of intercultural cooperation, as a fundamental element of interstate relations, cannot be ignored. It is concluded that constructing good cultural and humanitarian cooperation between the two countries has had significant successes and will always be an important area of interaction between the states.

Keywords: cultural and humanitarian cooperation between Serbia and China; Belt and Road Initiative; strategic cooperation; humanitarian aid; international communications.

В современном мире гуманитарное сотрудничество играет огромную роль. Оно позитивно влияет на отношения между странами, выражение гуманистических ценностей, развитие человеческого потенциала и научно-образовательных возможностей. Сферы «мягкой силы», такие как

культура и искусство, не только несут в себе духовные ценности страны, но и во многом являются фундаментом отношений разных народов. Культура, лежащая в основе программ устойчивого развития в экономике, а также во всех других социальных сферах, базируется на уважении и поощрении важных аспектов человеческого творчества и свободы. Без культурного ядра социального развития все, что касается человека, теряет свое значение. В связи с этим культурно-гуманитарные отношения между Китаем и Сербией являются ключевыми в развитии партнерства между двумя странами. В настоящее время сербско-китайское межкультурное взаимодействие стремительно развивается, приобретая разноплановый характер и содержание.

Цель данной работы состоит в анализе развития культурно-гуманитарной сферы Сербии и Китая с 2006 г. по настоящее время.

Отношения между Китаем и Сербией в культурной и гуманитарной сферах охватывают три аспекта.

1. *Распространение китайского языка в Сербии.* В течение долгого времени продвижение языка и культуры были основной политикой распространения китайской культуры в развитых странах. Особый метод заключается в использовании миссионерского языка в качестве средства или инструмента. В 1993 г. директор Национального комитета по обучению Китая Чжу Кайсюань указал, что «распространение китайского языка находится в центре внимания преподавания его в качестве иностранного, а распространение и продвижение китайской культуры необходимо тесно сочетать с преподаванием китайского языка и использовать его как средство общения с другими странами мира» [1, с. 43]. В августе 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин еще раз подчеркнул, что «влияние китайской культуры должно постоянно усиливаться, чтобы мир мог лучше понять Китай», обратил внимание на важность международной культурной «мягкой силы» и культурной коммуникации [2].

Китай и Сербию связывает глубокая традиционная дружба. Две страны установили стратегическое партнерство в 2009 г., и Сербия стала одной из первых стран Юго-Восточной Европы, подписавших Меморандум о взаимопонимании по совместному содействию строительству «Пояса и пути» с Китаем. В 2016 г. сотрудничество между двумя странами стало более заметным, поэтому было объявлено об установлении всестороннего стратегического партнерства. В начале 2017 г. вступило в силу всеобъемлющее безвизовое соглашение между Китаем и Сербией. Таким образом, Сербия стала первой европейской страной, полностью освободившей Китай от виз. Число китайских туристов в Сербии резко возросло, что способствовало развитию местного туризма. В течение 2019 г. Сербию посетили 3 689 983 туриста (на 8 % больше показателей предыдущего года). Согласно данным республиканского бюро статистики Сербии, из общего числа туристов 1 846 511 были иностранными. Наибольшее ко-

личество иностранных туристов прибыло из Китая – 144 961 человек [3]. В рамках двустороннего партнерства, такого как инициатива «Один пояс, один путь» и «Сотрудничество 16+1» обе страны постоянно добиваются новых взаимовыгодных результатов. В последние годы Китай и Сербия углубили сотрудничество в сферах образования и культуры, заложив прочную основу для развития двусторонних отношений на более высоком уровне. Так, например, в августе 2006 г. в Белграде был открыт Институт Конфуция, благодаря которому Китай может продвигать и презентовать китайскую культуру и язык в Сербии. Институт разрабатывает курсы китайского языка, готовит преподавателей, проводит международный экзамен на знание китайского языка, а также культурные и художественные презентации. Кроме того, он предоставляет информацию о современном Китае.

Всеобъемлющий договор о стратегическом партнерстве, подписанный в 2016 г., устанавливает обширные условия для сотрудничества в сфере образования между двумя странами, которые со временем могут углубляться. Они включают новые студенческие и штатные обмены, стипендии, курсы китайского языка, а также растущую финансовую поддержку со стороны Китая.

Китайская культура стала быстро распространяться в Сербии: расширилось преподавание китайского языка, СМИ активизировали освещение Китая. В настоящее время в Сербии действуют два Института Конфуция и Китайский культурный центр в Белграде [4]. В 2011 г. при содействии отделов образования обеих стран и при поддержке Министерства образования Сербии запланировали выпустить «Пилотную программу для сербских начальных и средних школ по преподаванию китайского языка». Китайский язык был введен в 32 сербских школах. Желание учить китайский высказали почти 2500 учеников. Тем временем китайский язык набирал популярность и в университетах. Так, в культурном центре «Ниша» на бесплатные занятия по изучению китайского, которые финансирует Посольство КНР в Сербии, записались 170 человек, при ожиданиях в 20 в 2012 г. [5].

2. *Взаимодействие в сфере спорта.* Исторически спорт играл заметную роль в международных отношениях. Он вырос из военной подготовки, которая укрепляла физическую форму и командную работу солдат и со временем превратилась в индустрию развлечений, не знающую границ и привлекающую поклонников со всего мира. По мере того как спорт интернационализировался, росла и его роль в международной политике. Бойкоты летних Олимпийских игр 1980 г. в Москве и 1984 г. в Лос-Анджелесе являются крайними примерами сложных отношений между спортом, дипломатией и национальной политикой в наше время. Сегодня нет сомнений в том, что спорт часто программируется как «мягкая дипломатия» или как проявление «мягкой силы».

На данный момент Китай все еще страдает от дефицита «мягкой силы», несмотря на свою экономическую и военную мощь, поэтому страна усердно работает над созданием «мягкой силы» в спорте и улучшении своего международного имиджа. Сербия, несомненно, в спортивном отношении сильная страна, особенно в футболе, баскетболе и волейболе.

В настоящее время две страны сотрудничают в области спорта. Так, например, 9 октября 2022 г. в г. Шэньчжэнь сербский женский волейбольный клуб создал резервную базу талантов [6]. Инспектор Шэньчжэньского бюро туризма и спорта Хань Синьюань отметил, что это важная движущая сила популяризации и развития волейбола, а также серьезная мера, способствующая достижению цели Китая по созданию сильного спорта [7]. Тренер сборной Сербии по женскому волейболу М. Масурин сказала, что китайско-сербский женский волейбольный клуб, который объединяет представителей китайской и сербской элиты, станет одним из лучших клубов в мире и представит отличные волейбольные таланты для клуба из Китая [8]. Китайская баскетбольная ассоциация 16 ноября 2022 г. пригласила сербского тренера А. Джорджевича в качестве главного тренера мужской сборной Китая по баскетболу для участия в шестом окне отборочных матчей чемпионата мира по баскетболу среди мужчин 2023 г. и чемпионата мира по баскетболу 2023 г.

3. *Гуманитарная помощь Китая Сербии на фоне COVID-19.* Президент Сербии А. Вучич 15 марта 2020 г. в телевизионном выступлении признался, что в стране тяжелая эпидемиологическая обстановка и слабые противоэпидемиологические меры, поэтому государству сложно справиться с эпидемией COVID-19. А. Вучич сказал, что не рассчитывает на европейские страны, а надеется на помощь Китая [9].

Политическая ситуация в Сербии также нестабильна: после многократных национальных расколов сербское правительство имеет серьезные внутренние разногласия и постоянные споры между политическими партиями. Чтобы сохранить баланс дипломатического статуса, Сербия планировала присоединиться к Европейскому союзу. Однако ЕС выдвинул условия: с одной стороны, он требовал от Сербии признания независимости Косовского края; с другой – разорвать дружественные отношения с Россией, с которой у Сербии была долгая история дипломатических отношений. Кроме того, территория не может так легко быть отделена от страны и признана независимой. Эти факторы ограничивали вступление Сербии в Европейский союз, поэтому страна не стала просить помощи у Европы в борьбе с COVID-19, а обратилась к Китаю.

Менее чем через неделю после обращения, 21 марта 2020 г., в аэропорт Белграда прибыл самолет с китайской группой экспертов по борьбе с эпидемией и противоэпидемическими средствами [10]. После официального введения Сербией чрезвычайного положения в стране в связи с коронавирусной инфекцией Китай предложил открыть лаборатории *Fire Eye* для тестирования COVID-19. Обе стороны быстро подписали

контракт и согласились построить указанные лаборатории в Белграде и Нише. *Fire Eye* стала самой передовой лабораторией по тестированию нуклеиновых кислот во всем Балканском регионе с максимальной производительностью в 2000 образцов в день, что значительно расширило возможность Сербии по тестированию на вирусы. Китайская вакцина от COVID-19 стала общедоступным продуктом. Ее первая партия в количестве 1 млн доз прибыла в Сербию 16 января 2021 г. Президент А. Вучич сказал репортеру *CCTV*, что его любовь к Китаю никогда не изменится, и выразил благодарность за его помощь Сербии [11].

Государственный секретарь Министерства здравоохранения Сербии М. Ерлек высоко оценил решение Китая направить экспертов в более чем 30 стран, настаивая при этом на собственной борьбе с эпидемией: «Нам очень повезло, команда китайских экспертов находилась в Сербии в течение полных 82 дней, что еще раз подтверждает глубокую дружбу между Китаем и Сербией. Вклад руководства группы китайских экспертов в нашу борьбу с эпидемией неизмерим. Столкнувшись с проверкой того, действительно ли страны могут объединиться и вместе бороться с эпидемией, Китай, китайский народ и китайские лидеры проявили максимальную искренность» [12].

В целом сербско-китайское сотрудничество в культурной сфере можно охарактеризовать как эффективное, поскольку видна динамика расширения и укрепления связей в области распространения культуры и гуманизма. Можно говорить об отношениях, находящихся на высшей точке. Деятельность по реализации различных программ концептуально закрепленных направлений культурно-гуманитарного сотрудничества осуществляется в рамках взаимодействия государственных институтов.

Необходимо отметить, что культурное и гуманитарное взаимодействие Сербии и Китая прошло определенный путь и имеет заметные достижения, среди которых выделяются четко сформулированные принципы, отвечающие видению роли культуры и образования в современных международных отношениях, и направления сотрудничества, а также формы реализации культурных и образовательных программ в рамках двусторонних отношений.

Список источников

1. Би, Дживан. Проблемы изучения языка и культуры при обучении китайскому языку как иностранному / Дживан Би // Языковое приложение. – 1994. – № 2. – С. 40–46 (на кит. яз.).
2. Ю, Хунцзюнь. Иностранная культурная коммуникация должна обращать внимание на концепцию и практику инноваций [Электронный ресурс] / Хунцзюнь Ю // Китайская новостная сеть. – 01.03.2019. – Режим доступа: <http://news.china.com.cn/world/2019-03/01/content_74811056.htm>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

3. Больше всего в 2019 году в Сербии было китайских и боснийских туристов [Электронный ресурс] // вОтпуск.ru. – 13.02.2020. – Режим доступа: <<https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=572389>>. – Дата доступа: 28.11.2022.

4. Хань, Шо. Белградский китайский культурный центр: «Строим новый мост дружбы между сербским и китайским народами» [Электронный ресурс] / Шо Хань // Государственный совет КНР. – 26.12.2018. – Режим доступа: <<http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35514/35522/Document/1644364/1644364.htm>>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

5. Василевич, М. Китайский язык в сербских школах набирает популярность [Электронный ресурс] / М. Василевич // Сербия и Балканы. – 19.11.2012. – Режим доступа: <<http://www.senica.ru/serbia/news/kitayskiy-yazyk-v-serbskikh-shkolakh-nabiraet-populyarnost>>. – Дата доступа: 29.11.2022.

6. Китайско-сербский женский волейбольный клуб и средняя школа Бужи совместно создают резервную базу талантов [Электронный ресурс] // Байду. – 09.10.2022. – Режим доступа: <<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1746203864208557849>>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

7. Средняя школа Бужи стала резервной базой талантов для женской сборной Китая и Сербии по волейболу в Шэньчжэне [Электронный ресурс] // Сеть Тенсент. – 2022. – Режим доступа: <<https://new.qq.com/gain/a/20221009A0588P00>>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

8. Гао, Чжимин. Коммуникация и взаимодействие – Тренер молодежной сборной Сербии по женскому волейболу М. Масурин посетила Шэньчжэньскую среднюю школу Бужи [Электронный ресурс] / Чжимин Гао // Сеть Тенсент. – 05.10.2022. – Режим доступа: <<https://new.qq.com/gain/a/20221005A04KJ900>>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

9. Единственный, кто может нам помочь, – это Китай [Электронный ресурс] // Байду. – 17.03.2020. – Режим доступа: <<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1661354376238266895>>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

10. Чжао, Цзячжэн. Китай объединяется с Сербией для борьбы с эпидемией [Электронный ресурс] / Цзячжэн Чжао // Китайская новостная сеть. – 24.03.2020. – Режим доступа: <http://news.china.com.cn/2020-03/24/content_75851431.htm>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

11. История «Fire Eye» Labs [Электронный ресурс] // Байду. – 11.06.2021. – Режим доступа: <<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1702256541664074054>>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

12. Чжао, Хунчао. Тысячи миль на помощь – китайские медики переехали в Сербию [Электронный ресурс] / Хунчао Чжао // Сеть новостей видеонаблюдения. – 21.12.2020. – Режим доступа: <<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1686687530930711449>>. – Дата доступа: 28.11.2022 (на кит. яз.).

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
Е. В. Демидович*

ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА КИТАЯ И ИРАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ

Шэнь Тяньтянь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shentiantian8888@qq.com*

Представлен обзор научных исследований по проблеме стратегического партнерства Китая и Ирана на современном этапе. Показано состояние изученности китайско-иранских отношений в китайской историографии. Обращено внимание на достаточное количество исследований по вопросам взаимодействия Китая и Ирана, касающихся двусторонней торговли, промышленного сотрудничества, взаимных инвестиций и сотрудничества в области ресурсов и энергетики.

Ключевые слова: Китай; Иран; сотрудничество; партнерство; историография.

HISTORIOGRAPHY ON THE STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN CHINA AND IRAN AT THE PRESENT STAGE

Shen Tiantian

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, shentiantian8888@qq.com*

The review of scientific research on the problem of strategic partnership between China and Iran at the present stage is presented. The current state of research on Sino-Iranian relations in Chinese historiography is shown. It is concluded that there is a sufficient number of works on the issues of interaction between China and Iran. The main aspects of scientific research on this issue are: bilateral trade, industrial cooperation, mutual investments and cooperation in the field of resources and energy. At the same time, the author does not agree with all conclusions and suggestions of the analysed works.

Keywords: China; Iran; cooperation; partnership; partnership; historiography.

Проблема китайско-иранских отношений достаточно хорошо исследована в китайской и зарубежной научной литературе. Рассмотрим исследования китайских ученых, касающиеся двусторонней торговли, промышленного сотрудничества, инвестиций, ресурсов и энергетики между Китаем и Ираном.

Со времен древнего Шелкового пути Иран всегда был важным торговым партнером Китая в Азии. Сегодня сотрудничество двух стран в основном сосредоточено в экономической и торговой сферах. В настоящее время Иран занимает важное стратегическое положение на стыке

Азии, Африки и Европы, является крупной страной Ближнего Востока. Государство расположено в Ближневосточном регионе, горячей точке Западной Азии. Данный регион всегда был ареной борьбы крупных держав за власть. Конкретная политическая ситуация напрямую влияет на уровень его развития. Китайско-иранская торговля берет начало в 1950 г. Дипломатические отношения между Китаем и Ираном постоянно укреплялись. Взаимодействие сторон в различных областях, таких как экономика, культура и образование, всесторонне развивается. Однако изучать сотрудничество между Китаем и Ираном в экономической сфере стали достаточно поздно, и этот процесс никогда не прекращался. В основном рассматривается промышленный сектор или сотрудничество в области ресурсов и энергетики.

Далее приведем краткий анализ исследований по проблеме стратегического партнерства Китая и Ирана. Выделим направления двустороннего взаимодействия.

1. Двусторонняя торговля и промышленное сотрудничество между Китаем и Ираном.

О перспективах экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Ираном рассуждает в своей статье китайский ученый Тан Баокай. Он считает, что Китай должен воспользоваться возможностями внутренней внешнеэкономической политики и институциональных преобразований Ирана и расширить основные области сотрудничества между двумя сторонами, перейти от простой торговли товарами к многопрофильному экономическому взаимодействию на высоком уровне и на обмены, такие как технологии и трудовые услуги, чтобы позволить китайской и иранской экономикам извлечь выгоду из общего роста [1].

Нин Цзюаньхун и Ян Синли в своей статье представили китайско-иранское экономическое и торговое развитие: «гладкий путь» и «узкие места» в экономических и торговых отношениях двух стран, где по-прежнему доминирует торговля энергоносителями. Авторы отметили, что Китай должен расширять сотрудничество в рамках проектов по контракту с Ираном в сфере развития промышленных инвестиций в новых областях, особенно в области автомобилей и мотоциклов [2].

Факторы, влияющие на двусторонние торговые отношения в современный период, рассмотрел в своей работе Чжао Цзин [3].

Охарактеризовал существующие проблемы развития торгово-экономических отношений между Китаем и Ираном Чжан Чаоян. Он изложил благоприятные условия для этого и ограничительные факторы. Ученый показал перспективы торгово-экономических отношений Китая и Ирана, предложил методы и ключевые области взаимодействия, которые Китай должен использовать в экономическом и торговом сотрудничестве с Ираном [4].

На особенности торговли между Китаем и Ираном указал Ли Вэй. Кроме того, он проанализировал тенденции двусторонней торговли. Автор отметил, что причиной быстрого роста китайско-иранских экономических и торговых связей было содействие технологическому сотрудничеству. Однако, рассматривая их рост, он указал на повод для беспокойства: Китай имеет большой дефицит торгового баланса между двумя странами, и эта серьезная несбалансированность торгово-экономических отношений приведет к эскалации торговых разногласий. Автор внес предложения [5].

Всестороннее исследование текущей ситуации, тенденций и перспектив развития китайско-иранской товарной торговли провел Чжао Вэйхун. Автор пришел к выводу, что в торговле Китая с Ираном товары со сравнительными преимуществами являются капиталоемкими, трудоемкими и технологичными продуктами, а Иран в торговле с Китаем имеет преимущества в ресурсоемких товарах. По мнению исследователя, характер двусторонней торговли между Китаем и Ираном, ресурсные преимущества Ирана и китайская рабочая сила, капитал и технологические преимущества могут сформировать совместную силу для продвижения китайско-иранских экономических и торговых отношений, чтобы добиться большого прогресса [6].

Стратегическую модель китайско-иранских экономических отношений построили Го Жуй, Ван Сюэ и Ян Синли. Сделали они это посредством анализа китайско-иранской экономической и торговой зависимости. Авторы полагали, что экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Ираном будет способствовать экономическому развитию не только Азии, но и других регионов мира [7].

Товарную структуру торговли товарами между Китаем и Ираном в своей магистерской диссертации изучила Го Цяомей. Используя теорию международной торговли и математические модели, она обнаружила разницу в товарной структуре китайско-иранского экономического взаимодействия и сформулировала предложения по корректировке товарной структуры экспорта Китая в Иран [8].

2. Промышленное сотрудничество между Китаем и Ираном.

Чен Лин в своей магистерской диссертации пришла к выводу, что иранская экономика в целом постепенно улучшается, но существует острая необходимость серьезно подкорректировать структуру промышленности для решения таких проблем, как неразвитость третичной промышленности и сильная зависимость от нефтяной промышленности. Автор внесла предложения по совершенствованию [9].

Принцип разделения стадий роста промышленной структуры Ирана выдвинул Юэ Юньхуа. Он разделил процесс ее развития на две стадии, проанализировал и обобщил характеристики развития трех основных отраслей промышленности страны на каждой стадии [10].

Ян Цяохуа обратила внимание на то, что у Китая и Ирана есть основа, а также внутренние и внешние условия для сотрудничества в автомобильной промышленности, разъясняет преимущества Китая в ней и тот факт, что Ирану необходимо внедрять технологии и капитал. Автор дает рекомендации по вопросу сотрудничества с китайскими предприятиями [11].

Внимание на текущем состоянии китайско-иранского промышленного сотрудничества сосредоточил Фэн Юаньсун. Он обобщил достижения, существующие проблемы и причины китайско-иранского взаимодействия, проанализировал его общую форму. Автор изучил статистику прямых инвестиций Китая в нефтегазовую, электроэнергетическую и текстильную промышленность Ирана, провел исследование инвестиций Ирана в автомобильную промышленность Китая и передачу технологий, а также выдвинул предложения по развитию китайско-иранского промышленного сотрудничества [12].

Внутреннюю связь и интерактивные отношения между Китаем и Ираном в процессе развития сельского хозяйства раскрыл Чжан Чаоян. Он выдвинул конкретные предложения относительно методов и ключевых направлений китайско-иранского торгово-экономического сотрудничества. Чжан Чаоян считает, что сотрудничество между Китаем и Ираном целесообразно в сельскохозяйственной отрасли. Автор выдвигает предложения на макро- и микроуровнях, а также конкретные пути и ключевые области взаимодействия в сельском хозяйстве [13].

3. Прямые иностранные инвестиции в китайско-иранском экономическом сотрудничестве.

Развитию инвестиционного сотрудничества Китая и Ирана посвятил свою статью Ван Юн. Он кратко обобщил процесс взаимодействия между двумя странами после установления дипломатических связей. Отмечается, что отношения между Китаем и Ираном прошли четыре этапа. Анализируется стратегия безопасности, экономическая, торговая и инвестиционная стратегии. Ван Юн считает, что китайско-иранские транснациональные инвестиции в новую эпоху имеют стратегическое значение. Посредством всестороннего обсуждения необходимости, осуществимости и анализа препятствий для китайско-иранских транснациональных прямых инвестиций он выдвигает конкретные принципы реализации и рамки инвестиций между странами. Автор определил область и способ трансграничных инвестиций между Китаем и Ираном. Рассматриваемое исследование является достаточно подробным [14].

Инвестиционное сотрудничество между Китаем и Ираном исследовал Хань Шаоцин. Данное изучение проходило с использованием метода теоретического анализа. Инвестиционная окружающая среда в Иране рассматривалась с применением методов количественного анализа и с учетом текущей ситуации, а также характеристик китайских инвести-

ций в Иране. Автор труда делает выводы об инвестиционной стратегии Китая и ключевых областях Ирана. Однако Хань Шаоцин не принял во внимание исследования об инвестициях Ирана в Китай [15].

Материальную основу энергетической дипломатии Ирана, преимущества геополитического положения и нефтегазовой геоэкономики представил в своем труде Ян Шиюань. Автор показал возможности иранской энергетической дипломатии, изложил ее основные характеристики в новом столетии и перспективы, проанализировал ее влияние на будущее китайско-иранского нефтегазового сотрудничества, предложил меры по предотвращению рисков.

Относительно полный прогноз китайских инвестиций в Иран и их перспектив сделал в своей диссертации Цзэн Ли. Кроме того, он сформулировал предложения по всестороннему предотвращению инвестиционных рисков [17].

4. Сотрудничество между Китаем и Ираном в области ресурсов и энергетики.

Основные проблемы китайско-иранского энергетического сотрудничества показал в своей статье Ли Сяолу. Их три: геополитика, внутренние иранские риски и международное общественное мнение. Однако из-за наличия общих интересов между Китаем и Ираном перспективы сотрудничества двух стран хорошие. Он указал на возможность установления между Китаем и Ираном долгосрочного стратегического партнерства, основанного на ресурсах и энергии [18].

Основываясь на анализе инвестиционной среды Ирана в нефтегазовой отрасли, Чжан Хайся с коллегами проанализировал возможности и проблемы китайско-иранского сотрудничества в области нефтегазовых ресурсов и предложили его модель, что может стать шагом вперед в изучении китайско-иранского взаимодействия в области энергетических ресурсов [19].

Шан Яньли, Чжан Юньдун и Чжу Яньфан, рассмотрев опыт и уроки крупных международных компаний, доказали, что возможности и риски китайско-иранского нефтегазового сотрудничества существуют [20].

Исследование сотрудничества между Китаем и Ираном в области добычи железной руды провел Го Цзюнь. Он указал, что железная руда Ирана заменила часть экспорта нефти в условиях экономического кризиса. Показаны потребности Китая, оценены риски транспортных маршрутов и железнодорожного сотрудничества, предложены меры противодействия [21].

Таким образом, в настоящее время имеется достаточный объем исследований в китайской историографии по проблемам стратегического партнерства Китая и Ирана на современном этапе. Исследования китайско-иранского партнерства обычно осуществляются в следующих областях: двусторонняя торговля, промышленное сотрудничество, взаимные инвестиции и сотрудничество в области ресурсов и энергетики.

Не со всеми выводами и предложениями, содержащимися в указанных работах, можно согласиться. В то же время представленный в них фактический материал, интересные концепции принесли несомненную пользу для более глубокого изучения основных направлений развития отношений Китая и Ирана.

Список источников

1. Тан, Баокай. Обсуждение перспектив торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Ираном / Баокай Тан // Западная Азия и Африка. – 2021. – № 3. – С. 8–10 (на кит. яз.).
2. Нин, Цзюаньхун. Экономические и торговые отношения между Китаем и Ираном и стратегии развития / Цзюаньхун Нин, Синли Ян // J. of Chongqing Gongshang University (Social Science Edition). – 2019. – № 8. – С. 3–6 (на кит. яз.).
3. Чжао, Цзин. Анализ развития китайско-иранской торговли, влияющих на нее факторов и контрмер / Цзин Чжао // J. of Chongqing Institute of Technology (Social Science Edition). – 2020. – № 4. – С. 7–9 (на кит. яз.).
4. Чжан, Чаоян. Кратко об экономических и торговых отношениях между Китаем и Ираном / Чаоян Чжан // Журн. Юньнан. финансово-экон. ун-та. – 2021. – № 3. – С. 32–35 (на кит. яз.).
5. Ли, Вэй. Кратко об особенностях и тенденциях развития двусторонней торговли между Китаем и Ираном / Вэй Ли // World Geographic Research. – 2022. – № 1. – С. 9–11 (на кит. яз.).
6. Чжао, Вэйхун. Исследование сравнительных преимуществ товарной торговли Китая с Ираном в начале XXI в. : магистр. дис. / Вэйхун Чжао. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2018. – 77 с. (на кит. яз.).
7. Го, Жуй. Размышления о китайско-иранских экономических и торговых отношениях в новую эпоху / Жуй Го, Сюэ Ван, Синли Ян // Журн. Чунцин. ин-та науки и технологий (Social Science Edition). – 2020. – № 10. – С. 76–82 (на кит. яз.).
8. Го, Цяомей. Исследование структуры китайско-иранской товарной торговли в начале XXI в. : магистр. дис. / Цяомей Го. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2011. – 70 с. (на кит. яз.).
9. Чен, Лин. Промышленная структура Ирана : магистр. дис. / Лин Чен. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2018. – 64 с. (на кит. яз.).
10. Юэ, Юньхуа. Краткое обсуждение характеристик стадии роста промышленной структуры Ирана / Юньхуа Юэ, Цинхун Ран // World Geographic Research. – 2021. – № 12. – С. 22 (на кит. яз.).
11. Ян, Цяохуа. Предварительные исследования развития автомобильной промышленности Китая в Иране : магистр. дис. / Цяохуа Ян. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2017. – 77 с. (на кит. яз.).
12. Фэн, Юаньсун. Исследование китайско-иракского промышленного сотрудничества : магистр. дис. / Юаньсун Фэн. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2020. – 62 с. (на кит. яз.).
13. Чжан, Чаоян. Исследование сельскохозяйственного сотрудничества между Китаем и Ираном : магистр. дис. / Чаоян Чжан. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2021. – 54 с. (на кит. яз.).
14. Ван, Юн. Предварительное исследование области и реализации китайско-иранских транснациональных инвестиций в новую эпоху / Юн Ван // Журн. Чунцин. ун-та технологий и бизнеса. – 2021. – № 12. – С. 5–7 (на кит. яз.).

15. Хань, Шаоцин. Исследование инвестиционной среды Ирана в новую эпоху и инвестиционная стратегия Китая в Иране : магистр. дис. / Шаоцин Хань. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2019. – 59 с. (на кит. яз.).
16. Ян, Шиюань. Практика энергетической дипломатии Ирана в начале XXI в. и ее влияние на китайско-иранское нефтегазовое сотрудничество : магистр. дис. / Шиюань Ян. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2022. – 89 с. (на кит. яз.).
17. Цзэн, Ли. Исследование текущей ситуации и перспектив прямых инвестиций Китая в Иран : магистр. дис. / Ли Цзэн. – Чунцин : Юго-Запад. ун-т, 2019. – 65 с. (на кит. яз.).
18. Ли, Сяолу. Проблемы китайско-иранского энергетического сотрудничества / Сяолу Ли // Справ. по междунар. исслед. – 2019. – № 12. – С. 3 (на кит. яз.).
19. Чжан, Хайся. Анализ нефтегазового сотрудничества между Китаем и Ираном / Хайся Чжан, Бансинь Чэнь, Сючэн Дун // Экономика особой зоны. – 2018. – № 1. – С. 12–14 (на кит. яз.).
20. Шан, Яньли. Анализ текущего состояния и перспектив китайско-иранского нефтегазового сотрудничества / Яньли Шан, Юньдун Чжан, Яньфан Чжу // Междунар. экон. сотрудничество. – 2018. – № 7. – С. 36–39 (на кит. яз.).
21. Го, Цзюнь. Текущая ситуация и меры противодействия импорту Китаем железной руды из Ирана / Цзюнь Го // World Shipping. – 2019. – № 2. – С. 8–9 (на кит. яз.).

Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор Н. И. Дрозд